

Качели
времени.
Мама!

Ирина Корневская
Тамара Корневская

**Тамара Егоровна Кореневская
Ирина Михайловна Кореневская
Качели времени. Мама!**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70321312

SelfPub; 2024

Аннотация

Эту книгу я посвящаю самому родному и близкому, самому дорогому человеку – моей героине, моей маме. Моя любимая, моя хорошая, ты ушла, но я тебя помню, а значит, ты всегда остаешься рядом. Смерть бессильна там, где живет любовь.

Содержание

Глава первая. Уникальный род	7
Глава вторая. Видения наяву	15
Глава третья. Может, это болезнь?	23
Глава четвертая. Томас	33
Глава пятая. Самое страшное	42
Глава шестая. Масштабы бедствия	51
Глава седьмая. Что-то надвигается	60
Глава восьмая. А что такое смерть?	69
Глава девятая. Первые звоночки?	77
Глава десятая. Камень	86
Глава одиннадцатая. Мои боль и опыт	95
Глава двенадцатая. Коварство смерти и любви	103
Глава тринадцатая. Жизнь продолжается	111
Глава четырнадцатая. Самое прекрасное и самое ужасное	120
Глава пятнадцатая. После того как я предал маму	128
Глава шестнадцатая. Знакомый незнакомец	137
Глава семнадцатая. Старый-новый дядя	146
Глава восемнадцатая. Репродуктивные особенности дроди	155
Глава девятнадцатая. Нечаянная любовь	164
Глава двадцатая. Воспоминания о том, чего еще	173

не было	
Глава двадцать первая. Страшное время потери	182
Глава двадцать вторая. Как убежать от грядущего?	191
Глава двадцать третья. План Б	200
Глава двадцать четвертая. Сепарация	208
Глава двадцать пятая. Внезапное предложение	216
Глава двадцать шестая. Как испортить чужую репутацию?	225
Глава двадцать седьмая. Из жалости я должен быть суровым	234
Глава двадцать восьмая. Шалость удалась	243
Глава двадцать девятая. Ты можешь мне все рассказать	251
Глава тридцатая. Ревность?	260
Глава тридцать первая. Забытый камень	268
Глава тридцать вторая. Что-то не сходится	276
Глава тридцать третья. Минералогия	284
Глава тридцать четвертая. Пожар	293
Глава тридцать пятая. Правда ли наступит конец света?	302
Глава тридцать шестая. Кошмар сбывается наяву	311
Глава тридцать седьмая. Мама?	320
Глава тридцать восьмая. Тайна агата	328
Глава тридцать девятая. Торжественный обед	337
Глава сороковая. Как все было	346

Ирина Кореневская, Тамара Кореневская Качели времени. Мама!

«Раз-два-три-четыре-пять

Вышел зайчик погулять.»

Я выхожу из школы и вижу маму. Она стоит у ворот, машет мне, улыбается. Светлые волосы, будто покрытые пылью с искоркой, развеваются по ветру. Мама улыбается, ждет, когда я подбежу к ней.

«Вдруг охотник выбегает

Прямо в зайчика стреляет.»

Нащупываю в кармане округлый агат с маленькой дырочкой посередине. Он теплеет от моего прикосновения. Моргаю, открываю глаза, вижу маму. Волосы ее потускнели, уголки губ дрожат. Ей трудно улыбаться, но она старается. Для меня. Глаза будто затягиваются туманом.

Выпускаю камень из пальцев, моргаю. Радостная мама идет ко мне. Волосы переливаются, глаза ясные, смотрят ласково. Она улыбается и обнимает меня. А я чувствую тяжёлый камень в кармане.

Я Оксинт из рода Архимеда. Я вижу будущее.

Глава первая. Уникальный род

Наш род уникальный. Ведь мы ведем его от самих Хроносов. Это для других они всемогущие, а для меня, для всех нас – Даниил и Дания. Дан бывает у нас нечасто, ему нельзя долго находиться во времени. Но, когда намечаются всеобщие семейные торжества, он просто переносит нас всех во вневременность. Это легче, чем таскать членов семейства из одного времени в другое. Да и он с нами может подольше побыть.

Я люблю Даниила. С ним всегда интересно, мы много разговариваем. Мне даже лестно, что такой умный и мудрый человек находит любопытной беседу с десятилетней мальчишкой. Правда, иногда мне и вовсе кажется, что Хронос – мой ровесник. Таким ребячливым он бывает временами. Его все обожают.

Данию тоже. Как-то Саша, жена моего дяди, признавалась, что поначалу боялась нашу богиню, и даже недолюбливала ее. Не могу в это поверить! Дания очень милая, красивая – почти такая же красивая, как мама. И заботливая. Вот она бывает у нас почти каждый день, и всегда находит для меня время. Играет со мной, раньше часто читала мне сказки перед дневным сном. Утешает, если я вдруг поссорюсь с сестрой или у меня что-то не получается. И всегда обнимает, здороваясь и прощаясь. От нее пахнет яблоками.

Словом, всемогущие – живые, добрые, прекрасные ребята. Но мы не афишируем родство с ними. Во-первых, у нас не принято кичиться своим происхождением. Во-вторых, нам бы наверняка не поверили. Люди склонны наделять все незнакомое разными чертами, несоответствующими истине. Вот и про Хроносов они думают, что те равнодушные, холодные, бесчувственные. А это не так. Безэмоциональный у нас я. Без эмоций. Холодный, как камень, который я постоянно таскаю с собой.

Таким я был не всегда. Еще недавно старший сын главного ботаника планеты Эдем ничем не отличался от сотен других мальчишек. Разве что у меня волосы цвета воронова крыла, как у папы. Это у нас редкость. В остальном же я был абсолютно обычным, даже слишком. Хотя у мамы на этот счет имеется другое мнение.

– Ты уникальный! – говорит она утром.

И крепко-крепко меня обнимает.

– Ты не такой, как все. – повторяет она, расчесывая меня.

Но упрямый черный ежик волос все равно стоит дыбом, несмотря на мамины старания.

– Ты моя радость. – улыбается мама, когда я, в течение дня прибегаю, чтобы просто ее обнять.

И получаю в награду мамин поцелуй. Мама пахнет корицей.

– Солнышко! – окликает она меня.

И я всегда стремглав несусь на ее зов.

– Мой хороший. – ласково говорит она вечером, укладывая меня спать.

А снятся мне всегда самые чудесные сны, которые лишь можно себе вообразить.

Маме вторит папа. С утра пораньше он катает меня на плечах. Подбрасывает так, что у меня замирает дух, и ловит. А еще я люблю, когда он берет меня за руки, и кружит, кружит, кружит, а я как будто лечу. И мне не страшно: я знаю, что отец никогда меня не отпустит и не уронит. Он крепко обнимает меня, а я чувствую, как бьется его сердце, которое так любит нас, нашу семью.

У меня есть сестренка, она старше и такая вредная! Но я ее все равно люблю. Ее назвали Александрой, в честь жены дяди. Она уже почти взрослая, ведь ей скоро исполнится тринадцать лет. С ней интересно, она так увлекательно рассказывает о том, о чем я и не слышал. Да, мы с ней иногда ссоримся, но она много для меня делает! Например, год назад помогла уговорить родителей оставить черного щенка Пирата, которого я нашел на улице. Сейчас это огромный пес, на котором можно ездить верхом. Он спит возле моей кровати и всегда везде следует за мной.

Мы счастливая семья. Нам это часто говорят. А недавно мы стали еще счастливее, потому что у нас появился третий ребенок. Родители назвали его Антеем, так зовут и дедушку. Когда малыш только родился, папа сказал, что, скорее всего, они теперь не смогут, как раньше, столько же времени про-

водить со мной. Однако они меня по-прежнему любят, как и Александру, как и нового малыша. Просто ребенку нужен уход, ведь он, в отличие от меня, не может самостоятельно одеться или поесть. Я согласился с отцом в том, что маленькому Антею действительно нужна помощь всех нас и отправился с ним знакомиться.

Младенец оказался таким смешным! Он крохотный и совершенно лысый, но уже умеет улыбаться. Я сразу его полюбил и решил, что тоже буду о нем заботиться. Ведь это мой младший брат! Так что в нашей жизни почти ничего не изменилось. Мы с сестрой с удовольствием возимся с Антеем, а родители в это время могут отдохнуть. Когда же они находятся с ребенком, мы занимаемся своими делами.

Единственная проблема заключается в том, что я даже не умею играть сам с собой. У меня всегда для этого дела была компания: родители или сестра. Однако теперь часто бывает так, что все заняты и потому я совершенно не могу себя развлечь. Папа это увидел, и быстро нашел из такой ситуации выход.

Он давно заметил, что меня привлекает агат, который всегда лежит у него на столе. В минерале черного цвета проделана маленькая аккуратная дырочка, и в этом месте края камня словно слегка оплавлены. Отец рассказывал, что это – память о его давнем хорошем друге Агате. Но что случилось с ним, и какое отношение к нему имеет минерал, не поведал. Говорит, что ему до сих пор больно об этом вспоминать.

Я с расспросами не лезу, чтобы не тревожить папу. А камень мне очень нравится, прямо магнитом к нему тянет. Раньше я играл с агатом только когда отец работал в своем кабинете, возился рядом с ним. Но теперь он разрешил мне пока что взять минерал себе. Я с радостью так поступил, и не выпускал его из рук пару дней.

Вскоре я заметил, что обычно прохладный агат нагревается от моих прикосновений. И дело не в том, что я подолгу держу его в руках. Стоит всего на пару секунд прикоснуться к нему, как температура поверхности подскакивает аж на пару градусов. А потом на черном зеркале минерала стали вспыхивать маленькие молнии. Однако я не чувствовал ударов током, хотя это было бы логично. Просто тепло, которое исчезало по прошествии пары минут.

Потом и вовсе начали твориться удивительные вещи. Как-то утром я сидел на кухне, и рассматривал всполохи на глянце минерала. В помещение зашла мама, и поинтересовалась, буду ли я овсянку на завтрак. Ничего странного, правда? Но когда я отложил камень и собрался ей ответить, то обнаружил, что кроме меня на кухне никого нет! И уже через несколько секунд снова зашла мама, и задала тот же вопрос. Когда же я сказал, что она это уже спрашивала, мама сильно удивилась. Но ведь и правда вопрос звучал точно так же, и даже с теми же интонациями. Прямо дежавю какое-то!

Я бы скоро забыл об этом странном происшествии, если бы уже на следующий день ситуация не повторилась. Случи-

лось это на уроке математики. Учительница задала вопрос, и на него тут же ответил наш самый главный отличник. Я в этот момент опять держал камень в руках. Учительница предложила записать в тетрадь новое правило, я отложил агат, и... И снова услышал тот же вопрос. Ответ на него, который я только что слышал от своего одноклассника, слетел с моих губ. Учительница кивнула и предложила перейти к записи правила, а отличник удивленно на меня посмотрел. Впрочем, я находился в не меньшем изумлении.

Этих двух ситуаций хватило для того, чтобы понять: я вижу будущее. Причем не сам по себе, а при помощи папиного камня. Но это все равно странно, так как до этого момента я и вовсе не обладал никакими способностями. Мне всегда было обидно по этому поводу, ведь и мои соотечественники – очень сильные маги, и представители моего рода тоже могут творить настоящие чудеса, используя собственный энергетический потенциал.

Но в семье не без урода – эту поговорку я как-то услышал из уст тетушки, не в мой адрес, конечно. Однако она мне полностью подходит. И, несмотря на мамины слова о моей уникальности, я знаю, что это не так. Ну если только я уникален в своей бесталанности. Ведь все вокруг обладают какими-то способностями!

Про Хроносов я молчу – на то они и всемогущие, чтобы иметь такие возможности, о которых другие даже не мечтают. Но вот мой собственный папа, например, своей энер-

гией заставит расцвести даже сухую палку. Мама лечит животных. Едва ее легкая, немного прохладная ладонь, коснется больного места, как зверь или птица сразу чувствует себя лучше. И такие дары дают знать о себе с раннего детства.

Когда я только родился, сестра обнаружила свою способность. Она пошла в маму, и ее дар тоже связан с лечением. Александра безошибочно указывает орган, которому нужна помощь. Причем ее дар распространяется как на животных, так и на людей. А маленький Антей уже в полгода обнаружил необычайную для младенца силу. Я же ничем не выделяюсь, и это меня расстраивает.

Правда, тетя Саша вот вообще не подозревала, что обладает какими-то там особенностями, пока ей не исполнилось аж двадцать пять лет! И то, ей помог Даниил. Когда я узнал об этом, то немедленно попросил его, чтобы он и мою силу пробудил. Но Хронос, который меня всегда с удовольствием балует, в этот раз отказал.

– Понимаешь, милый. – объяснял он. – Сила должна пробудиться естественным образом. Форсировать события не рекомендуется, иначе твоя энергия может стать неуправляемой: ты получишь больше, чем сможешь освоить.

– Но тете Саше ты помог!

– Там была другая история. Ее сила дремала слишком долго, и вовсе не пробудилась бы без посторонней помощи. К тому же, она была старше тебя в два с половиной раза. Наконец, это были не те обстоятельства. Она находилась в огром-

ной опасности... И я надеюсь, что больше никому из моих потомков не придется таким образом пробуждать силу!

Глава вторая. Видения наяву

Так наш разговор тогда и закончился. Умом я осознавал, что Даниил прав, но немного на него обиделся. Неужели он не понимает, каково мне быть белой вороной? Поэтому, когда я обнаружил, что могу видеть будущее, не сказал об этом никому – даже ему. К тому же, мне было интересно самостоятельно разобраться с таким удивительным даром. А если я расскажу о нем взрослым, у меня сразу же отберут агат, и моя способность тоже исчезнет. Я снова стану самым обычным, ничем не примечательным пацаненком.

Первое время было весело: я видел будущее до того, как оно произойдёт, и мог его менять. Например, быстрее остальных давать правильные ответы на уроках, как это было после моего второго «дежавю». Или «предугадывать», что сейчас случится, и наблюдать за изумлением окружающих. Какими забавными становились в этот момент их лица!

Агат демонстрировал мне то, что произойдет, каждый раз, как я брал его в руки. Это вызывало определенные неудобства, потому что иногда мне нужно было просто переложить камень, безо всяких там видений. Но постепенно, кажется, он стал считывать мои стремления, и показывал будущее лишь тогда, когда я сам этого захочу. И поэтому мне стало казаться, что я его приручил.

Длительность видений зависела от того, как долго мине-

рал находится в моей руке. А срок, на который он переносил меня в будущее, со временем увеличивался. Сначала он показывал только то, что произойдет в ближайшие пару минут. Но постепенно я стал видеть на час, два, день вперед, потом на неделю. Чем больше я упражнялся, тем лучше у меня все получалось.

Но за все приходится платить, в том числе и за сверхспособности: по ночам мне стали сниться кошмары. Никаких чудовищ или катастроф: я видел маму, которая сильно заболела, видел, как с каждым выдохом жизнь уходила из нее. И это было для меня страшнее конца света! Испуганный, я просыпался, нащупывал агат, который покоился под подушкой, и теперь, уже почти спокойно, засыпал до утра.

А утром меня будила здоровая и веселая мамочка. После таких ночных кошмаров, я крепко ее обнимал, слушал, как бьется ее сердце, и постепенно успокаивался. Потом брал из-под подушки мертвенно холодный, почему-то очень тяжелый, камень, и занимался привычными утренними делами.

Время шло, маленький Антей подрастал, и все чаще проявлял самостоятельность. Родители старались делить свое время между всеми нами тремя, и я снова стал много времени проводить в компании мамы – как раньше. Теперь, после таких страшных сновидений, я особо ценил каждую секунду, которую был с ней.

А кошмары я видел уже каждую ночь. В итоге, чтобы избавиться от них, я вернул агат отцу, хотя он на этом и не на-

стаивал. Я был уверен: мамочка с нами на долгие годы, но видеть ее ослабевшей, смотреть, как она мучается, пусть и во сне, не хотел. Так что решил: пусть даже не будет у меня никакого дара, зато и кошмары уйдут. К тому же, надо быть честным с самим собой: это не моя способность. Наверное, камень являлся каким-то амулетом, вызывавшим такие видения. Так что, расставаясь с ним, я не терял ничего. Зато приобретал душевное равновесие.

И действительно, столь пугавшие меня сны, ушли. Правда, проявилась тоска по агату: ведь несколько месяцев я был с ним неразлучен. Все время тянуло снова взять его в руки, но я боялся наяву увидеть то, что мне снилось. Однако я все равно приходил к отцу в кабинет, смотрел на минерал, как замороженный. Но не брал его, хотя папа предлагал повозиться с моим любимым камнем.

Но вот, по прошествии пары недель, и тоска по агату почти ушла, и будущее я больше не видел... Да и день выдался интересный: мы все отправились в гости к старшему брату папы. А он, вместе с тетей Сашей, живет на Земле, в Сибири, где сейчас царит настоящая зима! Маленький Антей познакомился с таким чудом впервые. Ведь у нас на Эдеме всегда вечное лето, не считая пары коротких прохладных месяцев.

Мы с сестрой, уже ранее видевшие снег, возились в нем с удовольствием. Да и мама от нас не отставала. Вот она, шутя, плюхнулась в сугроб. Я уж было решил последовать ее примеру, но задержал взгляд на мамином лице, моргнул...

И увидел ее, белее снега, на котором мама лежала. Нет, это был не снег, а высокие подушки, белые, твердые, холодные. Белые стены палаты, белая ночная сорочка на маме.

И лицо ее, потерявшее всякий румянец. Зеленые огромные глаза ярко горят каким-то нездешним огнем. А губы, бледно-розовые, все искусаны, сухие, в мелких трещинках... Она ищет меня взглядом и, найдя, пытается улыбнуться. Но губы ее не слушаются, их уголки только едва поднимаются, а потом снова плывут вниз. Она неровно дышит, а я вижу, ощущаю, что выдыхает мама не воздух, а саму жизнь. Судорожный вдох, и длинный прерывистый выдох частички жизни.

Я бросился к матери, споткнулся, стал падать и инстинктивно зажмурился. Вдруг я почувствовал, как лицо укололо тысячами миниатюрных игл. Открыл глаза, отпрянул от снега, и оглянулся. Сестра и мама удивленно смотрели на меня.

– Оксидент, все нормально? – встревоженно спросила мать.

На ее щеках играет морозный румянец, ласковые глаза смотрят встревоженно. Она подает мне руку, я встаю, прижимаюсь к ней, и понимаю: это был кошмар наяву. Мамочка здорова, жизнь не уходит из нее. Все хорошо.

– Все хорошо, мамочка. – повторяю я вслух. – Споткнулся.

– Да у тебя же шнурок развязался! – заявляет сестра.

Мама качает головой, и уже собирается присесть, завязать мне шнурки, но я отказываюсь, и сам с ними справляюсь. А

потом крепко ее обнимаю.

Зимние забавы мне, конечно, уже неинтересны. До вечера я не нахожу себе места. Почему я снова это увидел?! Ведь у меня нет агата, он вообще остался в другом времени и на другой планете! И самый главный вопрос, который меня мучил: как покончить с такими видениями? Каждый раз они так сильно пугают меня. И каждый раз я боюсь, что кошмар вдруг окажется реальностью.

Вечером, после вкусного ужина, все собрались в гостиной, и вели неспешную беседу. Я же отправился на кухню, чтобы сделать себе какао. Следом за мной пришла тетя Саша.

– Оксинт, что случилось? – без предисловий спросила она.

Я люблю жену папиного брата. Хотя она взрослая, но, как и Дан, совершенно не кичится разницей в возрасте. А иногда ведет себя так, будто бы старше меня всего на пару лет. Еще ей можно доверить любой секрет, и она никому его не выдаст. И не станет меня осмеивать, и заявлять, что мои детские переживания – это пустяки. Наконец, Саша никогда не ходит вокруг да около, а сразу говорит то, что хочет сказать. Мне это по душе, ведь моё собственное имя значит прямой или резкий.

– Я сам не понимаю. – ответил я на ее вопрос.

И рассказал все о камне, и о моем «даре», о видениях, которые раньше мучили меня только во сне, но теперь пришли и наяву. Александра слушала внимательно и успокаивающе

гладила меня по голове. Потом долго молчала.

– Я в растерянности, мой хороший. Кажется, камень – артефакт с очень темной энергией и большими возможностями. Не всякая вещь может показать то, чего еще нет – будущее. Но вряд ли Иксион стал бы хранить такое дома, и уж тем более давать это своим детям. Откуда у него вообще этот агат?

Я рассказал про папиного друга, и поинтересовался: может, Саша знает, о ком идет речь? Ведь, когда она познакомилась с отцом, тот был в моем возрасте. А значит, вся его жизнь прошла у нее перед глазами. Но женщина только покачала головой.

– Нет, эта история, наверное, произошла до меня. Или же Иксион ничего об этом не говорил. Малыш, я думаю, надо все рассказать Даниилу.

– Нет!

Эту идею я сразу воспринял в штыки. Саша удивленно посмотрела на меня, и я рассказал ей о нашем разговоре со всемогущим. Конечно, она принялась убеждать меня, что Хронос отказал ради моего же блага, что сила должна пробуждаться в свое время, и такое время у меня обязательно настанет. Но я все равно противился и попросил ее не говорить с Даниилом на эту тему. Она задумалась на пару минут.

– Давай так. – сказала в итоге жена папиного брата. – Я сама постараюсь разобраться с твоим камнем. Может, мне удастся понять, что он собой представляет и как с ним бо-

роться. А ты его больше не трогай.

– Да я за километр бы его обходил!

– Хорошо. Но если я ничего не смогу сделать, а твои видения продолжатся – мы расскажем Дану. Договорились? Мой милый, ты можешь оказаться в опасности, и если спасти тебя способен будет лишь Хронос, надо будет забыть об обиде. Хорошо?

– Угу. Но я знаю, что у тебя все и без него получится. Ты крутая.

Саша улыбнулась, и поцеловала меня в лоб. Тут из гостиной раздался голос дяди Алекса, и она поспешила туда. А я сделал какао и тоже ко всем присоединился. Вечер закончился мирно, и даже спал я безо всяких кошмаров.

А на следующий день мы пошли в торговый центр. Маму интересовали магазины, папу – оранжерея, которая находилась на верхнем этаже. Ну а я, с сестрой и братом, остался возле огромной елки, украшенной шарами и переливающимися гирляндами. Там столпилось много малышни и детей постарше, были и их родители. Играла веселая новогодняя музыка.

Антей и наряженную новогоднюю елку видел впервые, поэтому пришел в полнейший восторг. Да и моя сестрица от него не отставала. Поэтому мы влились в общий хоровод, и весело ходили вокруг вечнозеленого дерева.

Малыш держал за руки меня и Александру. Сестра тоже взяла за руку кого-то из детей. А вот с моей стороны оказал-

ся высокий черноволосый мужчина. Лицо его почему-то показалось мне смутно знакомым, хотя в этом времени я знаю лишь семью тети Саши. Еще незнакомец был без верхней одежды, в черных рубашке и брюках. А на шее у него висела золотая цепочка, на которой болталась черная бусина, похожая на мой агат. Мужчина пристально глянул на меня, я же скользнул взглядом по его лицу и продолжил движение по кругу, присматривая за младшим братом. Наверняка этот дядька – чей-то папа, которого дети привлекли к хороводу.

Новогодние песни сменяли одна другую, и через некоторое время я устал. Да и голова уже закружилась от хоровода и шума. Поэтому я сказал сестре, что отойду. Она покрепче взяла за руку маленького Антея, а я отправился искать тихое местечко. Нашел его быстро, в одной из галерей, где почему-то не работали магазинчики. Зато была очень уютная лавочка прямо под пальмой.

Я сел на нее, и тут же передо мной, словно из-под земли, вырос давешний незнакомец из хоровода. Я вскрикнул от неожиданности, а он посмотрел на меня черными злыми глазами и отрывисто велел:

– Никому больше не рассказывай о камне! И не давай его Александре! Иначе случится то, о чем ты будешь горько сожалеть. До самого конца своей недолгой жизни!

Произнеся это, он замахнулся. А я инстинктивно зажмурился от страха.

Глава третья. Может, это болезнь?

Я ждал удара, но его не последовало. Распахнув глаза, я убедился, что галерея абсолютно пуста и никого, кроме меня, в ней нет. Получается, сумасшедший дядька ушел? Но я не слышал его шагов! Впрочем, он и подкрался незаметно, словно действительно материализовался в воздухе прямо передо мной.

Сидеть на лавочке в безлюдном уголке мне расхотелось, и я понесся обратно к елке. Хоть там и шумно, но в толпе людей я буду чувствовать себя в гораздо большей безопасности. А сейчас мне приходилось притормаживать перед каждым углом, чтобы вдруг не налететь на этого безумца. К счастью, все обошлось, и вскоре я уже обнаружил в хороводе сестричку и братика.

А еще через минуту пришли родители, и мне стало совершенно спокойно. Может, рассказать им об этом происшествии? Хотя нет, они только напрасно переволнуются. Наверняка этот мужчина уже далеко, и вряд ли они его найдут. Так что не буду никого беспокоить. И никуда не стану отходить от взрослых.

Я не трус, конечно. Но все-таки прекрасно осознаю, что десятилетний мальчишка ничего не может противопоставить взрослому мужику. К тому же меня испугало то, что он знает про

агат, и про наш разговор с тетей Сашей. Откуда? А еще меня очень напугали его слова о том, что что-то случится. Неужели он про маму?

Только вопросы и ни одного ответа. Пожалуй, надо выкинуть из головы эти мысли. А то вот уже и тетя на меня странно смотрит. Наверняка почувствовала, что что-то не так. И точно. Улучив момент, она шепнула:

– Снова видения?

– Угу. – соврал я.

– Не волнуйся. Мы разберемся.

Я кивнул, а про себя удивился: почему она не прочитала мои мысли? Впрочем, сейчас это даже к лучшему.

Скоро мы вернулись домой, и я полностью успокоился. Здесь дядька не появится. Хотя откуда-то же он узнал о нашем разговоре. Но вряд ли подслушивал под окнами, ведь территория защищается энергией дяди Алекса – а он крутой воин. Скорее всего, мужик просто телепат. И, так как он наверняка сумасшедший, это многое объясняет. Даниил говорил, что на Земле паранормальные способности ярко проявляются лишь у людей с ментальными нарушениями. У них отсутствует подсознательный страх, возникший еще во времена инквизиции, вот и их способности не дремлют, как у остальных, а активно себя проявляют.

Почему я вообще решил, что дядька сумасшедший? Ну а разве станет умственно полноценный взрослый угрожать мальчику, в четыре раза себя младше? Да еще и по причине,

которая его абсолютно не касается, и для большинства землян вообще не важна. Какой-то там камень, какие-то видения... 99% взрослых на этой планете решили бы, что меня надо показать психиатру. Ну или поругали бы за слишком активное и живое воображение, подумав, что их разыгрывают.

Так что все хорошо. Мужик просто сумасшедший, имеющий задатки телепата. И самое главное: сюда он не проберется, а больше в город мы выходить не собирались. У дяди Алекса и тети Саши отличный дом, с собственным двором, где можно играть с утра до вечера. Завтра к тому же Новый Год, который мы отметим тут же. А через пару дней вернемся домой.

Так все и получилось. В новогоднюю ночь мы все обменялись подарками и не спали аж до двух часов! На следующий день и встали поздно, но нас это ничуть не огорчило. Каникулы все-таки!

Второго января мы отбывали в свое время. Взрослые прощались, мы с Майклом, моим двоюродным братом, обменялись рукопожатием. А тетя Саша, обняв меня, шепнула:

– Я приеду через несколько дней и непременно во всем разберусь!

Я кивнул. А затем Даниил перенес нас на Эдем.

– Дети, разбирайте вещи. – сказала мама. – А потом будем готовить ужин.

Мы кивнули и разбежались по своим комнатам. Готовить

вместе с мамой мы любим. Это наша семейная традиция, которую я никогда не игнорирую. Мы собираемся всей семьей, и каждый делает то, что у него лучше всего получается. Папа занимается салатами, сестра возится с тестом, я – с плодами мясного дерева. Мама всем руководит, помешивает то, что варится в кастрюлях и жарится на сковороде, солит, перчит. Антей, по малолетству, пока занимает позицию наблюдателя, но активно участвует в общих разговорах.

В этот раз все тоже шло по привычному плану. Ужин мы быстро приготовили, и отец с сестрой уже носили тарелки и салатники в столовую. Я же ждал, пока мама нарежет хлеб.

– Ай! – вдруг воскликнула она и взмахнула рукой.

Как при замедленной съемке, от ее пальца отделилась капелька крови, почему-то очень темной, почти черной. Она гулко ударилась об пол. Я моргнул, и привычные стены родной кухни тут же исчезли. Вместо них возник больничный коридор.

Вот открылась одна из дверей, и мама, пошатываясь, вышла из нее. Я подскочил к ней, усадил на стул, и обратил внимание на то, какая она бледная, как потускнели ее волосы и глаза.

– Я забыла там сумочку. – мама попыталась встать.

– Сиди. Я принесу.

С этими словами я нырнул в помещение, оказавшееся туалетом. Взял мамину сумочку с раковины и замер. По белой керамической чаше растекалось пятно густой, почти черной,

крови. Пол вдруг ушел из-под ног, я вскрикнул и понял, что падаю. Последнее, что я увидел – лицо давешнего незнакомца. Он стоял прямо напротив меня. Весь в черном, с черной бусиной на шее. Но не успел я как следует испугаться, его поглотила темнота.

– Оксидент! Милый, что с тобой? – раздался встревоженный голос мамы.

Я открыл глаза и обнаружил, что лежу на полу кухни, упал почти в сантиметре от капельки крови, так меня испугавшей.

– Мама, что с твоей рукой?!

– Ерунда, солнышко. Просто порез. Уже не видно. – мама продемонстрировала мне палец.

– Оксидент! – появившийся в дверях отец бросился ко мне. Но я уже сел и постарался скрыть свой испуг.

– Все в порядке.

Однако родители мне не поверили и встревоженно переглянулись.

– Ты упал на днях. – вспомнила мама. – И сейчас...

– Тогда у меня просто развязался шнурок. А сейчас...

Я лихорадочно придумывал причину, по которой не удержался на ногах в этот раз, но папа уже позвал Александру. Когда та подошла, он попросил ее показать, где у меня проблемы со здоровьем. Обычно это нас выручает: например, сестра заранее предупреждает меня о простуде, когда я еще и сам о ней не догадываюсь. Я принимаю все меры, и избегаю томительного постельного режима с высокой температурой.

Вот и в этот раз я глянул на нее с надеждой. Может, действительно, дело во мне? Сейчас Александра скажет, что у меня просто проблемы с головой, и завтра меня отведут к врачу. Честное слово, на фоне таких страшных видений мысль о том, что я несколько поехал крышей, кажется очень даже привлекательной.

Но сестра внимательно осмотрела меня, потом положила руку на мое солнечное сплетение. Закрыла глаза, немного подождала и сообщила, что никаких физических недомоганий она не видит.

– Вот! – сказал я. – Все в порядке. Давайте ужинать?

– Давайте. – согласился отец. – Но завтра пойдем в больницу и ты пройдешь полное обследование.

– Ну пап!

– Не папкай, Оксинт. Ты наш сын и мы хотим, чтобы с тобой все было в порядке.

– И нас очень пугают твои падения. – мягко добавила мама.

– Как скажете.

Расстраивать и, уж тем более, пугать родителей, я конечно не хотел. Поэтому оставалось только покориться.

Ужин и вечер прошли отлично, хотя папа и мама не спускали с меня глаз. Перед сном мама сидела рядом со мной, гладила по голове и ласково на меня смотрела. Обычно она уходит, как только дочитает мне сказку, потому что хочет еще побыть перед сном с Александрой. Но сегодня сказала,

что подождет, пока я усну.

А я внимательно смотрел на нее, стараясь наглядеться вдоволь, запомнить ее лицо, мягкость ее рук, и нежный голос. Мама уже распустила волосы, и они рассыпались по ее плечам, переливаясь, как жемчуг, глаза улыбались и словно светились. Она запела мне колыбельную, а я вдыхал запах корицы, и смотрел на нее, пока глаза не смежила дрема.

Спал я хорошо и даже никакие сны меня не тревожили. А утром проснулся с мыслью, что надо еще больше запомнить маму. Недавние видения по-прежнему сильно пугали меня – и любой ребенок на моем месте испугался бы. Конечно, все это наверняка какая-то ерунда, мама всегда будет рядом. Но все же мне хотелось сохранить как можно больше моментов с ней в собственной памяти. И почаще напоминать ей о том, как сильно я ее люблю. Да, мамы и так знают, что дети любят их сильно, беззаветно. Но лучше лишний раз напомнить, чем промолчать.

Была у меня еще одна мысль, которую я старался гнать от себя. Я боялся, что страшные видения и сновидения были вызваны черным агатом. А камень, который показывает будущее, никогда не ошибается... Но нет! Не надо думать об этом, не надо притягивать негатив. Это какой-то побочный эффект от его использования.

С самого пробуждения роились в моей голове такие мысли. Поэтому за завтраком я очнулся лишь тогда, когда получил от сестры ощутимый пинок за столом. Оказывается,

отец уже трижды произносил мое имя, а я не реагировал.

– Да, папа?

– Сегодня после уроков идем в больницу, сынок. Это недолго, не больно, и я буду с тобой.

– Хорошо, папочка. Спасибо.

Отец улыбнулся и погладил меня по голове. Я же доел кашу и отправился в школу. Не надо расстраивать родителей. Да и где-то в глубине души жила надежда, что Александра вчера просто не нашла какое-то заболевание. Все-таки она ребенок, как и я, а не дипломированный врач. Да и способности в нашем возрасте порой подводят. Я читал об этом.

Занятия пролетели быстро. Сегодня был четверг, мой любимый день в школе. С утра в расписании стояли две физкультуры, в течение которых я с удовольствием плавал в бассейне. Потом урок языка, где мы писали сочинение. Их я очень люблю, и у меня всегда что-то интересное получается. Тетя Александра говорит, что это у нас семейное. Потом, после обеда, мы посетили ботанику и урок игры на музыкальных инструментах. Я был настолько доволен прошедшим днем, что даже забыл о предстоящем визите в больницу.

Вспомнил лишь тогда, когда увидел у ворот школы отца. Но вот что удивительно – с ним была и мама. Раньше она и правда часто приходила за мной, но когда появился Антей, перестала. Я не обижался, потому что маленький ребенок всегда требует много времени. Лучше пусть мама лишние минутки подремлет или просто отдохнет, а я и сам до-

мой дойду. Но что она делает тут сегодня?

– А с кем Антей остался? – строго спросил я, подходя к родителям.

Они рассмеялись, и отец потрепал меня по волосам.

– Все, жена, вырос сынок. Теперь он с нас за все спросит, если что.

– С Антеем сидит Александра, милый. – мама улыбнулась, и обняла меня. – Все хорошо.

Я ткнулся носом в ее волосы и зажмурился. Принюхался: к привычному аромату корицы примешивался какой-то новый запах. Через секунду я понял – так пахнут лекарства.

– Мама? – отстранился я от нее.

Лучше бы я этого не делал! На меня смотрела не мама, а будто ее оболочка. Желтая сухая кожа обтянула череп, глаза ввалились, и совершенно выцвели. Волосы напоминали паутинку: тонкие, бесцветные. А искусанные и сухие, в трещинах, губы пытались улыбнуться. Но сил маме не хватало даже на это простое действие.

– Мама! – испугался я.

Она попыталась сфокусировать на мне взгляд, поморщилась и пошатнулась. Я схватил ее за плечи, обнял, прижал к себе. Подул злой ветер, метнул в глаза песок, и я зажмурился.

– Оксинт! Маленький мой, что с тобой?! – услышал я испуганный голос мамы.

Открыл глаза, посмотрел на нее. Смотрит с тревогой, но

глаза яркие, волосы густые и переливаются, кожа будто светится изнутри. Значит, это снова видение. А на самом деле все в порядке.

– Все в порядке. – повторил я вслух.

Но родители мне не поверили. И, наверное, правильно сделали.

Глава четвертая. Томас

– Надо вызвать врача прямо сюда! – решил отец.

– Папа, ну что ты! – возразил я ему. – Я вполне в состоянии дойти до больницы.

– Не спорь, милый. – мама погладила меня по голове, и встревоженно заглянула в глаза. – Не стоит лишний раз напрягаться.

– Да. – поддержал ее папа. – Сынок, ты же почти на ходу отключаешься. Идите в школу.

Я посмотрел на перепуганных родителей и решил действительно не спорить с ними. Не хочу лишний раз заставлять любимых людей нервничать. И так мои «припадки» их тревожат. Незачем усугублять ситуацию.

Поэтому мы с мамой пошли в школу, а отец остался ждать врача, которого уже вызвал по арновуду. Мы же отправились в медпункт, где мама переговорила с медсестрой. Меня отвели в отдельный кабинет, а там предложили лечь на кушетку. Я послушался и мама села рядом со мной.

– Можешь пока поспать, милый.

– Не хочу. Лучше просто полежу.

Мама улыбнулась, и взяла мою руку в свою. Так мы и провели некоторое время. Она гладила меня по голове и успокаивающе улыбалась. А я опять смотрел на нее, стараясь запечатать ее образ, мягкость ее рук и напевность голоса в сво-

ей душе. Невозможно, наверное, впрок запомнить близкого человека. Но я попытаюсь.

– Елена. – раздался из коридора голос отца. – Дорогая, подойди сюда.

– Наверное, пришел врач. Я скоро.

С этими словами мама вышла. Я напряг слух, пытаюсь услышать, что происходит в коридоре. Однако дверь, которая едва закрылась, приоткрылась снова. Я глянул на вошедшего, и даже не знаю, как удержался от крика. В помещение зашел тот самый мужик, который напугал меня в торговом центре в Сибири!

Он перехватил мой взгляд и приложил палец к губам. Я же лихорадочно соображал, что вообще происходит. Как он тут оказался? На другой планете, в другом времени... Он что, тоже Хронос? И, получается, не сумасшедший? Хотя не факт. Зачем он тогда пытался меня ударить? Взрослый, который находится в своем уме, себе такого не позволит! Однако все это не главные вопросы. А главный: что мне сейчас делать?!

Успокаивало то, что родители были совсем рядом. Можно успеть позвать их на помощь. Но вот успеют ли они прибежать раньше того, как этот псих что-то со мной сделает? У него и оружие при себе может быть, и с него станется использовать его против меня!

– Не бойся, Оксинт. – сказал мужик тем временем.

– Не подходи. – ответил я ему.

На удивление он послушался, и остался стоять на том же месте. Мужчина просверлил меня взглядом. Глаза у него, оказывается, не черные, а серо-стальные, у меня такой же цвет. Вот только, надеюсь, не такой тяжелый взгляд. Правда, смотрит незнакомец с любопытством и, вроде бы, даже по-доброму. Но я его все равно боюсь.

– Не так я должен был начинать наше знакомство. – вздохнул он. – Прости, мальчик, я не хотел тебя напугать, и уж тем более никогда не причиню вреда. Надеюсь, со временем ты мне поверишь. А теперь, как положено воспитанным людям, назову свое имя. Меня зовут Томас.

Я недоверчиво на него посмотрел. Что же получается, он все-таки с Земли? Как раз недавно тетя Саша подарила мне книгу про приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна. Том – это сокращение от Томас. У нас на планете такого имени нет, а вот на Земле оно распространено.

– Прежде всего, я должен попросить у тебя прощение. – продолжил Томас. – Признаю, что в нашу первую встречу действовал резко, и напугал тебя. Меня не извиняет даже то, что я торопился, чтобы ты не наделал глупостей, и не погубил всех... Но поверь, меньше всего я хотел, чтобы ты меня боялся.

– Почему тогда ты едва не ударил меня?!

Этот вопрос, конечно, волновал меня больше всего. Потому что пока слова Томаса явно противоречили его действиям. Ведь если ты попытаешься избить человека, да еще тако-

го, который явно слабее тебя – он, как минимум, будет тебя опасаться. Вряд ли взрослый дядька этого не понимает. Но Томас почему-то удивился.

– Я – тебя?!

А может, он и правда шизофреник?

– Ты замахнулся на меня, я зажмурился. А когда открыл глаза – тебя уже и след простыл. – решил я освежить его память.

Как ни странно, лицо мужчины вдруг разгладилось, а сам он улыбнулся. Нет, полюбуйтесь на него: ему еще и смешно!

– Произошло недоразумение, Оксинг. Разумеется, я никогда не стал бы поднимать руку на ребенка... Да и вообще на любое существо, мыслящее ли, живое ли. Рукой я взмахнул, чтобы коснуться своей подвески. Она помогает мне перемещаться в пространстве, это мой амулет. А что до резкости, с которой я это сделал – как ты наверное догадался, я не балерина, и плавность движений мне несвойственна в принципе.

Я глянул на черный круглый камень, который висел у мужчины на цепочке на шее, и засомневался. Верить ему или нет? Правильно поняв мои сомнения. Томас коснулся подвески, и исчез. Но не успел я удивиться, как он появился буквально в паре сантиметров от того места, где стоял.

– Допустим. – кивнул я. – Но что тебе нужно? И почему ты против того, чтобы я рассказывал о своих видениях? Откуда ты вообще про них знаешь?!

– Очень много вопросов, Оксинт. Очень мало времени. Сейчас придет врач, которому ты тоже не должен рассказывать о своих видениях. Поверь, это важно сделать, чтобы не погубить будущее! А позднее я приду к тебе и дам ответы на все твои вопросы. Тебе не придется долго ждать. Мне просто нужно улучшить момент, когда нам никто не помешает.

Сказав это, он протянул руку к камню. Я, понимая, что Томас сейчас исчезнет, решил все же задать еще один вопрос.

– Но как ты перемещаешься по времени и пространству? Ты Хронос?

Пальцы мужчины замерли в миллиметре от камня. А лицо его исказила горькая усмешка.

– Хорошо бы было... Легко и просто. Но нет, увы нет. Все, Оксинт, я удаляюсь. До скорой встречи. И прошу тебя: молчи. Ради будущего.

Он коснулся камня и тут же исчез. И буквально через мгновение дверь распахнулась и в комнату зашел врач. За ним следовали родители. Мама села рядом со мной, а отец ободряюще улыбнулся. Эскулап же произвел все стандартные манипуляции: послушал меня, посмотрел глаза, уши, измерил температуру, даже рентген сделал. А после попросил родителей выйти. Я забеспокоился, но мама сказала, что они будут сразу за дверью. Когда мы остались одни, врач внимательно на меня посмотрел.

– Оксинт, все, что ты скажешь сейчас, не уйдет дальше

меня. Понимаешь?

– Ты это к чему? – вопреки его желанию, я все-таки не понял.

– У тебя неприятности? Или тебя что-то беспокоит? Твои проблемы явно связаны не с физиологическими, а с эмоциональными переживаниями.

Врать я не умею, голос меня выдает. Поэтому я молча отрицательно покачал головой.

– Ты уверен? – врач решил проявить настойчивость. – Ты можешь мне все рассказать. Никто, ни твои родители, ни кто-то иной, ничего не узнают.

– Уверен. – максимально правдоподобно сказал я. – А от родителей у меня нет секретов.

– Что же, тогда осмотр закончен.

Сказав это, врач попрощался, и вышел в коридор. Я хотел было последовать его примеру, но решил немного подождать. Наверняка он сейчас говорит с родителями. А меня позовут, когда придет пора идти домой.

Поэтому я снова расположился на кушетке и смежил веки. Итак, Томас сказал, чтобы я никому не говорил про то, что вижу. В отношении врача я его наказ исполнил. Но вот что касается тети Саши... Не думаю, что буду следовать этому совету. Да и вообще – она и так уже все знает. Вот приедет и поможет мне во всем разобраться.

Я зевнул и понял, что так скоро и усну. А почему родители до сих пор не пришли ко мне? Решив это выяснить, я рас-

пахнул глаза и... И понял, что снова ничего не понял. Вместо знакомого и привычного школьного медпункта я вдруг обнаружил себя на каком-то поле. Или это пустыня? Кругом, насколько хватало взгляда, была бескрайняя и абсолютно пустая равнина. Под ногами – не земля, не песок, а какая-то серая пыль. Ни дерева, ни кустика, ни травинки. А на небе...

Я задрал голову вверх, да так и замер с открытым ртом. Ни облаков, ни туч не было. Да и самого неба не было. Вместо него на небосклоне расположилось огромное солнце. Или это небо тут такое? На желто-белом полотне будто кипели красные непонятные точки. Но самое страшное было то, что становилось очень жарко. С каждым мгновением температура повышалась, а солнце будто приближалось. Так и сгореть недолго!

Вдруг мне на плечо опустилась чья-то рука и от неожиданности я подпрыгнул. Только что рядом никого не было!

– Оксинт! – раздался знакомый голос.

Подняв взгляд, я увидел Томаса. Или это не Томас?

– Оксинт. – повторил он мое имя. – Если ты нарушишь мой приказ, вселенная перестанет существовать. Мир сам себя сожжет.

– Из-за того, что я не хочу терять маму и пытаюсь избавиться от видений? – уточнил я.

Не думаю, что наш уникальный род настолько уникален, что его история имеет влияние на судьбу всей вселенной! И вообще, как можно запрещать ребенку спасать его мать?!

– Иногда приходится пожертвовать малым, чтобы спасти великое.

Я уже хотел грубо ему ответить, что мои родители – это не малое. Это мой мир! Но тут земля у нас под ногами задрожала, а Томас начал меняться. Я увидел вместо его лица отца, потом маму, и даже Даниила, а потом вообще себя! Но понять и узнать причину этого явления мне помешало странное гудение сверху. Я снова посмотрел на небо и последнее, что увидел – ополоумевшее огромное солнце, которое несло на нас.

– Оксидент, детка! – услышал я встревоженный мамин голос.

Открыв глаза я огляделся, и облегченно выдохнул. Все-таки уснул, и увидел просто кошмарный сон с участием недавнего знакомого. А так я по-прежнему лежу на кушетке в медпункте, и рядом родители, которые обеспокоенно смотрят на меня.

Заглянув в их взволнованные глаза, я почувствовал укол совести. Ну сколько можно им за меня переживать? Может, мама потому и заболела, что будет за меня волноваться? Нет! Этого я допустить никак не должен!

– Мам, я уснул. – сказал я, постаравшись придать голосу максимальную беззаботность.

И в подтверждение своих слов сладко зевнул. Хотя, если честно, спать мне вообще расхотелось.

– Ты же весь горячий. – ответила она. – И во сне у тебя

было испуганное выражение лица!

– Я, наверное, перенервничал из-за того, что со мной происходит. Вспотел, и во сне тоже об этом думал. Вот так и получилось.

Объяснение вышло достаточно неуклюжим, однако в некоторой степени логичным. И, кажется, родителей оно успокоило. Ай да я! А еще только что переживал, что врать не умею.

– Пойдемте домой? – предложил я. – Хочется уже оказаться в родных стенах. Там мне наверняка станет лучше. Ты же, папа, всегда говоришь, что наш дом – наша крепость. Да и Александру пора сменить.

– Пойдемте. – улыбнулся отец.

Я поскакал к двери настолько беззаботно, насколько мог. Дома я и правда успокоюсь. А потом приедет Саша, и поможет мне справиться с моими видениями. И с этим Томасом – тоже.

Глава пятая. Самое страшное

Вечер прошел спокойно. Я сделал уроки, поиграл с Анте-ем, помог по кухне маме. Потом отец отправился в кабинет, разговаривать со своим старшим братом. Я обрадовался: они держат связь через тетю Сашу, она сильный телепат, и даже находясь в другом времени, может связаться с родственниками. Наверное, сегодня она скажет, когда приедет. Скорее бы это случилось!

Я собирался рассказать ей и про Томаса. И плевать, что он приказал мне этого не делать. Ишь ты, приказы раздает! Нашелся царь... Легко приказывать малолетке. А вот пусть попробует что-то приказать или запретить взрослой женщине, которая к тому же мацтиконов победила. Думаю, тут он уже не таким смелым будет.

Пока в голове вертелись такие мысли, я занимался своими делами. И в итоге убедил себя, что после приезда Саши все действительно наладится. А как иначе? Она взрослая, сильная. Она горой за нас. И она обязательно поможет. Придя к такому выводу, я повеселел и даже на душе полегчало. Мама это явно почувствовала, она вообще очень чуткая. И ей тоже стало легче.

Но тут в дверях появился отец. Выражение лица у него было озабоченное, хотя он явно пытался это скрыть.

– Что случилось? – спросила мама прежде, чем это сделал

я.

– Все хорошо. – улыбнулся папа. – Всем привет от Сашей.

Вот только улыбка получилась натянутая, и голос главного агронома планеты прозвучал тоже как-то натянуто. Папа, как и я, не умеет врать. Но тему развивать не стали: родители понимают друг друга с полуслова, и потому мама не настаивала. Я понял, что они поговорят позднее. А еще понял, что случилось что-то из ряда вон выходящее, раз отец не стал рассказывать. Наверняка это связано с Сашей, а значит, и со мной тоже! Тогда придется пошпионить и подслушать, чтобы узнать, что произошло.

Вообще я не сторонник слежки за собственными родителями. Но и папа предпочитает нам не лгать, и делает это лишь в экстраординарных ситуациях. Так что я обязательно должен узнать, в чем дело.

К счастью, родители не стали откладывать разговор в долгий ящик. Перед самым ужином отец отправился сорвать свежей зелени с грядки. А мама тут же вспомнила, что хотела прихватить овощей, и отправилась следом за ним. Хотя вообще она забывчивостью не страдает. Я понял – это предлог. И потому прокрался в кабинет, окно которого как раз и выходит на наш огород. Антей смотрел книжку с картинками, а сестра что-то внимательно изучала в своем арновуде. Поэтому моя самоволка осталась незамеченной.

– Что случилось у Саш? – услышал я мамин голос.

Угадал! Сейчас я все узнаю.

– Майкл провалился под лед. – обеспокоенно ответил отец. – Слава всему, Дан его вытащил. Но парень слег с пневмонией. Гигия уже там, а я завтра отвезу растения. Сама знаешь, как в их времени с медициной.

– Какой кошмар! Бедный ребенок! А на месте Александры я бы просто с ума сошла!

– Да уж... Саша дежурит возле его кровати, и по словам Алекса, наверное, придется ей снотворное вкалывать. Она и правда едва в себе.

– Еще бы! Может, я отправлюсь туда, помогу?

– Елена, не надо. Гигия все сделает. И я не хочу, чтобы наши ребята испугались.

Я на цыпочках отошел от окна. Спасибо, папа, я уже напуган. Майкл провалился под лед! Это само по себе ужасная новость, но для меня она еще страшнее потому, что в происшествии виноват я. Мой двоюродный брат – умный парень, и он уж точно не станет прогуливаться по замерзшему водоему. Лед ведь штука хрупкая. Наверняка это Томас все подстроил и теперь кузен страдает по моей вине!

Почему я решил, что это дело рук нового знакомого? А как иначе?! Он знает, что я рассказал Саше о видениях, и явно читает мысли. Наверняка Томас продолжает за мной следить, и потому в курсе всех моих размышлений. А значит, ему известно и мое намерение рассказать о нем Саше. Вот он и сделал так, чтобы Майкл пострадал. Не знаю как, но подозреваю, что ему это раз плюнуть.

Расчет правильный: Александре теперь, конечно же, не до меня, ведь ее собственный сын тяжело болен. И Томас еще пытался уверить меня в том, что не хочет причинять мне вред? Но делая больно моим близким, он делает больно и мне. Лицемер! Лицемер и лгун! Так и скажу ему, когда он снова появится. Хотя, может, он и не собирается больше со мной видеться. Наверное, думает, что уже достаточно на меня повлиял. Но нет, не такой уж я и трус. Вот прямо завтра Даниила позову! Плевать на обиду теперь, когда какой-то сумасшедший угрожает моей семье. А Дан его живо к ногтю прижмет. Или Дания – она у нас дама суровая, если надо кого-то вразумить. Церемониться и миндальничать не станет.

Пока эти мысли крутились в голове, вечер шел привычным образом. Мы поужинали, потом провели некоторое время за тихими играми. Родители, обеспокоенные происшествием с Майклом, в основном молчали. Я тоже нечасто подавал голос, но занятые собственными переживаниями, они не обратили на это внимание. И хорошо: не хватало им еще по моему поводу беспокоиться. Ах, как бы сделать так, чтобы родителям вообще не приходилось переживать!

В таком волнении я снова ощутил тоску по агату, которая уже почти прошла. Я не нашел в себе сил бороться с ней и попросил у папы камень. Тот, кажется, даже не услышал, что я сказал, но согласно кивнул. Так что, как и пару недель назад, я снова положил черный минерал под подушку, и сразу же успокоился. Пусть пока побудет у меня. Потом попрошу

Даниила изучить его, а заодно и поработать с этой моей тоской по камню. Я верю, он быстро разберется, в чем дело.

Перед сном мама опять сидела со мной, а я смотрел на нее во все глаза. И даже не заметил, как уснул. Просто вдруг что-то поменялось. Я так же видел родное мамино лицо, но сейчас оно было белее-белого. Волосы ее, потерявшие цвет и блеск, распростерлись по красной подушке, которая так странно контрастировала с ними и с бледной кожей. Само лицо, такое родное, заученное наизусть, выглядело, словно чужое. Глаза, которые всегда смотрят на меня с лаской и любовью, закрыты. И я откуда-то знаю, что никакая сила в этом мире не заставит ее веки снова дрогнуть и подняться.

Губы, которые так часто расплывались в улыбке, с которых слетало столько нежных слов, плотно сжаты, а нос и подбородок будто заострились. И румянец, всегда игравший на маминых щеках, исчез, словно сдул его злой ветер, который свирепствовал сейчас, дул, кажется, со всех сторон. Руки скрещены на груди, длинные пальцы переплелись между собой. Я почувствовал холодный ужас, набатом ударивший в солнечное сплетение, и теперь разливающийся по всему телу, парализующий меня. Умом, глазами и ушами я уже все понял. Но сердце и душа еще отказывались поверить.

Я пошатнулся, и вцепился в того, кто стоял рядом. Это оказалась сестра. Она посмотрела на меня красными от слез глазами, и я впервые заметил, как похожа она на маму.

– Я в последнее время так мало была с ней. – сказала

Александра каким-то чужим, слишком взрослым, голосом. – Все откладывала на потом. А теперь не будет «потом». Будет только «поздно».

С другой стороны раздался горький плач. Я повернул голову. Маленький Антей ревет, размазывая слезы крошечными кулачками по щекам. Такой малыш – а уже понимает, что случилось непоправимое. Тетя Саша, у которой он сидит на руках, тщетно пытается успокоить моего брата. Перехватив мой взгляд, она погладила меня по голове, и отвернулась, пряча слезы.

Мои глаза невольно снова скользнули к матери, хотя видеть эту картину я хотел бы меньше всего на свете. Мама лежала в красном гробу, накрытая красным же покрывалом – таковы традиции на Эдеме. А у изголовья сидит отец. Точнее, сначала я даже не понял, что это за старик сгорбился на стуле.

Папа, как и мама, выглядит младше своих лет. Всегда веселый, подтянутый, с прямой, как стрела, спиной. А на гладком красивом лице морщинки появляются только когда он смеется или улыбается – несколько лучиков в уголках губ и глаз, сияющих энергией, любопытством, жадной жизни.

Сейчас же в его взгляде будто потух свет. Тусклые глаза уставились перед собой, на лбу залегла длинная и глубокая морщина, у рта – горькая складка. Даже цвет лица изменился – сероватый, безжизненный. Папа и правда разом постарел лет на сорок.

Я подошел к отцу, обнял его. Он, кажется, даже не понимая, кто рядом с ним, машинально погладил меня по голове. И такой привычный, частый жест в этот раз был каким-то новым. Он едва коснулся ежика моих волос, а потом рука соскользнула, и безвольно повисла. С уходом мамы папа лишился всех сил.

Люди стояли вокруг, тихо переговариваясь. Какая-то незнакомая мне старушка было потребовала, чтобы отец или мы, дети, сказали речь, но тетя Саша ее быстро оборвала. Потом началось самое страшное. Какие-то крепкие парни взяли гроб, и опустили его в глубокую яму. Я посмотрел на дыру в черной земле, которая показалась мне бездонной, и понял: все сейчас закончится. Маму туда опустят, и я ее никогда больше не увижу.

Никогда она больше не улыбнется, не обнимет нас всех. Удивительно, как хватало ее тонких нежных рук, чтобы бережно обвить всех троих своих детей. Больше она не будет весело напевать на кухне, звать нас к столу. Не будет кружиться в танце с папой, радоваться нашему возвращению из школы, сидеть с нами вечерами. Не будет больше этого ничего. И сейчас я едва могу поверить, что вообще дальше будет жизнь. Кажется, что вместе с мамой хоронят и всех нас.

По обычаю, уже земному, все мы кинули в яму, куда опустили гроб, по три горсти земли. Потом те же парни взяли в руки лопаты. Звук, с которым земля падала на крышку гроба, оказался невыносимым. Я отвернулся, разревел-

ся, и уткнулся лицом в плечо сестры. Нас обняла тетя Саша, державшая плачущего Антея. А папу поддерживали одновременно его старший брат и наш дедушка. Бабушка Эригона подошла, обняла меня и сестру. Небольшой кучкой мы стояли, отвернувшись от могилы, пытаюсь не слышать этого страшного звука, с которым падает земля. И, хотя неподалеку были люди, которые пришли попрощаться с мамой, мне показалось, что мы остались одни в мире. Да, мы все и правда остались одни. Без мамы уже не будет так, как было раньше. И не будет счастья.

Когда все было закончено, мы долго стояли у свежего холмика. На него поставили фотографию – улыбающаяся, с открытым взглядом, мама с любовью смотрела на нас. Я смотрел, не в силах оторвать взгляд от ее лица.

Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг я почувствовал, как кто-то тянет меня за руку. Посмотрел – Саша.

– Пойдем. – сказала она. – Надо идти, милый.

Я огляделся. Дедушка и дядя Алекс вели отца. Бабушка – Александру, которая несла на руках маленького Антея. Я пошел за тетей Сашей.

По пути ко мне подошла давешняя старушка.

– Держись. – наставительно произнесла она.

– За что? – не понял я.

– Ты теперь должен быть сильным. Опорой своему отцу.

– А кто будет опорой мне?

– Отойдите. – произнесла Саша, прежде чем старушка от-

ветила. – Отойдите от ребенка. Пойдем, Оксинт. Не слушай ее.

Она обняла меня, и мы пошли следом за остальными.

Глава шестая. Масштабы бедствия

Я ощутил вдруг, что мне не хватает воздуха, судорожно вдохнул, моргнул, и вдруг обнаружил себя в своей комнате. Ошарашенно огляделся по сторонам. Как? Я же только что был на кладбище, а мама... Мама!

– Мама! – закричал я, вскакивая с кровати. – Мама!

Три секунды сохранялась тишина, и это время показалось мне вечностью. Но тут вдруг я услышал легкие мамины шаги, которые не спутаю ни с чьими другими.

– Что такое, мой хороший? – спросила мама, появляясь на пороге.

Волосы ее распущены по плечам, на которые мама накинула легкий халат, торопясь ко мне. Я ее разбудил. Устыдившись того, что маме пришлось из-за меня вскакивать посреди ночи, я все же, не в силах побороть свои эмоции, подбежал к ней и крепко обнял, а потом разревелся.

– Оксинт, что такое? – испугалась она.

– Малыш, что с тобой? – услышал я голос отца.

– Мне приснилось, что тебя не стало. – выдавил я между всхлипываниями.

Мама крепче прижала меня к себе, и я почувствовал, как отец нас обнял.

– Страшный сон, малыш. Очень страшный. – сказал он. – Но это просто сон.

– Я тут. – вторила ему мама. – И никуда не денусь.

– Что происходит? – кажется, мы разбудили Александру.

В комнате становилось многолюдно.

– Оксенту приснился страшный сон. – ответил ей папа.

– Милый, пойдем. Поспишь с нами. – предложила мама.

– И я хочу! – мигом сориентировалась сестра.

– Пойдемте. – рассмеялся отец.

Всей толпой мы пришли в родительскую спальню, где в своей кровати сидел заспанный Антей, и недоуменно на нас взирал. Папа достал его из колыбели, и тоже положил на кровать. Мы устроились все вместе, я взял мамину руку в свою и неожиданно быстро заснул.

Или нет? Обстановка снова сменилась, и теперь я обнаружил себя сидящим на берегу моря. Первым делом посмотрел на небо и убедился в том, что солнце на нем ведет себя прилично и не несется прямо на меня. Потом огляделся по сторонам, и слева от себя обнаружил Томаса. Надо сказать, я этому ничуть не удивился.

– Ты лицемер и лгун. – сообщил я ему, как и намеревался.

– Аргументируй. – странно, но мужчина оставался спокойным.

– Из-за тебя пострадал Майкл, хотя ты обещал не вредить мне. Но он – моя семья. Причиняя боль ему, ты причиняешь ее мне.

– Кто такой Майкл?

– Не притворяйся! Это мой двоюродный брат, который,

по твоей милости, провалился под лед! И теперь у него пневмония.

– Я сочувствую твоему кузену и его семье. Но почему ты решил, что я к этому причастен? И как бы я это сделал?

– Уж если ты путешествуешь по времени и пространству, а еще посылаешь мне сны, то и такое сделать тебе раз плюнуть!

– Увы, милый, я не всемогущ. Мои скромные возможности ограничиваются лишь путешествиями. И то, скажи спасибо моему талисману.

Я невольно глянул на бусину, которая висела у него на цепочке. Чем-то она похожа на мой агат.

– Что же до снов – у меня не слишком развита эта способность. Я только сегодня ночью наконец смог повлиять на твое сознание, до того не получалось.

– Ну да! А сон в медпункте?

– Что за сон, Оксинт?

Я фыркнул – ему что, охота комедию ломать? Но рассказал про свой дневной сон, в котором Томас принимал непосредственное участие.

– Ты там был! А потом еще и Майкла отправил под лед. Хватит притворяться!

– Про твой дневной сон у меня есть одна теория. Как и про Майкла. Но, прежде чем я ее изложу, скажи пожалуйста, зачем же мне нужно загонять ребенка на лед, да еще и проламывать этот самый лед?

– Тебе не надоело надо мной издеваться?

– Оксинт, я действительно не понимаю. Да, возможно, я не самый хороший человек, но как раз издеваться над детьми в мои привычки не входит. Напротив, я встану на защиту любого ребенка, и не позволю его обидеть кому бы то ни было.

– Ну да! Ты говоришь одно, а делаешь другое. Ты устроил происшествие с Майклом, чтобы к нам не приехала тетя Саша. Уж она-то тебе задала бы трепку!

– В этом я не сомневаюсь. – хмыкнул обнаглевший Томас. – Она дама боевая и перед ней я бессилен. Но, Оксинт, ты действительно преувеличиваешь мои возможности. Я такой же обычный человек, как и ты, и сверхспособностей не имею. И уж точно в здравом уме не стал бы связываться с Александрой! Если бы в происшествии с ее сыном был виновен я, она бы узнала об этом, и стерла меня с лица Вселенной.

Я машинально кивнул. Это точно. Тетя Саша никому не позволит обижать своих родных и сурово накажет тех, кто вздумал им навредить. Сложно поверить в это, глядя на хрупкую блондинку... Но она в свое время победила мацтиконов, так что ей и правда лучше не попадаться под горячую руку.

– Ну и зачем мне лезть под этот паровой каток? – улыбнулся Томас.

– А откуда вообще ты ее знаешь?

– Мы не знакомы лично. Но в месте, откуда я прибыл, все знают о победительнице мацтиконов. А также о ее горячем

праве. И о том, на что она способна.

– Так ты точно ничего не делал с Майклом? Поклянись!

– Можно подумать, ты мне поверишь. – фыркнул мужчина.

Я промолчал. А ведь и правда, не поверю.

– Но шутки в сторону, Оксинт. – произнес мой собеседник, мигом становясь серьезным. – Твое непослушание может подвести нас всех под монастырь. И происшествие с твоим кузеном, а также дневной сон это подтверждают.

– Каким, интересно знать, образом?

Томас пустился в объяснения, и прочитал мне небольшую лекцию о снах. Впрочем, зря он старался: я это все и так знаю. Знаю, что сновидения, в основном, являются результатом работы подсознания. Но иногда они предупреждают нас о том, что должно произойти в будущем.

– Я бы решил, что ты много думал о моих словах, и потому подсознание подсунуло тебе такое сновидение, да еще и с моим участием.

– Кстати, а ты мне там зачем?

– Я же в твоих глазах – олицетворение мирового зла. – усмехнулся мужчина.

– Так и есть. – отпираться я не стал.

– Да... Твое имя тебе подходит. Но вернемся к предмету нашего разговора. Раз уж этот сон тебе приснился после того, как ты решил меня послушаться, я считаю его намеком от мироздания. Оно показало тебе, что случится, если ты не

сохранишь свои видения в тайне.

– Ты хочешь сказать, что если я расскажу все родителям, и мама будет жить, наступит конец света?

– Да.

От этого простого и однозначного «Да» у меня перехватило дыхание, и в глазах защипало. Что же он такое говорит? Что ребенку надо смириться со смертью матери, надо знать, что она скоро угаснет, и ничего не делать? Позволить ей уйти туда, откуда не возвращаются. По сути, убить собственным молчанием... Иначе – конец всей вселенной? Да как такое возможно?!

– Увы, мой мальчик. Я сам рано потерял мать, и понимаю, как это больно. Но тебе повезло немного больше: ты знаешь заранее. И можешь побыть с ней, надышаться ею, запастись этого тепла для черных и холодных дней, которые наступят после. И я советую тебе сделать это, провести с ней как можно больше времени...

– Да что ты говоришь такое! Как будто возможно надышаться человеком, впрок запастись его любовью и лаской, и потом, когда его не станет, жить, потихоньку доставая эти запасы, как банки с огурцами из кладовки! Сколько ни есть сейчас – все будет мало!

– Да. Но будет меньше сожалений. У тебя есть возможность сказать маме, как сильно ты ее любишь. Попросить прощения. Поверь, далеко не всем это удастся. Только считанным единицам.

– Ты считаешь, у меня не будет сожалений по поводу того, что я мог бы ее спасти, но не сделал этого?! Томас, ты дурак?

Да, сейчас я нагрубил, но раскаиваться в этом не собирался. Он же несет натуральную ахинею! Но мужчина и не подумал оскорбиться.

– Оксидент, ты ее не спасешь. Если ты расскажешь о своих видениях, наступит конец света. Погибнут все – твои родители, сестра, маленький братишка. Все, кого ты любишь. И смерть эта будет страшной! А у тебя, поверь, будет достаточно времени, чтобы осознать свою вину за их гибель, прежде чем то же самое случится с тобой.

– Но почему жизнь мамы – цена конца света?

– Из-за вашего уникального рода. – вздохнул Томас.

Он объяснил, что поскольку все представители нашей фамилии тесно связаны со временными энергиями, и могут на них влиять в некоторой степени, изменения в истории рода могут быть особо опасными. У вселенной, по его словам, существует план по тому, что должно произойти, расписанный на множество тысячелетий вперед. И если какая-то важная деталь вдруг меняется, и чья-то судьба идет по-другому, это может привести к разнообразным катаклизмам.

А, поскольку мы к тому же путешествуем во времени, и наша личная история уже закреплена множеством поколений, любые изменения в ней тем более опасны. Правда, я поначалу не понял, что это значит. Тогда Томас огляделся вокруг, и стал собирать гальку.

– Объясню на примере. Помогай.

Не понимая, что он собирается делать, я все же тоже стал носить камешки. Мелкие мужчину не интересовали, он отбирал крупные и плоские камни, которые складывал горкой. В итоге на берегу образовалась куча гальки высотой примерно в полметра. Мужчина посмотрел на меня.

– Это, грубо говоря, ваше семейное древо. В основании нашей импровизированной пирамиды – Даниил и Дания, на уровне выше находится их сын, Александр.

– Тогда у основания должно быть меньше камней, а пирамида должна расширяться кверху. – возразил я.

– Правильно. Но физически мы не можем построить такое родовое древо из гальки. Зато камни прекрасно продемонстрируют, что произойдет, если изменится история рода. Смотри.

Итак, в основании наши далекие и близкие предки – Хроносы. А на самой верхушке находятся тетя Саша и Майкл, а также потомки Майкла, которых еще нет, но они уже записаны в плане вселенной, о котором говорил мне Томас.

– Допустим, ты и твоя мама где-то посередине. – объяснял мужчина. – Ваш род сформирован, имеется определенная его структура. И к ней нельзя добавить нового члена семьи или убавить их. Попробуй положить в середину новый камень.

– Как я это сделаю? Я не захватил клей, знаешь ли. А всунуть гальку так, чтобы она держалась, не получится.

– Вот именно. Более того: так ты можешь разрушить всю пирамиду. Это же случится и если ты вынешь один из камней.

Томас аккуратно вытащил из самой середины камешек. Горка покосилась, камни поехали, и в итоге всё, что было сверху, обрушилось.

– Видишь?

– И что? Откуда вообще возьмутся новые камешки, тьфу, родственники и куда исчезнут старые?

– Всё возможно, Оксинт. У твоих родителей могут быть еще дети. Или же ваши – твоя, твоих сестры и брата жизни пойдут иначе, и на свет не появится кто-то из ваших запланированных детей.

– Да ну, бред какой!

– Или, например, твои потомки не вернутся на Землю. Тогда не появится Александра. Осознаешь масштабы бедствия?

Глава седьмая. Что-то надвигается

Я вздрогнул. Если на свет не появится тетя Саша – это катастрофа. Во-первых, я очень люблю тетушку, да и Майкла тоже. А если не будет ее, то не родится и мой кузен. Но в сторону личные чувства, есть проблема и пострашнее. Если не будет Александры – некому побеждать мацтиконов. Тогда злобные инопланетяне в 3000-м году по земному исчислению уничтожат Землю. А потом возьмутся за все остальные планеты, и сотрут жизнь с лица вселенной. Вот тебе и конец света.

– Нет, до мацтиконов дело может и не дойти. – Томас по-прежнему бессовестно читал мои мысли. – Все осложняется тем, что Александра живет во всех временах сразу. И во всех она совершает поступки, которые влияют на ход истории. Если она исчезнет, все посыпется в один момент. Возникнет временной парадокс, который приведет к разрушению вселенной.

– Но почему?

– Потому что время – очень капризная энергия. И оно не терпит таких игр, когда человек сначала есть, а потом вдруг исчезает. Его нельзя стереть без последствий. А вселенная, Оксинт, держится только на энергии времени, которая управляет энергией импульса... Вообще, Даниил бы лучше тебе объяснил. Но ты же не станешь спрашивать?

Я отрицательно покачал головой. Нет, теперь я вообще боюсь поднимать разговор на эти темы. А то вдруг спрошу – и произойдет еще какая-нибудь временная ошибка.

– А ошибок время не терпит. – продолжил Томас. – Если произойдет что-то в таком роде, временная энергия запустит импульс самоуничтожения. Вселенная исчезнет, а потом образуется новая. И так было уже много раз.

Я только молчал в ответ, не в силах поверить в то, что все так и есть, как он говорит.

– Я понимаю твое недоверие. – сказал мужчина. – И твое нежелание в это поверить. Но мои слова подтверждает сама вселенная. Ты необычный ребенок, более чувствителен к энергиям, в том числе и временной – скажи спасибо Дану за это. И потому мироздание смогло до тебя достучаться, по-слав твой дневной сон. А потом происшествие с Майклом – оно же тоже неспроста.

– В смысле? Если это сделал не ты, то почему мой кузен пострадал?

– А это еще один намек от мироздания. Если бы ты сразу меня послушался, с мальчиком ничего бы не случилось.

– То есть, он провалился под лед по моей вине?

– Увы, Оксинт, да. И я боюсь, если ты продолжишь упорствовать, могут пострадать и другие люди, которые тебе дороги.

Я вскочил на ноги, и посмотрел на него.

– Знаешь что? Я тебе не верю! И ты не обвинишь меня в

том, что происходит. Еще скажи, что мама по моей вине... Погибнет. Ты просто стараешься меня запугать, с неясными целями, но тебе это не удастся.

Высказавшись, я развернулся и вдруг оказался на том же кладбище, которое приснилось мне сегодня. Оглянулся – увидел берег моря и Томаса. Каким-то непостижимым образом я был в двух местах одновременно. Хотя во снах еще и не такое бывает.

– Что же ты замер? – спросил мужчина, подойдя ко мне. – Иди.

– Нет. Это не мое будущее.

– Ты хочешь другое? Где солнце падает на землю?

– Нет! Я хочу то, где вся наша семья вместе и счастлива!

– Ты хочешь невозможного, Оксинт. Такого будущего нет.

– Я его сделаю!

– Черт побери, мальчик! Неужели ты не понимаешь, что твое глупое ослиное упрямство уничтожит весь мир?!

В запале мужчина схватил меня за плечи и начал трясти. Я дернулся и он опомнился. Я аккуратно убрал его руки.

– Я. Тебе. Не. Верю. – повторил я четко, чтобы до него дошло. – Верни меня в мой мир.

– Прости, мальчик. – вздохнул он, отстраняясь. – Я просто не хочу, чтобы вселенная погибла. Я видел эту катастрофу в масштабах отдельной планеты и не хочу, чтобы все повторилось. А ты, своими действиями, приближаешь это. И вредишь тем, кого любишь.

Я смотрел на него и размышлял, как же мне выбраться отсюда. Вступать в полемику с Томасом больше не хочется, потому что я уже сказал ему все. А заново переливать из пустого в порожнее не собираюсь!

– Хотя ты воспринимаешь меня как врага, я им для тебя не являюсь. И в доказательство сделаю то, о чем ты просишь.

И действительно: я моргнул и обнаружил себя в родительской спальне. Мамина рука по-прежнему покоилась в моей. Рядом посапывал маленький Антей. Сестра тоже спала возле нас, а вот папы почему-то не было в кровати. Я огляделся по сторонам и решил пойти его поискать. Но едва я высвободил свою руку из маминой, как она открыла глаза и глянула на меня.

– Я сейчас приду. – сказал я шепотом.

Мама улыбнулась, и снова смежила веки. А я, шлепая босыми ногами по травяному полу, вышел из комнаты. Ни на кухне, ни в кабинете отца не было. Я уже выглянул из окна в огород – может, папа вдруг среди ночи решил вскопать новую грядку? Но на улице тоже никого не было, и это ожидаемо. Зато прямо возле окна оказалась лестница, прислоненная к стене дома. Я вылез на нее и забрался на крышу. Отец был там.

– Не спится, сынок? – улыбнулся он.

– Неа. А что ты делаешь?

– Любуюсь на звезды. Они красивые, и еще через них на нас смотрят те, кого сейчас с нами нет.

– Как это?

– Понимаешь, в жизни каждого из нас случается момент, когда уходят близкие... – погрузился папа.

Но, по его словам, никто не пропадает бесследно и совсем. И с неба на нас смотрят те, кто попрощался с жизнью в теле, но не попрощался с нами.

– Они всегда рядом. Просто мы ощущаем их иначе. Но они никуда не уходят.

– Пап, ты веришь в это?

– Да, сынок. Ибо очень беспросветно жить, зная, что эта жизнь конечна. Зная, что все уходят навсегда. И что там, за вечным порогом, ты их уже не увидишь. Не посмотришь в родные глаза, не вдохнешь знакомый запах, не услышишь любимый голос.

– Получается, вера и надежда – это спасение от уныния? – попытался я понять. – Как у землян вера в Бога?

– Это основа жизни, сын. Каждому из нас, вне зависимости от того, на какой планете мы живем, нужно во что-то верить. Иначе и жить не хочется.

Я, если честно, не понял, как вера во что-то поможет жить. А самое главное – не понял, как вообще во что-то поверить, если это нельзя доказать. Наверное, я просто слишком маленький.

Зато я отчетливо понял, почему у отца в голове появились такие мысли, почему ему не спится. И почему он завел со мной этот разговор. Страшный сон напугал не только меня.

Если мама отнеслась к нему как просто к кошмару, то папе явно тоже стало страшно. И сейчас он, наверное, пытается успокоить не только меня, но и себя. В очередной раз мы с ним вспомнили о том, что все люди смертны. Для меня, для отца, да для любого человека это самое страшное воспоминание. Вот папа и ищет опору, которая помогла бы ему устоять, когда такая внезапная мысль сшибает с ног посреди ночи. Я снова почувствовал укол совести за то, что всех переполошил и испугал. Хорошо, что Александре не сказали, какой страшный сон мне приснился, и малыша в это дело не посвятили!

Мы, посидев еще немного, отправились спать. Я снова лег рядом с мамой, которая, конечно же, сразу проснулась, когда мы пришли. Однако она убедилась в том, что все улеглись и снова погрузилась в объятия Морфея. А я вот лежал с открытыми глазами, смотрел на нее – благо, сегодня полная луна светила прямо в окна, и не мог прекратить думать.

Я, как и любой ребенок, люблю греть уши, когда взрослые разговаривают между собой. Нет, я сейчас вовсе не про те беседы, которые ведутся тет-а-тет. Подслушивать не люблю, и делаю это только в экстраординарных случаях – например, как вечером. Вечером? Казалось, что разговор между родителями и происшествие с Майклом случились уже очень давно, а на самом деле еще и суток не прошло.

Но я отвлекся. Итак, я люблю слушать те разговоры, которые ведутся за большими застольями. Взрослые расслаб-

ляются, и болтают на такие интересные темы! И не знают, что у детей, которые играют рядом, и вроде бы занимаются своими делами, ушки на макушке. А как иначе? С нами на такие темы они не говорят, а ведь интересно!

И вот, в один из таких моментов, я и услышал, что земные дети проходят кризис осознания смерти в четыре года. Тетя Саша, которая об этом сказала, поинтересовалась, как же обстоят дела у этрусков и эдемчан. Ведь мы живем дольше, поэтому далеко не каждый наш ребенок сталкивается с явлением ухода из жизни в столь раннем возрасте. Помню, как папа ответил ей, что к тому времени, когда мы сталкиваемся со смертью в реальности, мы уже, как правило, люди взрослые, с устоявшейся психикой. Даже дословно помню, что Александра тогда ответила.

– Счастливые. Столько нервов берегут ваши дети, столько ночей спят, а не лежат с широко открытыми глазами, боясь не услышать дыхание родителей. Но как же страшно за тех детей, которые вдруг сталкиваются со смертью, не успев повзрослеть. Услышат по арновуду, уйдет кто-то из знакомых, не станет любимого питомца. Как быть тогда?

– Мне кажется, любой ребенок в этот момент взрослеет. – ответила ей тогда моя мама. – Не потому, что время пришло. А потому что приходится. Да и для взрослых смерть близкого человека – это всегда взросление. С годами, сталкиваясь с этой, самой страшной болью, запираешь на замок своего внутреннего ребенка, чтобы уберечь его от незаживающих

ран. И сам не замечаешь, как теряешь его. А когда навсегда расстаеться с тем детством, которое живет в тебе самом – наступает холодная предсмертная пора.

Сейчас я понимаю, что разговор тогда принял очень грустный оборот. Но папа был начеку и незаметно перевел беседу в другое русло. Я же и вовсе забыл о том случае. Лишь теперь память вдруг вынула его с дальней полочки, и услужливо подсунула мне, лежащему с широко открытыми глазами. Прямо как говорила тетушка.

И я действительно прислушиваюсь к дыханию родителей, сестры и брата. Все они дышат тихо, размеренно, только малыш немного сопит. Не простыл ли он случайно? А я лежу и смотрю на маму. Боюсь пошевелиться, чтобы никого не потревожить, и холодею от ощущения подступающей беды. Не знаю, мои ли предчувствия, видения и сны тому виной, или просто темнота – но мне кажется, что надвигается что-то темное и страшное. Что-то, чему надо противостоять. А я, вместо этого, просто лежу на кровати, не в силах абсолютно ничего сделать.

Я сделал глубокий вдох, и обнаружил, что столь простое действие с трудом мне удастся. Как будто кто-то сидит прямо на груди, и давит. Но нет ведь никого! Наверное, это та самая беда, которую я ощущаю, так давит, словно глыба какая-то. Раньше я бы обязательно позвал кого-то из родителей, но теперь не хотел снова их тревожить. Они и так из-за меня как на иголках. Нет, надо учиться справляться самостоятельно.

Может, у меня просто этот самый кризис смерти, а они опять волноваться будут!

Глава восьмая. А что такое смерть?

Почти до утра я в ту ночь не мог сомкнуть глаз. Прогнать страшные и навязчивые мысли не удавалось. Они все так же настойчиво толкались в голове. Размышлял я, конечно, о смерти. Почему наш народ, такой развитый энергетически и умственно, не знает, что она собой представляет? Или нибирийцы – почему они до сих пор не докопались до истины? Хотя ладно они – это все обычные люди. Но даже Даниил не знает, что такое смерть, и боится ее! Это я понял из другого взрослого разговора, который предназначался тоже не для моих ушей.

А вообще, что такое смерть? Мы знаем о ней только по примеру других. Вот есть человек, ты его видишь. Видишь, как он улыбается, как двигается, слышишь его голос, дыхание. Прикасаешься к нему, чувствуешь его кожу, ее температуру. Она разная: иногда теплые руки обнимают тебя, иногда ты дотрагиваешься губами до немного прохладной щеки. А уж несильно ухватить братишку или сестренку за холодный нос – это вообще в порядке вещей. И кажется, что так будет всегда. Ты видишь глаза, которые внимательно смотрят на тебя, слышишь голос человека, чувствуешь его запах, прикосновения.

Но вдруг, в один момент, все это заканчивается. Не ставится на паузу, как воспроизведение музыки. Стоп. И больше ничего. Да, человек может уходить долго, медленно отдавая смерти минуты, часы, дни, месяцы и даже годы. Уже всем вокруг, и ему самому, становится понятно, к чему всё идет. Но никогда заранее неизвестно, когда же это случится. И тот самый последний момент – он всегда внезапно и всегда один. Вот, ты говорил с человеком, а меньше, чем через пять часов его вдруг уже нет. Был и нет.

Больше не откроются глаза, не улыбнутся губы. Не прозвучит знакомый голос, а ты не вдохнешь его запах. Запах. Он единственный остается, но становится совсем другим. Непривычным, непонятным, незнакомым. С оттенком горечи и чего-то потустороннего. У смерти особое амбре. Мне кажется, его сразу же узнает на подсознательном уровне даже тот, кто никогда раньше не сталкивался с костлявой. Это запах конца. Конец прежней жизни, ведь приходится учиться жить заново – без того, кто рядом.

Его кожа теперь холодная, непривычно сухая. И больше похожа на тонкий лист бумаги, а не на человеческую кожу. Все привычное исчезает, уступая место новому и страшному. Получается, смерть это всегда новое? Ведь после нее уже не будет так, как прежде. Даже телесная оболочка, единственное, что ненадолго остается после человека – она тоже новая и чужая. Я слышал, что у землян умерших принято гримировать, потому что они слишком меняются после

смерти, и это может шокировать тех, кто знал их живыми. Но тетя Саша говорит, что порой этот грим тоже сильно меняет человека. А зачем тогда это делать? Не для того ли, чтобы скрыть от себя, хотя бы на визуальном уровне, самую страшную правду: этого человека больше нет. Но пусть можно обмануть глаза – ведь сердце не обманешь! Оно знает, что случилось то, что нельзя исправить.

Да, смерть на примере другого человека – это то, что нельзя исправить. Странно. Мы, люди, в принципе слишком мало можем. Мы не властны над природой, и не в силах исправить ее так, чтобы не было иссушающего зноя или холодов, которые просто убивают все живое. Мы не можем исправить погоду, поменять местами день и ночь, да много чего не можем! Но нам это и не нужно. А вот то, что мы не можем исправить, зачеркнуть смерть другого человека – это нас задает острым ножом до глубины души.

Впрочем, дело даже не в этом. А в том, что в нашей жизни этого человека больше никогда не будет. Больше никогда мы с ним не встретимся, не обнимемся, не поговорим, не сделаем что-то вместе. Но постойте, ведь это «больше никогда» происходит и в другие моменты. Я больше никогда не стану маленьким, не буду учиться говорить и стоять. Больше никогда моя сестренка не пойдет в первый класс. Мой папа больше никогда заново не встретит маму. Все эти «больше никогда» сопровождают нас всю жизнь, они естественны, и мы спокойно к ним относимся. Просто с возрастом их ста-

новится все больше. Но мы реагируем на них вовсе не так сильно, как на смерть, хотя она тоже естественна. Или же для живого существа переход в неживое состояние все-таки неестественен?

А что же со смертью на личном примере? Ничего. Если про других мы знаем и понимаем, как выглядит смерть, то по поводу своей собственной кончины, кажется, еще ни один человек ничего сказать не смог. Когда уходит кто-то другой, это больно и грустно. Но мысль о собственном уходе это всегда страх. Конечно, грусть тоже бывает: большинству людей, мне кажется, даже тем, кто решился уйти сам, грустно оставлять эту жизнь, родных и любимых. Бывает и боль, душевная или физическая.

Но самое главное и первое – это страх. Какие сны в том смертном сне приснятся? Так, кажется, говорил один из земных поэтов. Нас страшит неизвестность, неведомое, что будет после того, как глаза закроются насовсем. Земляне вот, не все, но многие, верят в загробную жизнь. Однако, если я правильно понимаю, чтобы эта самая загробная жизнь не стала чередой мучений, нужно сильно себя ограничивать до нее, и жить в вечном страхе и с оглядкой. Не каждый на это способен. Да и есть ли та загробная и вечная жизнь? Вот в чем вопрос!

Другие люди наоборот надеются, что после смерти ничего не будет – только покой. Однако лично для меня и это очень страшная перспектива. Трудно осознать, что когда-то

тебя не станет. Вот ты живешь, что-то делаешь, испытываешь какие-то эмоции. А потом раз – и ничего. Неужели такое бывает? И как примириться с тем, что все продолжат существование, а ты – нет... Впрочем, мир был и до меня, будет и после, и ничего с ним не случится. Вот только нам, тем, кто должен уйти согласно законам природы, от этого не легче. Да и вообще, к чему тогда жить, если все закончится рано или поздно? Зачем это нужно? Вот если бы люди могли не умирать!

Впрочем, Даниил говорит, что и очень долгая, почти вечная жизнь, тоже не панацея. Ему виднее, он ведь живет сотни тысяч лет. Однако я, живущий гораздо меньше, боюсь смерти, и не хочу умирать. Мне еще мало жизни. И не хочу, чтобы не стало моих близких. Хотя те земляне, которые верят в загробную жизнь, верят и в то, что в ней все мы встретим тех, кого любим. На мой взгляд, это единственное, что в ней привлекает. Лично мне не надо каких-то даров или благ, обычная жизнь мне нравится... Но если в ней суждено терять тех, кто мне дорог – хотелось бы встретить их там, где уже не нужно расставаться. Такая жизнь после жизни мне мила.

Размышляя о смерти, я ощущал, как меня сковывает парализующий страх. Но последняя мысль о том, что, может быть, есть место, где в результате все мы – родители, сестра и брат, я, снова окажемся вместе, меня несколько успокоила и даже убаюкала. Я даже не заметил, как уснул!

А вот пробуждение вышло не очень. Прележав половину

ночи без сна я, конечно, не был готов к тому, чтобы встать в обычное время. Поэтому, когда в семь утра мама ласково потрепала меня по волосам, как она это всегда делает, я в ответ лишь буркнул что-то, и зарылся носом в подушку.

– Вставай, лентяй! – протрубила над ухом сестра.

В этот момент я готов был ее возненавидеть! Однако только вздохнул, и отправился совершать привычные утренние гигиенические ритуалы. В голове в это время сонно ворочалась мысль, что когда-нибудь я стану сильнее и крупнее Александры. Ей бы об этом подумать, а то она меня в последнее время совсем затюкала.

Когда я наконец-то приполз на кухню, отец пристально посмотрел на меня, и покачал головой.

– Оксинт, сейчас ты позавтракаешь, если хочешь, а потом шагом марш в кровать и спать. – объявил он.

– А школа? – удивился я.

– В школу я зайду и скажу, что тебе сегодня нездоровится. Ты же засыпаешь на ходу.

– Ой, а я? – запрыгала на месте сестра.

– А у тебя сегодня экзамен. – напомнила ей мама, и поставила перед Александрой тарелку с молочной кашей.

Я хмыкнул, и пока родители не видели, показал сестренке язык. Она же ответила мне настолько кислым взглядом, что я, на месте ее завтрака, прокис бы незамедлительно. Затем негодная девчонка показала мне кулак, и принялась за еду. Я последовал ее примеру.

Вообще я люблю сестру. А в свете того, что всем нам рано или поздно (пожалуйста, пусть поздно, как можно позднее!) придется расстаться, и перспективы на воссоединение оказываются очень смутными, люблю еще больше. Но периодически она меня бесит, как и я ее. Наверное, это типичные отношения брата и сестры. Тетя Саша с дядей Женей, ее братом, тоже не ладит. Впрочем, он очень сложный, унылый и подозрительный. С ним вообще сложно поладить. Хотя папа говорит, что видел его и другим. В любом случае, за свою короткую жизнь я успел понять, что братья и сестры специально созданы, чтобы держать друг друга в тонусе. Это выражение я от тети Саши и услышал.

Пока я думал об этом, сестра скорчила мне рожу, и унеслась. Ну какая же она все-таки вредная! Как дал бы ей по голове... Хотя нет, я и думать-то так не должен. Хотя я и не слишком верю в то, что говорит Томас, в одном он прав: надо побольше проводить время с близкими, и говорить им, как они дороги. Может быть, они и сами об этом догадываются. Но хотя бы, когда наступят черные дни, не придется корить себя за то, что не успел сказать им самое главное.

Приканчивая завтрак, я принял решение: скажу Александре, как сильно я ее люблю, когда она придет из школы. Да, она вредная и несносная. Но едва стоит впустить в голову мысль о том, что я могу ее потерять, как сразу начинает щемить в груди. И я ощущаю, как сильно люблю сестру, и как страшно мне остаться без нее. Так страшно, что даже вдох-

нуть не могу!

А родителям скажу прямо сейчас, пока папа не ушел на работу. Решив не откладывать в долгий ящик, я подбежал к двери – мама как раз провожала папу. Обнял их обоих, и выпалил, как сильно я их люблю.

– Я тоже люблю тебя, малыш. – ответил отец, обнимая меня. – А теперь быстро спать!

Спорить с ним я не стал, и направился в спальню. Действительно, ну какая сейчас может быть учеба, если я еле ноги передвигаю? Мама сказала, что сейчас придет ко мне, а на пути в комнату оказался Антей. Я взял малыша на руки, сказал, что очень сильно люблю его, а он рассмеялся и чмокнул меня в нос. Думаю, он все понял, и таким образом заявил о взаимном ко мне чувстве.

Я лег в кровать, но прежде вынул из-под подушки камень, и положил его на стол. Вскоре пришла мама, села возле меня, взяв мою руку в свою.

– Я люблю тебя, мама.

– Я люблю тебя, сын.

Улыбнувшись, я зевнул и экспрессом отправился в страну Морфея.

Глава девятая. Первые звоночки?

Кошмары мне в тот день не снились. Наверное потому, что я переложил агат, и он не смог на меня повлиять. Поэтому проснулся я в середине дня в отличном настроении, и радостно поприветствовал сестру, которая уже прибежала из школы, сказал, как она мне дорога. Александра, правда, отреагировала на это вовсе не так, как родители. А так, как и отреагирует вредная девчонка, коей она и является.

– Кажется, надо снова показать тебя врачу. – заявила она. – У тебя явно что-то не так с головой!

Я только махнул на нее рукой, но обижаться, как сделал бы это раньше, не стал. Пусть знает, что я и правда ею дорожу. Мама же мне тихонько объяснила, что сестренка повела себя так от смущения, а не потому, что не любит меня. Есть период в жизни человека, когда он уже не реагирует так открыто на проявление любви, как малыши, или так спокойно, принимаяюще, как взрослые, а стесняется этого чувства. Правда, я не понял, зачем же стесняться, и ограничивать себя в проявлениях любви. Ведь неизвестно, успеют ли тебе в следующий раз о ней сказать, успеешь ли сказать ты...

Позднее я убедился в том, что мама права. Когда я уже лежал в кровати, Александра, думая, что я сплю, прокралась в комнату, и положила на тумбочку мои любимые конфеты. Потом тихонько коснулась моей щеки губами, поправи-

ла одеяло, и вышла на цыпочках. Я же лежал и улыбался во все зубы, но одновременно с этим вдруг защипало в носу, и на глазах выступили слезы. Однако я почувствовал, что это очень хорошие слезы, поэтому не стал беспокоиться.

Следующие двое суток прошли так же, как проходили раньше: тихо, размеренно и спокойно. Мы с сестрой ходили в школу, помогали родителям, играли с малышом. Разве что я завел привычку говорить всем, как сильно я их люблю. Родители улыбались, Антей радовался, и даже Александра в ответ погладила меня по голове. А я совсем упустил из виду, что затишье всегда бывает перед бурей. Наверное, нельзя слишком радоваться жизни: эта самая жизнь тогда тут же щелкает тебя по носу, чтобы ты не слишком-то и расслаблялся.

Гром грянул посреди ясного неба внезапно. Приближались выходные. Отец рассказывал маме, что Майкл вроде бы идет на поправку, и я ждал, когда он выздоровеет, а к нам наведается тетя Саша. Несмотря на то, что камень я вернул в кабинет, и видения меня не беспокоили, внутри было как-то тревожно. Я решил, что это тоска по минералу. И с нетерпением ждал приезда тетушки, чтобы она наконец-то разобралась с агатом. А еще окончательно утвердился в решении рассказать ей про Томаса. Пусть он больше и не появлялся, но я все равно опасался, что это временно, и в покое он меня не оставит.

Поэтому визита нашей дорогой Александры я ждал, на-

верное, даже сильнее, чем какого-нибудь праздника. И сегодня, когда отец ушел в кабинет, разговаривать со своим братом, даже подпрыгивал от нетерпения. Вот сейчас папа выйдет, и скажет, что тетушка приезжает завтра! Ну или послезавтра с утра. Но главное – что она приезжает.

Однако когда отец вышел, одного взгляда на его лицо мне хватило, чтобы понять: что-то снова случилось. И что-то страшное. В гостиной, куда и выходит дверь из кабинета, мы в этот момент были одни. Мама с сестренкой и Антеем играли на улице, я слышал их радостные голоса. И эти звуки, а также вечерний солнечный свет, мягким золотом заливающий гостиную через большие окна, так странно контрастировали с выражением лица отца!

– Что случилось? – спросил я без предисловий.

– Что... Нет, ничего, малыш. – он постарался взять себя в руки, и изменить выражение лица на более беззаботное.

– Папа, я же чувствую. Не скрывай от меня правду. Пожалуйста. Я же буду переживать и беспокоиться.

Папа вздохнул, и погладил меня по голове.

– Сынок... Вот в чем дело.

Он рассказал мне про происшествие с Майклом. Я, конечно, не стал ему говорить, что все уже знаю. Но потом отец добавил кое-что новое.

– Александра все эти дни не отходила от постели мальчика. Но сегодня слегла сама, я думаю, из-за переживаний. Александр теперь смотрит за ними, Даниил срочно что-то

делает в своей лаборатории. И я завтра туда слетаю. Не волнуйся, мы их обоих поставим на ноги!

И хотя в голосе отца звучала уверенность, я ему не поверил. Значит, Томас добрался и до Александры! Что бы он ни говорил, думаю, его возможности гораздо больше, чем он пытается мне внушить. И наверняка это он как-то на тетю Сашу повлиял. Я ее знаю: она не спасовала даже тогда, когда ее мужу, моему дяде, грозила смертельная опасность. И вряд ли сейчас бы позволила себе слечь с нервным расстройством! Да, конечно, она переживает за своего сына, как любая мама. Но она очень сильная, и непременно взяла бы себя в руки.

Остаток дня и вечера прошел как в тумане. Перед сном я долго ворочался с боку на бок, а потом решил – ну хватит. Завтра позову Даниила. Плевать уже на обиды, когда какой-то маньяк с неограниченными возможностями угрожает нам всем! Так что завтра, как проснусь... Или нет, с утра не стоит, он же сейчас занят тем, что помогает Александре. Тогда как только узнаю, что он освободился, сразу же его позову.

Ночь тоже прошла беспокойно. Кошмары мне не снились, но я то и дело просыпался, а временами и вовсе впадал в какое-то коматозное состояние: вроде и слышу все, что творится кругом, и думаю, но не могу пошевелиться. Наверное, это нервное напряжение так давало о себе знать.

Только утром, когда забрезжил рассвет, я уснул, и доста-

точно крепко. Но и тут не получилось нормально отдохнуть. Где-то в девять утра я услышал голос сестры.

– Оксинт, вставай, пожалуйста. Помоги мне с малышом, а то я завтрак хочу приготовить.

Удивленно глянув на Александру, стоявшую в дверях комнаты, я тут же вскочил. Может, это очередной дурной сон? Где мама? Этот же вопрос я адресовал сестренке.

– Мама вместе с папой отправилась к Сашам. Александре нездоровится, они решили помочь им. Вечером вернутся.

Выдохнув, я быстро привел себя в порядок, и занялся Антеем, пока сестра готовила завтрак. Она напевала, совсем как мама – да и голос похож. Все-таки у моей Сашки очень много от нашей матери. И глядя на нее, я понимаю, почему считается, что люди продолжают в детях. Я ведь тоже на папу похож. Но и от мамы во мне многое. Это так здорово, когда видишь в родителях себя. Сочувствую тем детям, которые непохожи на своих стариков, ведь если смотришь будто на свое отражение, то ваша родственная связь словно становится еще крепче.

Мы позавтракали, и решили пойти на детскую площадку, где есть интересные для нашего братишки аттракционы. Я уже совсем успокоился. Родители у дяди с тетей лишними не будут. Папа приготовит нужные отвары, мама тоже поможет – все же она врач, хоть и ветеринар. Потом Даниил что-то нахимичит, и все вместе живо поставят тетю Сашу и Майкла на ноги! А мы пока проявим себя послушными и благо-

разумными детьми, чтобы родителей не расстраивать.

Но когда я одевал Антея, из прихожей раздался испуганный возглас Александры. Неужели Томас осмелился прийти в наш дом, когда его оставили взрослые?! Я положу конец его издевательствам!

Схватив битую, которая висела на стене в качестве украшения, я вылетел в коридор и замер. Испуганный папа поддерживал маму, а та была белее снега – прямо как в моих кошмарных видениях! Рядом суетилась сестра. Я выронил свое «оружие» и уставился на них.

– Сынок... – попыталась улыбнуться мама.

Я поспешил к отцу на помощь, и мы вместе довели маму до спальни, уложили в кровать. Потом Александра осталась с ней, а папа отправился на кухню, готовить укрепляющий отвар. Я же вспомнил, что Антей так и сидит в детской, направился за ним. Затем пришел на кухню, посадил малыша в манеж, и выжидательно воззрился на отца. Тот не стал откладывать разговор на потом.

– Ничего не понимаю. – встревоженно сказал он. – Мы перенеслись к Сашам, у твоей мамы немного закружилась голова. Она посидела, вроде бы, пришла в себя. Потом даже помогала мне, но вдруг резко потеряла сознание!

Папа одновременно говорил, и резал корнеплоды, тер их на терке. Получалось это у него неважно. Поэтому я отобрал растения, и сам занялся ими. У меня в школе уже началась ботаника, да и родители часто готовили отвары при мне, и

учили нас, детей, это делать. Так что приготовить снадобье я могу. Отец, верно оценив собственные силы и мои возможности, сел на стул, и продолжил рассказ.

– Вот так и происходит смена поколений... Мы привели в сознание твою маму, и даже Александра вскочила с кровати. Поставь кастрюльку на медленный огонь. Ей померили давление, сахар, температуру... Все очень низкое, как будто она истощена до предела. Помешивай до кипения, пожалуйста. Алекс напоил Елену сладким горячим чаем, уложил Александру – а то она и сама-то едва на ногах стояла. И мы отправились домой. Там от нас сейчас мало толку, лишь внимание на себя отвлекаем. Спасибо, мой хороший, дальше я сам.

Я послушно освободил отцу место у плиты. Он процедил отвар, а я уже достал из холодильника лед. Папа кивнул, и поставил кружку на лед, остужаться.

– И что теперь? Ты вызовешь врача?

– Уже, сынок. Врач скоро будет. А сейчас пойдем к маме.

Отец взял отвар, а я глянул на Антея – он задремал в манеже. Ничего страшного, если пару минут он побудет один. Мы пришли в родительскую спальню, где Александра читала маме вслух, а та лежала, прикрыв глаза. Но когда мы вошли, мама сразу же посмотрела на нас.

– Выпей, дорогая. – отец помог ей принять отвар. – Врач скоро придет.

И правда – в дверь тут же позвонили и я побежал открывать. Затем мы с сестрой отправились на кухню.

– Это ведь временное недомогание, да? – взволнованно спросила сестра, глядя на мирно спящего Антея. – Мама же поправится?

– Обязательно. – заверил я ее, и обнял. – Иначе и быть не может.

– Я не переживу, если что-то с ней произойдет.

– Я тоже.

Мы так и стояли в обнимку, и надеялись на лучшее. Но на ум некстати пришли мои видения, которые утверждали совершенно обратное. Я же изо всех сил надеялся, что это просто дурное влияние агата. Все будет хорошо, мама быстро поправится, и у нас больше не будет поводов для тревог.

Вскоре к нам присоединился отец, проводивший врача. Эскулап заявил, что действительно выглядит так, словно мама сильно истощена. Он предположил, что путешествие между временами ее сильно утомило, и выписал направление на анализы, которые нужно сдать завтра.

Маме полегчало после отвара, но мы попросили ее остаться в постели, и сами занимались домашними делами. Спать в этот вечер все легли рано и снова в родительской спальне. Однако кровать отдали полностью в мамино распоряжение, чтобы не тревожить ее. Нас с сестрой отец уложил на кушетке, благо, места там хватало. Антей спал в своей колыбельке, а сам папа, невзирая на наши протесты, устроился в мягком кресле у кровати, чтобы иметь возможность наблюдать за всеми нами. Мы с сестрой свернулись клубоч-

ками, и взялись за руки. Я вздохнул, подумал, что вряд ли смогу уснуть, но уже через секунду понял, что ошибся.

Глава десятая. Камень

Однако, в каком неудобном месте я нахожусь! Какой-то старый навес с крышей и стенами, кажется, из рубероида, а опорой материалу служат деревянные столбы, потемневшие от времени и влаги. Последней тут было предостаточно, ведь шел дождь. Впрочем, «шел» – это слишком мягко сказано. Вода падала с неба сплошным потоком, капли сливались друг с другом. И я ничего не видел, кроме этой плотной, серовато-белой стены. Впрочем, иногда к этому добавлялись вспышки молний, будто прорезавшие ее. А затем густо рокотал раскатами гром. Кроме него я слышал только шуршание – это был звук льющейся с неба воды. Хотя вообще-то приличный дождь должен звучать иначе! Да и выглядит он по-другому, а не как смесь воды и тумана. Казалось, что за этой непроницаемой стеной находится что-то невидимое и страшное. Хорошо хоть, судя по звуку, оно стоит на месте, а не приближается.

Из запахов же тут было только амбре гниющего дерева, да немного пахло пластиком. Но это уже от меня – я почему-то одет в полиэтиленовый дождевик, и это тоже странно. На нашей планете никогда не станут использовать материал, который не разлагается в течение столетий – мы еще помним печальную судьбу Садроди. И химические красители тоже не в чести, а мое одеяние имело ядовито-зеленый

оттенков. Я бы такое в жизни не надел. К тому же оно банально неудобное, да и постоянно сползает, шуршит – не так сильно, как дождь, но противно. Словом, никаких приятных ощущений.

Однако я не слишком сетовал на неудобства, надеюсь, временные. Больше всего меня волновал вопрос: где я очутился? Это явно не Эдем! Наверное, надо выйти из укрытия в дождь, и постараться хоть что-то разглядеть через потоки воды, льющиеся с небес. Но прежде чем я успел сделать хоть шаг, из этой самой водяной стены, словно призрак, прямо на меня шагнула высокая черная фигура.

Я в ужасе отшатнулся от монстра из дождя, но в следующее мгновение понял, что ошибся. Это явно был человек, просто на нем тоже дождевик, черного цвета. Человек поднял руку, откинул капюшон, и я почувствовал, как вся кровь ударила мне в голову. Нет, я не ошибся, это самый настоящий монстр. Ведь передо мной стоит наглый Томас, которого я уже ненавижу всей душой!

– Привет, Оксинт! – как ни в чем ни бывало сказал он. – Как дела?

– Да как ты смеешь! – завопил я, и бросился на него с кулаками.

Конечно, родители учили меня, что ни на кого нельзя поднимать руку. За редким и катастрофическим исключением, когда угрожают твоей жизни. Однако сейчас, когда я пытаюсь побить Томаса, мне не стыдно. Ведь он и правда угрожа-

ет всем нам! Да еще и смеет издеваться надо мной, спрашивает, как у меня дела. Естественно, этого я стерпеть никак не мог. Он мне и так все нервы расшатал!

Но удары мои, разумеется, никакого вреда ему не причиняют. К тому же Томас почти сразу перехватил мои руки, и теперь я бьюсь, словно в силках, пытаюсь его хотя бы пнуть. Умом я прекрасно осознаю, что десятилетний мальчик вряд ли одолеет сорокалетнего мужика. Но то умом! Сейчас я явно руководствуюсь не им и, если бы мог, отдубасил этого негодяя от всей души, чтобы больше на километр ко мне и моей семье не приближался.

– Успокойся! – негромко сказал Томас. – Или я выставлю тебя под дождь, чтобы ты охладился.

– Отпусти меня, подлец!

– Хорошо. Но ты должен прекратить свои атаки. Что бы ты там себе ни думал, они для меня достаточно чувствительны.

Я свирепо посмотрел на него, но пришлось согласиться. Потому что если я продолжу упорствовать, он и правда может выгнать меня из этого укрытия. Или даже применить ко мне силу, а я бы этого не хотел. Поэтому прекратил попытки врезать ему. И мужчина действительно меня отпустил.

– Теперь я хотел бы узнать, чем вызвана твоя агрессия. – спокойно сказал он.

– Не притворяйся, будто бы ничего не знаешь!

– Я не притворяюсь. Это и правда так. Все это время я был в другом веке и на другой планете, поэтому действительно

не знаю, что у тебя тут приключилось. Догадываюсь только, что ничего хорошего, раз ты так меня встретил.

– Другой встречи ты и не заслуживаешь! Из-за тебя не только Майкл пострадал, но и тетя Саша, и мама!

– Каким, интересно, образом я мог им навредить? Что случилось? Ты можешь по-человечески говорить?

Конечно же я ему все рассказал. И что тетя Саша слегла от переживаний, и что маме стало плохо, когда она с папой к ним летала. Мужчина выслушал меня, и пожал плечами.

– Оксинт, ты же умный мальчишка. Ну сам подумай: как я мог повлиять на эмоциональный фон Александры, чтобы ей стало плохо? И как мог бы навредить твоей матери? Я еще понимаю твои прошлые обвинения по поводу Майкла. Такое происшествие и правда можно подстроить, хотя я тут ни при чем. Но как можно дистанционно навредить двум женщинам? Одна к тому же способна за минуту выкосить орду мацтиконов, а другая находится под охраной твоего папы. Он, я думаю, близко бы к Елене злоумышленника не подпустил!

Не знаю, что на меня повлияло: его спокойный тон или же я охладился благодаря дождю, который продолжал падать с неба... Но я действительно несколько пришел в себя, и задумался: а и правда, как он им навредил? Хотя имеется у меня одно предположение.

– Ты посылаешь мне страшные сны, появляешься в моих мыслях... Может быть, ты и на них смог так воздействовать!

– Нет, мальчик. Я действительно связан с тобой, но не с ними. И наша с тобой связь позволяет использовать телепатию, способностей к которой и у тебя, и у меня, мягко говоря, немного. Но не более! Я не смогу причинить тебе вред, даже если захочу. Но я не хочу. Кажется, все мои поступки об этом свидетельствуют. Я хочу тебя спасти, помочь тебе.

– Ты запрещаешь мне спасти собственную маму! Это так ты мне помогаешь?!

– Так я спасаю тебя и весь мир от страшной участи. Послушай, пожалуйста...

Томас начал говорить. Делать нечего: пришлось его слушать. Все равно из этого странного места, куда он меня затащил, не выбраться самостоятельно. Но когда он выговорится, я потребую, чтобы он вернул меня домой, и оставил в покое.

Начал мужчина с того, что живет он на другой планете и даже в другом веке. О том, что он инопланетянин, я и сам уже догадался. Правда, из-за имени я думал, что он землянин, однако Томас сказал, что это не так. На самом деле, он не живет ни на Земле, ни на Эдеме. Его родина – далекая-предалекая галактика, а название планеты известно даже не всем нибирийцам. Да еще и родное время мужчины наступит на пару веков позднее.

– Вообще это удивительный парадокс. – улыбнулся Томас. Странно, но улыбка делала его лицо более приятным, открытым. – Ты старше меня на два столетия. Но сейчас я взрос-

лее, и должен уберечь тебя от огромной беды. Беды, которая коснется всех. Ты увидишь конец света, а я... Я просто не появлюсь на свет. Так что если ты думаешь, что я бескорыстно пекусь о твоём будущем, вынужден признаться: это не совсем так.

Я кивнул. Если откинуть всю мою к нему неприязнь, то это даже логично. Человек хочет жить, узнает, что из-за какого-то происшествия в прошлом мир может прекратить существование даже до его рождения, и хочет это предотвратить. Однако кое-что тут вызывает у меня вопросы.

– Как ты узнал, что существует вероятность конца света, да еще и это случится якобы по моей вине? Как ты перемещаешься во времени и пространстве? Какая у нас, в конце концов, связь и за что мне это?

– А как ты узнал, что твоей маме угрожает опасность? Ведь не от меня ты впервые получил скорбную весть.

– Мне папин камень показал. Ты же знаешь.

– Вот и мне камень показал. – продемонстрировал он мне свою бусину. – Ты видишь с его помощью будущее, а я прошлое. Он перемещает меня, и он же связывает нас с тобой.

Я уставился на круглую черную бусину. Томас коснулся ее пальцем, и я увидел, как на ее поверхности вспыхнула молния. Наверное, его камень сейчас потеплел.

– У тебя мой агат? Как он оказался у тебя? Он нас связывает? А зачем, почему? Это же просто камень. И я ведь его стараюсь пореже брать в руки. Но на нашу, как ты выразил-

ся, связь, это никак не влияет.

– Ох, Оксинт, я бы на твоём месте его вообще из рук не выпускал. – вздохнул Томас.

По его словам выходило так, что агат является моим амулетом. Он усиливает мои способности к ясновидению, которые существуют в зачаточном состоянии. А ещё оберегает меня от невзгод. И, если верить моему собеседнику, минерал для того и посылал мне видения, чтобы уберечь от потрясения в будущем.

– Камень хочет, чтобы ты знал о большом горе, и постепенно с ним смирился. Если бы он знал, что в итоге ты захочешь совершить поступок, который может стереть тебя с лица Вселенной, наверняка бы он не стал показывать то, что в будущем произойдет.

– Камень хочет? Ты так говоришь, будто он живой!

– В некотором роде так и есть.

Камни не дышат, не нуждаются в еде и воде, во сне. Они не чувствуют, но, по словам Томаса, любые камни мыслят и обладают большими возможностями. А все потому, что они впитали энергию первого взрыва. Он пробудил жизнь во Вселенной во всем, в том числе, и в камнях. И те из них, что расположены в пустынной местности, и никогда не знали другой жизни, будто засыпают. А вот те, которые находятся в постоянном контакте с людьми или другими животными, воспринимают их импульсы, и потому бодрствуют, мыслят, обмениваются импульсами с окружающими, изменяют-

ся. Их деятельность незаметна для людей, потому что срок жизни камня, прежде чем он превратится в песок, гораздо дольше, нежели срок жизни человека. Поэтому, чтобы заметить его изменения, за объектом нужно наблюдать тысячами.

– Интересная теория. А откуда ты все это знаешь? И почему об этом не знают ученые с Нибиру? Они же самые умные, и достигли максимального прогресса в изучении Вселенной.

– Я уже говорил, что о моей планете неизвестно даже многим нибирийцам. Зато мои далекие предки тесно общались с населением Власты. Они получили от них знания о камнях, и о многих других предметах. Собственно, и наши с тобой минералы оттуда же. Моя планета была одной из первых, где возникла жизнь, после Власты, Нибиру, Эдема. И жители первой взяли мой народ под крыло, обучали и развивали его. До тех пор, пока Власту не погубили мацтиконы. Ты же знаешь, что была такая планета?

Я кивнул. Власта – родина Даниила и Дании¹. Первая планета, на которой пробудилась жизнь. Местные были очень сильными магами, они могли многое, и мастерски управлялись со своей энергией. Наверное потому и камни оттуда обладают невероятными возможностями.

– Поскольку на этой планете жизнь зародилась раньше всего, камни там тоже особенные. Остальные им сильно проигрывают. – подтвердил мое предположение Томас. – Они

¹ Качели времени. Обилие времен

впитали больше всего энергии сначала от взрыва, потом обменивались импульсами с людьми, обладавшими очень большими запасами силы. Потому и способны на то, что не под силу другим.

Глава одиннадцатая.

Мои боль и опыт

– А почему тогда мой камень не переносит меня в другое время или пространство? Ведь твой на это способен!

– Ты еще слишком мало развит энергетически. Такие перемещения требуют много ресурсов, а ты, Оксинт, все же ребенок. У тебя их в таком количестве просто нет. Да и я сам предпочитаю перемещаться по пространству при помощи телепортационных платформ или звездолетов. Очень устаю, если делаю это при помощи своего камня. А вот переместиться во времени могу лишь с его помощью, и только к тебе, так как мы связаны своими камнями. Но путешествия во времени тоже требуют очень много энергии.

– А у тебя возникает тоска по камню, если ты долго не берешь его в руки?

– Да. И это знак того, что твой агат предназначен именно тебе. Ведь у твоего отца нет тяги к минералу?

– Нет... Он спокойно дает мне его на долгий срок. Для него это просто память о друге.

– Вот видишь! Просто ему суждено было передать агат тебе. И минерал знает, что ты его хозяин, оберегает тебя при помощи видений.

– С чего ты взял? Может, он наоборот хочет, чтобы я спас

маму!

– Тогда бы мой камень не показывал мне видения о конце света. К тому же то, что происходит с твоими близкими, доказывает, что тебе ни в коем случае нельзя вмешиваться в происходящее и менять естественный ход вещей.

– Каким это образом?!

– Ты совсем юный, и память у тебя должна быть хорошей. Вспомни свои мысли, ощущения и намерения накануне каждого из этих событий. Я знаю о них, но хочу, чтобы ты вспомнил сам, а не считал, что я все специально придумал.

Я нахмурился, и мысленно вернулся во вчерашний вечер. Узнав про недомогание тети Саши, я решил, что обязательно расскажу все Даниилу – про камень, видения, Томаса. Потом вспомнил, что происходило еще раньше: до того, как заболела Александра, я планировал все то же самое рассказать ей. Стоит ли упоминать, что накануне происшествия с Майклом мою голову посещали те же мысли?

– По-твоему это просто совпадения? – поинтересовался Томас. – Не слишком ли их много?

– А что это тогда?

– Знаки, Оксинт. Вселенная хочет жить, и таким образом намекает тебе, что ты не должен вмешиваться в происходящее.

– То есть, ты считаешь, что все несчастья случаются, чтобы помешать мне спасти маму?

– Вспомни: когда Майкл провалился под лед, ты сам вы-

сказал эту мысль. И тут же с негодованием ее отверг.

– Ты хочешь взвалить на меня вину за все эти события?! – мое возмущение потихоньку снова набирало обороты.

– Нет, конечно! Ты не виноват в том, что происходит с твоими родными. Просто Вселенная не слишком щадит своих детей, когда делает намеки.

Я посмотрел на него, и вздохнул. И вроде бы логично все, и говорит он спокойно и правильно. Но как я могу смириться с тем, что мамы не станет? Я же и сам дальше жить не смогу!

– Сможешь, мой мальчик. Все живут. Всем приходится жить. Поначалу эта трагедия станет для тебя личным концом света. Когда я узнал о том, что не стало моей мамы, я ревел и катался по полу, не мог даже подняться. Меня просто не держали ноги. Потом плакал буквально каждый час, просил ее, чтобы она забрала меня к себе. Я очень люблю свою маму, но именно тогда, когда мне сообщили, что ее не стало, понял, какой великой силы эта любовь. Но я не успел ей сказать и сожалею об этом вот уже почти тридцать лет.

Томас буквально почернел, погрузившись в воспоминания. Он словно даже забыл о том, что здесь есть кто-то кроме него. Я, не будучи эмпатом, все равно ощутил, как ему больно. Хотя прошло уже так много времени. Получается, эта боль всегда будет и со мной?

– Эта боль всегда будет с тобой. Как будто от тебя оторвали что-то, отобрали ее, частичку твоей души, и уже не вернут. Знаешь, говорят, что когда любимые и близкие уходят,

они становятся нам еще ближе. Я не ощутил этого, а ведь так было бы легче. Надеюсь, тебе повезет больше. Но жизнь продолжится в любом случае, Оксинт. Ты еще будешь счастлив, боль спрячется. Ты не избавишься от нее, но научишься жить с ней. Понимаешь? Ты научишься жить.

– Я не верю в это.

– А как тебе другой вариант развития событий? Если ты вмешаешься в естественный ход вещей, то потеряешь всех, а потом и себя. Не будет ни папы, ни мамы, ни твоих сестры и брата, Александры, Майкла, Даниила с Данией. Если тебе повезет – ты уйдешь одним из первых. Если нет – ты увидишь, как жизнь покидает их. В этой войне со смертью, увы, ты проиграешь. Но вот с какими потерями ты выйдешь из самого страшного боя?

Я смотрел на него, и не мог ничего сказать. Но по-прежнему не хотел верить в то, что не смогу спасти маму, а если попытаюсь, то погублю всех.

– Я могу тебе показать. – отозвался Томас на мои мысли. – Но не хочу. Это страшно.

– Не надо. – в ужасе pokrutil я головой.

– Однако я хотел бы тебе показать, как сложится твоя жизнь после того, как... Как ты простишься с мамой. Ты убедишься в том, что она продолжится. Сейчас ты боишься этого времени... Но я по опыту знаю: дальнейшая жизнь – это не страшно.

Я снова разозлился на него. Вот есть у взрослых, хорошо,

что не у всех, такая черта: считать, что их опыт – единственно верный и раз они что-то пережили, то могут и другим давать советы, и диктовать, какие чувства те должны испытывать. А еще считать, что чувства и переживания маленького человека – ерунда, которой не стоит уделять никакого внимания, что все это от малолетства, глупости или недостаточного знания жизни.

Для меня остается загадкой, почему так происходит. Словно эти взрослые сами никогда не были детьми, и не переживали по какому-то, совершенно незначительному для тех, кто старше, поводу. Или они просто забыли? Забыли, как сильно на них влияло то, что потом стало незначительным? Может быть.

Однако я лично знаю, что мои чувства в данный момент для меня важны и даже нужны. Может быть, лет через пять или десять я сам посмеюсь над детской бедой, которая покажется пустяком взрослому мне. Но пока что это моя беда, и эмоции я испытываю соответствующие. И мне кажется, что смеяться над такой бедой, или фыркать по ее поводу, обесценивать заявлением о том, что когда я вырасту, сам посчитаю ее пустяком – это или эмоциональная черствость, или просто глупость. Напыщенная взрослая глупость. Ведь я еще не в том возрасте, когда посчитаю беду пустяком. Я живу сейчас, и переживаю сейчас, и для меня это важно! А от взрослого в этот момент я жду сочувствия, поддержки. Ну или хотя бы того, что он не станет смеяться над моими

чувствами! Ведь нет совершенно никакой разницы, взрослый или ребенок что-то чувствует. Я же тоже человек, и мои эмоции ничуть не хуже. И они тоже заслуживают внимания и бережного отношения.

То же, мне кажется, можно сказать и об опыте, с которым эти взрослые носятся, как курица с яйцом. Не все, но многие. Может, у них больше ничего и нету? Достижений, умений, таланта или чего-то еще выдающегося... Просто опыт, который, кстати, вовсе не их заслуга. Они получили его лишь потому, что родились раньше меня. Свой опыт будет и у меня. Но, надеюсь, когда я вырасту, не стану тыкать этот самый опыт в нос другим, как единственно верный и неоспоримый образец.

Вот Томас уже второй раз говорит мне о том, что имеет опыт потери мамы. Что он испытал это в детстве, будучи чуть постарше меня. И на основании своего опыта делает выводы о том, что будет дальше со мной. Только потому, что с ним случилось именно так. Но нет никаких гарантий того, что у меня будет точно так же!

Я вижу, что он до сих пор горюет по поводу своей потери, но пытается как-то жить дальше. Возможно, у него это получается. Но я не он! Все люди разные, и переживают по-разному. А когда ты находишься в эпицентре беды, или, как я, в ее предчувствии, вовсе не нужно лезть со своим бесценным опытом. Для меня это не утешение. И думаю, ни для кого утешением не станет. Свое горе всегда ощущается по-

своему. Мне кажется, в этот момент люди думают даже, что никто их не понимает, вне зависимости от того, что пережили окружающие. Хотя бы потому, что они не переживают именно беду человека, который сейчас в нее погружен с головой. Да, сопереживают. Но не чувствуют того же. Особенно не чувствуют те, кто вздумал рассказать о своем опыте. Иначе бы поняли: в этот момент такие слова не помогают, а напротив, причиняют еще больше страдания.

Боль надо проживать самому, а не опираясь на чей-то опыт. И не скрывать ее, не запирает на замок, а пережить до конца. Это как с нарывом на коленке. Можно, конечно, смазать его обезболивающей мазью и заклеить красивым пластырем. Но что будет в итоге? Рана продолжит болеть, нарывать, и рано или поздно прорвет. Это больно, некрасиво, а еще последствия такого игнорирования могут быть просто катастрофическими. Я знаю, так как на Земле видел человека, оставшегося без ноги из-за того, что он вовремя не занялся своим нарывом!

Что уж говорить о душевной боли? Нельзя ее скрывать или пытаться запереть на сто замков! Иначе рана, образно говоря, тоже загноится, и станет еще хуже. Да, душевные потрясения не так очевидны, как физические. Но они имеют еще более страшные последствия, несовместимые с нормальной человеческой жизнью. Возможно, я ошибаюсь, ведь я еще ребенок. Возможно, я не очерствел сердцем и душой, как некоторые взрослые, и все воспринимаю слишком ост-

ро... Однако мне кажется, что нельзя так поступать с собой.

Поэтому я думаю, что с людьми в беде надо быть осторожнее и бережнее. Ни высмеивания их горя, каким бы оно ни казалось высмеивающему, ни попытки поучить своим опытом, ни попытки заткнуть его боль – ничто не помогает, а только вредит. Впрочем, мне кажется, про опыт, и про то, что нужно запереть на замок свое горе, люди говорят из страха или от отчаяния. Они просто не знают, как помочь, боятся беды, с которой столкнулся тот, кто рядом. Ведь это значит, что и они могут оказаться в этой ситуации. И потому стараются убежать от нее, и такие советы дают даже не горюющему, а себе. И высмеивают беду тоже из страха, стараясь преуменьшить ее значение – как высмеивают земляне нечисть во время тыквенного праздника. Просто из страха. Ну и от не слишком большого ума.

Однако это я сейчас могу рассуждать так здраво, и даже пожалеть тех, кто ведет себя не слишком хорошо по отношению к горюющему. Но когда у меня самого будет беда, не думаю, что буду оправдывать неумных окружающих. Не до того человеку в такой момент. И не обязан он оправдывать других, отодвигая свою боль. В такой момент нужны силы пережить свое горе, а не стараться найти что-то хорошее в других. Или держаться, как советовала старушка из моего сна. За что и как держаться, когда привычный мир выбили из-под ног? Найти бы силы, чтобы прожить это темное время!

Глава двенадцатая.

Коварство смерти и любви

– Оксинт! – негромко позвал Томас. – Ты еще тут?

Я вздрогнул, и перевел взгляд на мужчину. Кажется, я слишком глубоко ушел в свои мысли. А что он вообще хотел?

– Я хочу показать, как сложится твоя жизнь. Чтобы ты убедился, что она будет, и будет счастливой.

– Я не верю в то, что буду счастлив без мамы.

– Ты долго не будешь в это верить. Но это будет. Показать?

Я безразлично пожал плечами. В ответ Томас втолкнул меня прямо в водную стену. Я хотел было возмутиться, но тут понял, что на меня, вопреки ожиданиям, не льется вода. Огляделся и вздрогнул, так как обнаружил себя прямо на кладбище из моего видения. В метрах пяти от нас стояла скорбная процессия, а у страшного деревянного ящика, гроба, я увидел безучастного к происходящему отца, сестру и... И себя!

Я оглянулся. Томас стоял у меня за спиной, и тоже наблюдал за происходящим.

– Как я могу быть и тут и там сразу? – поинтересовался я у него шепотом.

– Это просто видение. Ты смотришь версию своей жизни

после... Ну ты понял. Этого будущего еще нет, потому что все сейчас зависит от твоих действий.

Я кивнул, и снова уставился на похороны. Зачем он мне опять это все показывает? Здесь я точно не счастлив, и вряд ли таковым буду!

– Это самый черный день в твоей жизни, мальчик. Ты в первый раз столкнулся с горем, с утратой. В первый раз смерть подошла настолько близко к тебе. И не просто подошла, а забрала одного из самых дорогих людей. И теперь ты не понимаешь, как можно вообще жить дальше. Зачем тебе эта жизнь без нее. И как в принципе возможна жизнь, когда у тебя из сердца грубо вырвали самое главное.

Я слушал его, и смотрел на себя, стоящего у гроба. Не знаю, читал ли Томас мысли меня в видении, или вспоминал то, что чувствовал сам. Но в выражении своего лица я видел все, о чем он говорил.

– Ты очень сильно любишь маму. Невероятно сильно. Но главное коварство смерти и любви в том, что лишь когда ее не станет, когда ты будешь лишен возможности рассказать ей о своих чувствах, ты поймешь, насколько действительно сильно ее любишь. Настолько, что это известие будет более удара под дых. У тебя будто закончится кислород. Нет, физически все будет как прежде. Ты дышишь, говоришь, двигаешься. И в то же время, будто бы находишься в вакууме, в вязкой жиже, которая не дает двигаться твоей душе. Нечем дышать, да и незачем. Тебе больно, и боль эта толь-

ко в первый момент резкая, выворачивающая тебя наизнанку. Она будет с тобой, но трансформируется. Из резкой, как удар ножом, в глухую, постоянно ноющую. Вот здесь, в районе солнечного сплетения появится камень. И будет с тобой очень долго.

Тихий голос Томаса действовал на меня гипнотически. Или же он снова что-то делал со своим минералом? Не знаю. Но я словно очутился там, возле разверстой ямы, которая заменит моей маме наш уютный дом. Не было стены дождя за спиной, не было моего «проводника» рядом. Я стоял, и сжимал в своей руке руку сестры. А сам не мог отвести взгляд от маминого лица, зная, что вижу ее в последний раз.

В глазах двоилось от слез. Я плакал, и казалось, пролил на жирную черную землю уже весь мировой океан. Но откуда-то брались новые слезы, а боль, о которой говорил Томас, была в этот момент вовсе не камнем. Скорее, она напоминала обжигающе горячее море, волны которого то накатывали, то отступали, то снова стремились сжечь мою душу.

– У землян есть такое понятие, как пять ступеней принятия утраты. Это отрицание, гнев, торг, депрессия и смирение. У тебя будет все это. Первое – отрицание. Это странно. Ты знаешь, что ее больше нет, ты увидишь собственными глазами, как закроется крышка гроба, как ее физическую оболочку опустят в яму и засыпят землей. Ты знаешь. И отрицать вроде нечего, да? Но ты будешь звать ее, словно она по-прежнему рядом. Кто-то, не слишком умный, начнет рас-

сказывать тебе, что так ты сделаешь ей хуже, что надо отпустить. Но нельзя требовать от ребенка, да и от взрослого тоже, сразу отпустить человека, с которым у вас, по сути, была одна жизнь на двоих. И ты не сможешь. Умом ты все поймешь, но сердце долго будет отрицать, что ее больше нет.

Как созвучны эти его слова моим недавним мыслям. Да, кажется, Томас сам вспомнил, каково это – терять. Может, тогда он поймет, почему я хочу спасти маму.

– Потом настанет очередь гнева. Я много раз задавался вопросом: что же является самым совершенным механизмом во Вселенной? Человеческая психика или человеческий же организм? Да, и в том, и в другом случаются сбои, которые приводят к заболеваниям... Но если эти механизмы работают корректно, в них отлажены все процессы. И они сами заботятся о том, чтобы любые негативные последствия извне не нанесли им вреда. Наш разум может и не знать, что ему делать. Но психика сама о себе позаботится.

Я с недоумением глянул на него. К чему это замечание? А Томас продолжил рассуждать о гневe. Это, по его мнению, самый эффективный способ избавиться от негативных эмоций, которые у меня появятся. Грусть и уныние дезактивируют человека, отравляют и разъедают его изнутри. А вот гнев, невзирая на его сильную эмоциональную окраску, поможет выпустить негатив наружу, чтобы не разрушить меня изнутри.

Вторая стадия выразится в том, что я буду искать виноватых.

тых в том, что случилось. Врачей, которые вовремя не смогли заметить заболевание. Ученых, которые до сих пор не научились лечить недуг моей мамы. Хроносов, которые не могли отмотать время назад, чтобы ее спасти. Может, даже, саму маму за то, что она сдалась. Оказывается, такое поведение свойственно некоторым людям.

– И конечно же, ты будешь винить в случившемся родных, а самое главное – себя.

– Если я не спасу ее, как же мне себя не винить? Как не обвинять себя в том, что я мог помочь, и ничего не сделал?

– То, что ты можешь сделать, убьет все живое. Но ты не виноват в том, что произойдет. Не виноваты врачи и ученые – они не всесильны. И Хроносы, к сожалению, тоже. Они откажут твоему отцу в повороте времени вспять, потому что тоже понимают: это погубит Вселенную. Да и не всегда время им подвластно. И мама – она тоже не виновата.

– Конечно мама не виновата! И я буду биться с любым, кто скажет иначе. Но кто же виноват?

– Никто, Оксинт. Это не тот случай, когда в больнице вымогают с больных людей деньги, не оказывая помощь, и лечат спустя рукава, если денег им не дадут. Или вовсе забывают про пациентов. Такие случаи, увы, не редкость на Земле. Но у твоей мамы другая история. Она будет окружена любовью и заботой. Однако ее заболевание не оставит никаких шансов на счастливый исход. Я скорблю вместе с тобой, но говорю как есть.

Я уже хотел поинтересоваться у Томаса, чем же заболела мама, как он стал рассказывать про третью стадию – торги. Это момент, когда человек пытается вымолить у высших сил вторую попытку для того, кто ушел. Меня несколько удивила такая стадия у землян. Мы, а также нибирийцы и атланты, знаем, что эти самые высшие силы точно есть. Но с кем пытаются торговаться жители планеты Земля? Ведь у них нет почти никаких доказательств того, что высшая сила существует.

Но любовь, по словам Томаса – сила, которая делает с человеком и его мироощущением что-то невероятное. Не зря к тому же на Земле любовь соседствует с надеждой и верой. Именно надежду и веру она способна пробудить. Веру в то, что есть кто-то, кому под силу все исправить. И надежду на то, что это получится. Ну не знаю... На мой взгляд, это отчаяние. Человек стучится во все двери, без разбору, потому что больше ничего он сделать не может. Утопающий хватается даже за соломинку.

После наступает стадия депрессии. Все душевные силы уйдут на гнев, и на попытки сторговаться со Вселенной. Когда они закончатся, я почувствую себя опустошенным, не будет ни желаний, ни стремлений, ни энергии что-то делать, продолжать привычную жизнь. Те чувства, которые я испытываю сразу после маминого ухода, вернутся. Скорбь, слезы, желание поскорее завершить жизненный путь, чтобы скорее оказаться рядом с ней – все это будет, как и отсутствие смыс-

ла существования.

– Возможно, в этот момент ты поймешь, что не справляешься сам. Но нет ничего зазорного в том, чтобы попросить о помощи. Ты имеешь на это право и это нормально. Не только в этой катастрофической ситуации, но и во многих других. Запомни это. А еще будь готов к тому, что все эти стадии не будут идти строго по порядку. Из депрессии ты можешь снова вернуться к гневу или торгам, или же перескочить третью стадию и сразу перейти к четвертой.

– И как все то, что ты мне описал, вяжется с твоим же утверждением, что когда-то я буду счастлив?

– Но все заканчивается рано или поздно. – Томас будто не слышал меня. – Наступит пятая стадия – смирение, оно же принятие. Ты поймешь, что, увы, ничего не исправить. И некого винить. Вообще стадия гнева опасна тем, что из нее легко скатиться в месть, которая якобы помогает почувствовать себя лучше. Вроде бы виновные наказаны, но... Но нет их, виновных. И легче от наказания не станет. Однако ты пройдешь это все. И после принятия тебе станет легче. Боль останется, тоска по маме останется. Но именно в тот момент ты продолжишь жить. И в этой жизни будет счастье.

– Без мамы я счастлив не буду! – упрямо повторил я.

– Не хочу с тобой спорить. Я покажу тебе твое будущее.

– А разве это не опасно для Вселенной?

Вопрос у меня был отнюдь не праздный. Как потомок хозяина времени, я давно уже усвоил, что события будущего

простым смертным не должны быть известны. Да, время от времени появляются провидцы, которые приоткрывают самую непроницаемую из завес... Однако не зря большинство из них говорит загадками. Это нужно для того, чтобы о грядущих событиях догадались те, кому можно о них знать, а не все подряд. Но даже если прорицатель прямо скажет, что где-то тогда-то случится то-то – это всего лишь означает, что на участь Вселенной такое событие повлияет мало. Или же люди должны знать о том, что будет. Но такое случается редко. Поэтому я и беспокоюсь: не покажет ли мне Томас слишком много?

– То, что я покажу тебе, можно знать. А учитывая сложившиеся обстоятельства, раз уж ты и сам узнал заранее, что случится в твоей жизни относительно скоро – даже нужно. Но не обессудь: я скрою лица тех, кто окружает тебя, и места, где ты будешь находиться. Вовсе не обязательно тебе знать, например, кто будет твоей супругой, чтобы ты не стал искать ее раньше времени, или умышленно строить отношения с прицелом на брак. Это может изменить будущее. Так что обойдемся без лиц. Согласен?

Я кивнул. О женитьбе сейчас я думал меньше всего. Так что внешность потенциальной супруги мне неинтересна. Томас улыбнулся, снял свою цепочку. Он зажал бусину в кулаке, и резко рассек воздух рукой.

Глава тринадцатая.

Жизнь продолжается

Рассек в прямом смысле – прямо в пространстве кладбища показался просвет. Мужчина взял меня за руку, и мы шагнули в образовавшийся разрез. Тут же случилось что-то странное. Рука Томаса растаяла, а я сам вдруг оказался на трибуне в родной школе. Голос мой что-то бойко вещал, тело двигалось, но сам я не мог им управлять. Что это, куда засунул меня Томас?!

– Не бойся, Оксинт. – раздался его голос, хотя мужчину я по-прежнему не наблюдал. – Твое сознание находится в теле будущего тебя. Это нужно для того, чтобы ты ощутил собственные эмоции, мысли. А поскольку мы оба тут присутствуем лишь сознанием, меня ты не видишь. Ведь тут отсутствует мое тело.

– А где тогда сознание меня, который сейчас стоит перед всей школой? Ведь мое тело живет отдельной от меня жизнью. Значит, второе сознание тоже тут?

– Именно, мой мальчик. Ты нынешний тут присутствуешь, так сказать, в фоновом режиме, и можешь лишь наблюдать и чувствовать. Основное же участие в происходящем принимаешь ты, который постарше. Сейчас тебе четырнадцать лет. Ты защитил какой-то проект – я, если честно, в ва-

шей школьной программе ничего не понимаю. Прислушайся к своим ощущениям. Что ты сейчас чувствуешь?

Я послушно заглянул внутрь себя и ощутил не только то, что происходит сейчас, но и то, что было раньше. С того момента, когда нас покинула мама, не прошло и дня, чтобы я не вспомнил о ней. А как иначе? Ведь у нас была одна на двоих, общая жизнь. Поначалу слезы катились градом при каждом случае. Все напоминало о ней. А даже если глаз не наткнулся на то, что вызвало бы воспоминания о маме – я начинал вспоминать сам. И рассказывал всем, кто готов был слушать. И вспоминал я время до болезни, все-все-все счастливые моменты, которые успел застать. Их было очень много. Но в то же время, катастрофически мало. И слезы душили от такой несправедливости: молодая, красивая женщина так мало прожила счастливо.

Даже случайно услышанная песня или пустяковая фраза возвращала меня к мыслям о маме. Но постепенно я перестал плакать каждый день. Хотя даже спустя долгое время мог разреветься, что называется, на пустом месте. Но боль, которая словно разрывала меня изнутри, несколько притупилась. Не делась никуда, но и не терзала уже ежесекундно. И я правда смог двигаться дальше.

В данный момент я действительно успешно защищал какой-то проект, был рад и горд собой. А еще я почувствовал, как мое подросшее воплощение сожалеет, что мама не видит, каких успехов достиг ее старший сын – она бы тоже

мною гордилась. И сколько еще в жизни будет такого, что мама уже не увидит, не порадует за нас...

– Говорят, что они все видят. – деликатно возразил Томас.

– Ты сам-то в это веришь?

– Пытался поверить. Но подтверждений я не получал.

Знаешь, если бы хоть раз оттуда дали знать, что слышат, что и правда остаются рядом – было бы легче.

Я кивнул, и мысленно поблагодарил мужчину за честный ответ. Потом огляделся и попытался понять, что хоть за проект я защищаю.

– Извини, я это тоже скрыл. Ты же еще не определился, чем будешь заниматься в жизни. А тут мог бы получить подсказку.

Вздыхнув, я снова прислушался к себе. Даже удивительно, что помимо тоски по маме, я испытывал и другие эмоции, причем положительные. Неужели и правда скорбь со временем проходит, и люди снова могут радоваться жизни?

– Да, Оксинт. Иначе бы человечество уже давно вымерло. Ты не виноват в том, что будешь жить дальше и жить хорошо. Так надо, и твоя психика все для этого сделает. Да и мама, я думаю, хотела бы, чтобы ты жил дальше.

Я согласился. Конечно, мама хотела бы, чтобы мы были счастливы. Но я все равно чувствую вину. Мы живы, у нас даже все, судя по происходящему, неплохо. А мама...

– И еще раз: не вини себя. Что тебе остается делать, кроме как жить дальше? Не ляжешь же ты рядом в могилу! Живые

должны жить, а не хоронить себя. И вечный траур – это бессмысленная жертва. Твои родители не хотят для тебя такой жизни. Станешь отцом – сам поймешь.

– Я стану отцом?

– Да, но перед этим у нас будет еще одна остановка в будущем.

После его слов лица в зале замелькали, все смешалось в яркое многоцветное пятно. Я моргнул, и когда снова открыл глаза, обнаружил себя на берегу моря. Волны накатывали на берег, а по песку, отскакивая от них, бежала девушка. Я же обнаружил, что держу в руках полотенце. И когда девушка, лицо которой я почему-то все никак не мог разглядеть, приблизилась, накинул его ей на плечи.

Она, кажется, улыбнулась, а я едва устоял на ногах. Стало трудно дышать, на глазах выступили слезы. А внутри, в районе солнечного сплетения что-то защемило, и будто бы лопнуло, после чего стало очень тепло. Я испугался.

– Томас! Томас, у меня внутри что-то лопнуло! Судя по расположению – желудок!

Вместо ответа мужчина вдруг самым наглым образом заржал. Я насупился: что смешного-то?!

– Извини, мальчик. – откликнулся он. – Моя реакция не совсем позволительна, конечно, но я не смог удержаться. Это не желудок. Это любовь.

– Любовь? Какая еще любовь?

– Любовь к девушке, которую твое будущее «я» сейчас

держит в объятиях.

Я удивился. Так оказывается, самое прекрасное чувство на свете выражается в том, что внутри будто что-то лопается? И потом, я знаю, что такое любовь! Я же люблю родителей, сестренку и брата!

– Это другая любовь, Оксинт. Любовь к тем, кто окружает тебя с первого дня рождения – совсем иная. Она появляется на свет вместе с тобой. Это безусловный рефлекс, это словно дыхание. Ты же не можешь перестать дышать – вот и перестать любить своих близких тоже не получится. И любовь к малышу, который не так давно появился в твоей семье, тоже безусловная. Она родилась вместе с ним, и постепенно пробуждалась, когда ты ухаживал за братом, помогал ему, защищал. Иногда любовь берет начало в ответственности. Сейчас же любовь другая – любовь к женщине. Да и ты старше, поэтому многие чувства ощущаются иначе. К тому же я специально переместил твое сознание в тот момент, когда ты осознал любовь. Этот первый момент – всегда очень сильная эмоция.

Я прислушался к себе. Новое чувство словно заполняло меня всего, распирало, от чего по-прежнему перехватывало дыхание. Я ощутил небывалую легкость. Показалось, что я сейчас взлечу, как воздушный шарик. Так вот почему любовь сравнивают с полетом! Еще я ощутил, что мне нравится это чувство, хотя я его еще совсем не знаю, и к нему не привык. А все новое вызывает у меня опасения – но только

не сейчас.

Впрочем, помимо новизны, я почувствовал и кое-что узнаваемое. Ростки нежности, желание заботиться, оберегать ту, лица которой я по-прежнему не видел – это тоже присутствовало в спектре моих нынешних эмоций. Я ощутил, что дороже этой девушки у меня нет никого на свете. И тут же снова мелькнула мысль о маме. О том, что моя любимая ей бы обязательно понравилась. Как же жаль, что я не могу представить матери свою избранницу.

– Это чувство сожаления... Оно же будет со мной всегда?

– Да, малыш. Так откликается боль, которая живет в тебе.

От нее никуда не деться.

– Тогда какое-то неполноценное счастье получается.

Жить и сожалеть... Я всегда буду терзаться. И буду вспоминать маму и понимать, что ничем ей не помог!

– Ты же помнишь, что на другой чаше весов? Весь мир, твой отец, сестра, брат, другие родственники. И эта девушка, дороже которой у тебя нет. Впрочем, будут еще люди, самые для тебя дорогие. Неужели ты хочешь всех их обречь на гибель?

– Кто эти люди?

Ответа не последовало, но окружающее меня пространство снова изменилось. И вот уже я обнаружил себя в незнакомом мне помещении. На высокой кровати лежала женщина, и ее лица я тоже не видел. Интересно, это та же самая незнакомка? Она протянула мне младенца, которого я осто-

рожно взял.

– Это лицо я решил от тебя не скрывать. – прокомментировал Томас.

Я глянул на малыша. Маленькие, словно кукольные, губки, вздернутый носик и серьезные ярко-голубые глаза. Они внимательно меня изучили, и вдруг ребенок издал какой-то фыркающий звук, а потом рассмеялся. Уголки губ поползли вверх, носик наморщился, и даже глазки улыбались. Я замер на месте, словно громом пораженный. Как это удивительно, что человечек, который буквально несколько часов назад сделал первый вдох, уже умеет улыбаться и даже смеяться!

Я снова почувствовал обжигающее тепло внутри, но уже без лишних подсказок понял: это любовь. Любовь, горячей волной залившая меня. И одновременно с ней такая нежность, которой ранее я точно не испытывал. Захотелось заключить эту кроху в крепкие объятия, закрыть от всего мира, нерушимой стеной встать на пути всего, что могло бы ей навредить! И долго-долго смотреть на нее, радоваться ее улыбкам и смеху, видеть, как она растет, делает первые шаги, держать ее руку в своей на прогулке, и гордо смотреть на мир, в котором живет самое прекрасное существо на свете – мой ребенок.

Мой младший брат растет у меня на глазах, поэтому я многое знаю о младенцах. И сейчас перед мысленным взором пронеслись все этапы, которые прошел Антей – но уже

вместо него я видел малыша, которого держу на руках. Первые шаги, первое слово, первые объятия, когда эти маленькие ручонки обовьются вокруг моей шеи, первый зуб, первые игры... Я ощутил себя абсолютно счастливым от того, что теперь в моей жизни, в жизни этого ребенка, в нашей общей жизни будет так много первого и нового!

На мгновение мелькнула страшная мысль: но ведь когда-то будет и первая потеря. Моя кроха лишится меня, как я лишусь своей мамы. Будут и первые, боюсь, не единственные, страдания. Разве я в праве причинять боль своему ребенку?

– А разве ты в силах отказаться от этой крохи? – спросил Томас. – Она для тебя уже живая. Ты хочешь, чтобы ее не было?

– Нет! Ее жизнь для меня самая важная!

Глянув на малышку, я заметил, как она похожа на меня. И на мою маму. Так что же это значит? Даже те, кто ушли, продолжают в нас?

– Да, Оксинт. Жизнь продолжается. И твои дети станут этим продолжением. А моменты, которые ты проведешь с ними, и со своей любимой – они будут наполнены таким счастьем, что и представить невозможно. Жизнь продолжится. Ты будешь счастлив. И знаешь, ведь самое главное для твоей мамы – это твое счастье. Ты сейчас, держа на руках своего ребенка, сам это понимаешь. Можешь спросить у Елены, если не веришь мне.

Не успел он договорить, как мы снова оказались на кладбище. Я посмотрел на свои руки, в которых еще мгновение назад был комочек счастья, и вздохнул. Пустота, которая придет, когда не станет мамы, снова напомнила о себе.

Глава четырнадцатая. Самое прекрасное и самое ужасное

– Всему свое время, Оксинт. – сказал Томас. – Ты будешь счастлив, несмотря ни на что. Ты будешь любить, и будут любить тебя. Ведь что такое смерть? Это утрата любви. Но любовь еще будет в твоей жизни.

– Это не только утрата любви. – возразил я ему. – Когда я думаю о том, что не станет мамы, мне так жаль ее! Я не хочу, чтобы она отправлялась куда-то в неизвестность. Кто знает, что ее там ждет? А еще я хочу ее защитить! Защитить, как и положено – ведь мы должны оберегать тех, кого любим. Да, я еще маленький, и совсем недавно родители защищали меня от всего. Но я расту, и хочу их за это отблагодарить. А еще это мое естественное желание: защитить их от всего на свете!

– Увы, мальчик, не все в силах человека. Ты обязательно защитил бы ее, если бы мог. Но ты простой смертный и твои возможности ограничены. Однако их достаточно для того, чтобы уберечь других дорогих тебе людей от ужасной участи. И дать появиться на свет тем, кто тоже будет тебе дорог. Ты же хочешь, чтобы родилась твоя кроха?

Я находился теперь в своем теле и чувства того, взрослого Оксинта, мне уже были недоступны. Однако я их помню! Воспоминания об эмоциях, разумеется, не такие силь-

ные, как сами эмоции. Но все же, благодаря им я снова ощущаю слабый всплеск того счастья, которое испытаю, когда возьму на руки своего ребенка. И конечно же, я хочу, чтобы этот малыш появился на свет! Я вообще хочу, чтобы все дети, которые вознамерились прийти в этот мир, в нем воплотились, вне зависимости от степени нашего родства. Но маму я тоже не хочу терять!

– Жизнь, Оксинт, это череда выборов. Сначала ты выбираешь во что играть, и с чем играть. Потом – с кем дружить, и чем заниматься по жизни. С кем жить, как воспитывать своих детей...

– Но не выбираю, кому жить, а кому нет! Люди не должны такое решать.

– А как же смертная казнь, когда лишают жизни убийцу, чтобы обезопасить других людей?

– Моя мама не убийца! Она ни в чем не виновата!

– Я приведу другой пример. Твоя тетя Александра тоже выбирала между жизнью и смертью.

– Но она ставила на кон только свою жизнь, а не пыталась решить участь других.

– А ты хочешь поставить под удар жизнь всего человечества, Оксинт. Я, когда понял, кто может послужить причиной гибели мира, не пытался убить тебя. Я сделал другой выбор – убедить тебя поступить правильно!

Показалось мне, или сейчас в голосе Томаса просквозила угроза в мой адрес? Я украдкой глянул на мужчину, и увидел

нахмуренные брови, злые глаза. Черная бусина, снова болтавшаяся у него на шее, будто была испещрена молниями, и я прекрасно знаю, что это значит. Когда я злюсь, мой агат ведет себя точно так же. На нем появляются всполохи, исчезающие лишь тогда, когда я успокаиваюсь.

Значит, Томас злится. Наверное, ему, как и мне, надоел этот бесконечный спор. Но как он не может понять, что я просто не в состоянии не попытаться спасти маму! Любой ребенок захочет уберечь родителей от страшной участи. Да, он показал мне, что и в будущем будет радость. Но я-то сейчас не в будущем, а в настоящем. Неизвестно, что на самом деле будет дальше, но сейчас сердце сжимается от боли, как представляю жизнь без мамы!

К тому же я видел, что будет с ней. Как она будет мучиться, как жизнь по капле будет уходить от нее. И ощутил, как тяжело и пусто будет мне без нее, если мама уйдет. Неужели он думает, что я буду спокойно ждать такого исхода?!

– Да, пожалуй, ты прав. – согласился со мной Томас, хотя я ни о чем его не спрашивал. – Ты видел лишь одну сторону медали. Камень показал, что будет, если все пойдет так, как и должно идти. И я тоже. Но для тебя этого мало. И придется показать другой вариант развития событий.

– Нет!

– Я не хочу этого, как и ты. Но иного выхода нет.

Мужчина резко дернул за бусину и, кажется, порвал цепочку. Снова в пространстве возник разрез, в котором пы-

лало и ворочалось что-то красное. Не церемонясь, Томас втолкнул меня туда.

Я испуганно огляделся и обнаружил себя возле собственного дома. Однако спокойствия такое открытие не добавляло. На небе снова пылало сумасшедшее солнце из моего недавнего кошмара, и самое страшное заключалось в том, что оно приближалось. Становилось жарко, по лбу ручьями потек горячий пот.

– С огня всегда все начинается, и огнем все заканчивается. – раздался голос моего мучителя. Оглянувшись, я снова его не увидел. – Огонь, охвативший планеты после большого взрыва, растопил вечные льды, превратив их в океаны, в которых зародилась жизнь. Огонь согревает и дает пищу. Глупый человек думает, что приручил его, но это не так. Огонь превращает в пепел, в ничто все, что встретит на своем пути, если выйдет из-под контроля. И именно огнем всегда все заканчивается.

Пока он говорил, я оглядывался. Не только небо, но и пейзаж вокруг сильно изменился. Папины грядки представляли печальное зрелище – ни единого зеленого росточка. Вместо этого пожелтевшие и поникшие травы, иссушенные плоды. С болью я заметил, что розы, за которыми с такой любовью ухаживает мама, словно засохли. Ушла из них жизнь, листики пожухли и свернулись, а сами бутоны напоминали наспех скрученную в рулон сухую пергаментную бумагу.

– Оксидент! – услышал я мамин голос.

Вздвогнув, я повернулся на звук, и увидел маму, бегущую ко мне. Из дома выскочил отец, догнал мать.

– Беги в дом! Прячься! – крикнул он мне.

С неба вдруг стали падать куски жидкой лавы, и потому я, не раздумывая, понесся к крыльцу. Забежав под крышу, я обернулся и увидел, как эта лава пролилась на родителей. На мгновение они застыли, обнявшись, а потом рассыпались в прах. Я от ужаса, охватившего меня, даже не смог закричать. Из горла вырвался сип.

– Твои родители вместе встретили смерть. – бесстрастно прокомментировал происходящее Томас. – Но разве тебе от этого легче?

Ответить ему я не смог. В ужасе я смотрел на то место, где только что были мама и папа. Они погибли у меня на глазах, но я отказывался верить в происходящее. Однако это было еще не все.

От кромки леса отделилась тонкая фигурка. Крича что-то, ко мне бежала Александра. Вдруг она запнулась, упала. Из дома, мимо меня, к ней метнулся человек – тетя Саша. Сестра вдруг стала задыхаться, лицо ее почернело.

– Кому-то просто не хватило воздуха. – продолжал говорить Томас. – Кстати, ты знаешь, что больше всего твоя тетя, бесстрашная победительница мацтиконов, боится сгореть заживо?

Тут же, после этих слов, я увидел, как дождь из лавы сменился потоками огня с небес, и в ужасе рванул в дом.

– Стены не защитят тебя от ее криков. От осознания того, что во всем этом виноват только ты.

– Заткнись! – голос вдруг вернулся ко мне.

Томас промолчал в ответ, но я услышал новый звук. В детской надрывался братик. Я прибежал к нему, взял его на руки. Малыш захлебывался слезами, но вдруг, словно сестренка, стал хватать губами воздух. Я увидел, как лицо его тоже стало стремительно чернеть, зажмурился.

– Нет! Прекрати это, пожалуйста!

И все действительно прекратилось. Я уже не ощущал того пылающего жара, который словно выжигал меня изнутри, не слышал хрипов маленького Антея. Только тихое шуршание и сырость.

Открыв глаза, я понял, что нахожусь под тем же навесом, перед стеной дождя. Рядом стоял Томас.

– Я показал тебе самое прекрасное и самое ужасное, что может приключиться в твоей жизни. – сказал мужчина. – Ты видел, к чему приведет твое желание спасти маму. Порой нам приходится приносить в жертву самое дорогое. Чтобы спасти большее.

Я ничего не произнес в ответ. Руки все еще дрожали, а перед глазами вновь и вновь вставали ужасные картины, которые я только что видел. Голос снова меня не слушался, да и что я могу сказать? Поэтому я просто молча смотрел на Томаса.

– Я сожалею, мальчик мой, что мне пришлось показать

тебе и этот исход. Но ты сам виноват. Меня тоже можно понять. Я хочу жить. И хочу, чтобы жили все те, кто окружает меня. Чтобы Вселенная продолжала свое существование. Я защищу свою жизнь любой ценой. Думаю, ты бы поступил так же.

А вот теперь в его голосе совершенно определенно звучала угроза. Не приходилось сомневаться, что Томас пойдет на все, лишь бы не дать мне сделать то, что, по его мнению, всем навредит.

– Я правильно понял? Если я не откажусь от мысли спасти маму, ты меня убьешь? – все же уточнил я, едва обретая звук.

– Оксинт, я не детоубийца. Но я могу тебя изолировать, пока все не случится. И подумай еще вот о чем: если мироздание так жестоко намекает тебе, что ты идешь неправильной дорогой, оно может и поставить точку в вашем споре. Поставив точку на жизни, кхм, предмета этого самого спора.

Еще минуту назад мне было жарко, но сейчас я похолодел. Хотя Томас по-прежнему изъяснялся достаточно туманно, сейчас я отчетливо понял, на что он намекал. Этот садист, взявшийся невесть откуда на мою голову, хочет сказать, что я могу лишиться мамы еще раньше, чем это якобы суждено.

– Только тронь ее, и я...

– Возможно, мне этого не придется делать. Вселенная умеет сама за себя постоять. Так что прими мой совет. Побудь с мамой столько, сколько вам отведено судьбой. Каждый день вместе – это подарок. Не укорачивай ее и без того

короткую жизнь. И помни: свое будущее и свой мир, если придется, я отстою любой ценой.

Тут же, безо всяких спецэффектов, я снова поменял место дислокации. Оглядевшись, я убедился, что нахожусь в родительской спальне, на кушетке. Рядом тихо посапывает сестра. Отец спит в кресле, мама на кровати, а Антей в своей колыбельке. Все живы, и пока что все в порядке. Но после того, что я сейчас увидел, само выражение «все в порядке» явно не имело ко мне никакого отношения.

По крыше забарабанил дождь, но даже он, всегда действующий на меня умиротворяюще, сегодня не смог успокоить. Уже несколько недель я живу в страхе за маму, но сегодня этот страх стал еще сильнее. Теперь я боюсь за всех, кого знаю и люблю. И за свою жизнь.

Те картины прекрасного будущего, которые Томас показал мне сначала, уже почти стерлись из памяти. Вместо них перед глазами то и дело вставали ужасные кадры того, что тоже может быть моим будущим. Наверное, он на это и рассчитывал? Не получилось воздействовать на меня пряником, и мужчина взялся за кнут. Не могу сказать, что у него не получилось.

Я не трус. Однако я всего лишь десятилетний мальчик, а не герой со сверхвозможностями. И самое страшное: я даже не могу к кому-то обратиться за помощью.

Глава пятнадцатая. После того как я предал маму

Это удивительно, но я все-таки заснул в ту ночь. Завидую собственной нервной системе: она гораздо стабильнее меня. И во сне, несмотря на то, что проклятый Томас так сильно меня напугал, ничего подобного мне не привиделось. Зато едва я открыл глаза, давешние страхи окружили меня, словно кровожадные монстры.

Как назло, сегодня был выходной и в школу идти не нужно. А дома я от своих страхов никак не мог отбиться. Вызвался помогать отцу в саду, чтобы занять руки, но голова все так же лопалась от мыслей. Я понял, что боюсь не того, что может случиться в будущем. В конце концов, все картинки, которые демонстрировал мне Томас – это то, что еще не произошло, и может не случиться вовсе. Два варианта развития событий из бесконечного их количества. Конечно, то, что показал мне этот садист, ужасно. Но можно избежать такого будущего и потому не оно меня страшит.

Главную опасность для меня представляет сам Том. Я все никак не могу его понять. В нашу первую встречу он сильно испугал меня. Потом пытался проявить дружелюбие, сочувствие. Рассказал о своей утрате, и я даже проникся к нему некоторой жалостью и симпатией. И вдруг он стал мне угро-

жать... Я решительно не понимаю, почему он так меняется, и как на это реагировать!

А еще я очень боюсь, что он и правда что-то сделает, чтобы я не смог спасти маму. Боюсь не за себя – почему-то, несмотря на мое в целом негативное отношение к этому мучителю, я чувствую, что он меня не тронет. Но сильно боюсь за маму. Мало ли, что взбредет в его сумасшедшую голову! В том, что у нового знакомого капитально едет крыша, я уже не сомневался.

Наконец, меня испугало и его заявление о том, что Вселенная сама может себя защитить. Если учесть, что несколько раз она это уже делала, то существует вероятность того, что она и правда отберет у меня маму раньше, чем суждено. Конечно, все еще оставался небольшой шанс на то, что это именно Томас виновен в происшествиях с моими близкими. Но как бы он навредил Саше и маме? Думаю, он и правда не имеет такой силы, которую я ему приписываю. Иначе разобрался бы со мной в два счета.

И если ему я, в теории, мог бы кое-что противопоставить, то сопротивляться воле Вселенной не получится. Папа, который в два счета мог бы разобраться с моим мучителем, и навсегда отбить у него охоту на километр приближаться к маленьким мальчикам, бессилен, когда речь заходит о мироздании. Боюсь, что и Даниилу с ним не под силу спорить. Ведь Том сказал, что Хроносы не помогут. А это возможно лишь в том случае, если Дан и правда окажется бессилен.

Фактически, мне сейчас не приходится делать выбор между двумя вариантами будущего, которые показал мужчина. Выбирать надо между тем, что показал мне камень – как мама будет на протяжении некоторого времени угасать от болезни. И гипотетическим ее уходом по воле Вселенной. Неизвестно, что хуже.

Я не хочу, чтобы мама мучилась. И наблюдать, как она шаг за шагом сдается смерти – это настолько ужасно, что у меня даже слов нет, чтобы описать! А ведь я еще не прочувствовал, лишь увидел этот кошмар при помощи агата. Просто заранее знаю, что время, когда мама будет угасать, окажется самым страшным в моей жизни. Наверное, это страшнее даже потоков лавы, льющихся с небес.

Но неизвестно, что жестокое мироздание выдумает, если я не смирюсь. Томас прав: до сих пор оно не слишком церемонилось с моими родными. Майкл и вовсе мог погибнуть, если бы Даниил не вытащил его из полыньи. Да и Александра с мамой тоже находились на волосок от самого страшного. Быть может, упорствуя, и пытаясь ее спасти, я приближаю конец самого дорогого мне человека?

По сути, когда мужчина утверждает, что у меня якобы есть выбор в принципе, он ошибается. Нет, даже если я выберу вероятный конец света, никто мне не даст осуществить задуманное. И от меня вообще в принципе мало что зависит. Я не могу спасти маму. Ее ждет болезнь, после которой она уйдет от нас. Могу ли я позволить ей мучиться? Но неизвест-

но, какой исход выберет Вселенная, если я не остановлюсь. Вдруг это будет во сто крат мучительнее?

– Сегодня ты слишком молчалив, сынок. – заметил папа, о присутствии которого я уже успел забыть. – Все в порядке?

– Я думаю, страшно жить, понимая, что рано или поздно тебя оставят все близкие.

– Оксинт... Ты это из-за вчерашнего недомогания мамы? – папа встревоженно глянул на меня.

– Не только. Александра, Майкл... Столько дорогих людей вокруг, каждый не застрахован от опасности... И каждый когда-то уйдет.

– Ну это еще нескоро будет. – уверенно сказал отец.

– Нам это неизвестно. – возразил я ему.

– К сожалению, да.

– К сожалению? Ты хотел бы знать, когда уйдут твои близкие?

– Да, сын.

Отец ответил без колебаний, и меня это удивило. Как можно желать точно знать, когда тебе придется проститься с человеком? Ведь от этой информации с ума можно сойти! Этот вопрос я ему и переадресовал.

– Понимаешь, сынок, жизнь учит нас тому, что все заканчивается. И уход близких – это естественный процесс. Но зная, когда это случится, может быть, удастся немного продлить их жизнь, подарить любимым хотя бы немного времени.

– А если нет? Если ты знаешь, что человек уйдет в любом случае, и ты бессилен это изменить?

– Тогда появляется веский повод больше говорить о том, как ты этого человека любишь. Извиниться, если есть за что. И беречь его. Знаешь, сынок, мы все это постоянно откладываем на потом. Потом попрошу прощения. Потом скажу, что люблю. Потом, потом... А потом уже и нет человека, понимаешь? У меня очень давно был друг, Агат... Я успел наговорить ему массу неприятного. Но мало того, что он действительно заслужил. Я думал, что у нас впереди долгие годы дружбы и все успеется. А он спас мне жизнь, пожертвовав своей. Если бы знать заранее, когда уходят дорогие сердцу люди!

– Что бы ты тогда сделал?

– Окружил бы их теплом и заботой, закутал в них, как в вату, берег бы. И каждый день, который подарен жизнью близкому человеку, напоминал бы, как он мне дорог.

– Но ты же так и делаешь!

Это правда: отец никогда не стеснялся говорить маме и нам, как он нас всех любит. И он действительно бережет нас от всего на свете. А если вдруг случится какая-то размолвка с кем-то из семьи, папа никогда не ляжет спать не примирившись с ним.

– Этому меня как раз и научил Агат. Озарение покупается слишком большой ценой – ценой утраты. Я сожалею о том, что не успел сказать другу, как он мне дорог. И делаю все,

чтобы таких сожалений было как можно меньше. По сути, зная, когда уйдет твой близкий, ты успеешь подарить ему радость, попросить прощения и попрощаться. Да, для этого я хотел бы знать, когда придется проститься с любимыми.

Я задумчиво смотрел на отца. Может, рассказать ему?

«Не смей!» – прозвучал в моих мыслях голос Томаса. Он уже и днем ко мне подключается?

«Как ты пробрался в мои мысли?! И почему я не могу сказать отцу то, что он должен знать?»

«Я теперь всегда буду присматривать за тобой. Пока не минует опасность, хочешь ты этого или нет. А Иксиону говорить нельзя потому, что он непременно попытается спасти Елену вопреки всему. В результате либо произойдет то, что я тебе показал... Либо твой отец будет наказан мирозданием. Ты ведь не хочешь стать круглым сиротой?»

Я в ужасе покачал головой, не сомневаясь в том, что Томас меня видит. Во всяком случае, если он пасется в моих мыслях, то это решение наверняка в них прочитал. Но я не хочу, чтобы он знал обо всем, что я думаю.

«Уйди из моей головы!»

«Нет, мальчик. Ты подорвал мое доверие. Теперь я буду следить за тобой ради всеобщего блага.»

Нахмурившись, я дал себе слово, что разберусь с наглцом, когда он в очередной раз проберется в мой сон. А пока что надо сделать видимость того, что все в порядке. А то уже и папа на меня удивленно смотрит.

К счастью, объяснять отцу ничего не пришлось. Мама высунулась в окно, и позвала нас к столу. Она уже вполне пришла в себя после вчерашнего происшествия. Но мы все равно запретили ей лишний раз утруждаться. Мама, правда, заметила, что и раньше не слишком уставала на ниве домашнего хозяйства, так как у нее три замечательных помощника: дети и муж. Однако спорить с нами не стала. Она понимала, как нас напугало это происшествие. Хотя сама, кажется, не восприняла его всерьез.

За обедом я снова молчал, хотя такое поведение раньше мне свойственно не было. Но теперь я действительно изменился – раз уже папа это заметил. Смерть еще не подошла так близко, как собирается, но моя жизнь уже разделилась на до и после. До – это все счастливые годы, вся жизнь, которая была прежде чем Томас подтвердил, что агат говорит правду. После – то, что теперь. Некоторое время, в течение которого мама будет бороться с болезнью. И долгие тягостные годы после того, как она проиграет.

После обеда я ушел в комнату и там лег на кровать, уставился в потолок. Внутри было как-то пусто, и очень хотелось плакать. Я боялся признаться самому себе, но кажется, Томас добился того, чего хочет. Я не хочу и не могу представить жизнь без мамы, даже несмотря на то, что этот садист показал мне, как будут развиваться события дальше.

Но я не могу ничего сделать, чтобы исправить ситуацию. А каждое мое действие будет вредить кому-то из близких.

Маме, папе, брату, сестре, кузенам, другим родственникам, всем дорогим людям. Все они одинаково важны и любимы для меня. Но я никого не могу приносить в жертву ради мамы. И ее ради всех не могу принести в жертву! Впрочем, меня никто и не спрашивает. Мир уже решил, как ему будет лучше.

Чертов агат! Лучше бы я вовсе не брал его в руки и не видел всего, что случится, не познакомился бы с Томасом. Просто жил бы счастливо, радовался и любил маму, пусть и не зная, что случится дальше. Это знание, словно отравы, лишает каждый день радости и беззаботности. Той самой беззаботности, которая, если верить взрослым, лишь нам, детям, и свойственна.

Едва я подумал об агате, как снова ощутил тоску по нем. Нет, ни за что его в руки не возьму!

«Я бы на твоём месте не был так категоричен.» – снова прорезался Томас. – «С ним тебе будет легче.»

«Пошел ты.» – совершенно невежливо ответил я ему. Но не раскаялся и, судя по тому, что мужчина не стал меня воспитывать, я имел на это право.

– Оксидент? – постучавшись, в комнату заглянул отец. – Тебе нездоровится?

– Нет, пап. – я постарался придать голосу нейтральный оттенок. – Просто спать хочу.

– Отдохни, сынок. Нам всем это нужно. Но прежде я сообщу тебе радостную новость: Саша пошла на поправку, а

Майкл уже почти оклемался. С понедельника идет в школу, и кажется, не слишком этому рад.

Я изобразил улыбку, и порадовался вместе с папой, насколько хватило у меня актерских способностей. А когда он вышел, уткнулся носом в стенку и тихо заплакал. Кажется, Вселенная оставила моих близких в покое. Лишь после того, как я отказался от борьбы. После того как я предал маму.

Глава шестнадцатая.

Знакомый незнакомец

Когда я принял, уверен, самое тяжелое решение в своей жизни, все пошло на лад. Майкл совершенно выздоровел после того, как попал под лед. Быстро поправилась и Александра. Мама даже шутить начала по этому поводу.

– Нашей Саше просто противопоказана мирная жизнь! – восклицала она. – В покое она даже выздороветь не может. А я ей подкинула повод для стресса, вот наша героиня и пошла на поправку.

– Да, дорогая, ты нас всех, кхм, взбодрила. – вздрагивал отец. – Только давай ты больше не будешь устраивать такую шоковую терапию?

Мама в ответ улыбалась, а я едва мог скрыть слезы. Ведь я же знаю, что скоро мамины недомогания станут для нас нормой. И помню, как выглядел отец в день, когда мы попрощаемся с мамой. Просто невозможно осознать, что все это случится, и довольно скоро. А я бессилен что-либо изменить.

Томас после того, как я отказался от борьбы, стал со мной необычайно ласков. Он добился своего, но спасибо ему за то, что хотя бы не показывал своего ликования – это раздавило бы меня окончательно. Мужчина, напротив, пытался меня поддержать. Я его ненавидел, однако лишь ему мог открыто

все высказывать. Ведь он единственный, кто знал о том, что произойдет: никому другому я рассказать об этом не мог. Так что я в нем нуждался, ведь держать все в себе просто невозможно!

Впрочем, и мой камень, к которому я все-таки вернулся, помогал. Он больше не показывал мне видений о маме, да и вообще будущее не демонстрировал, за что я был ему признателен. Но когда я брал его в руки, мне становилось легче. Как и после того, как выскажу Томасу все, что накипело. Странно, но он никогда не принимался меня воспитывать, хотя ему от меня часто доставалось. Постепенно я даже привык к тому, что он всегда меня мониторит, и уже не возмущался тем, что мужчина подслушивает. Правда, поначалу было странно, что Даниил не засекает его в моих мыслях.

Однако Томас объяснил, что наша связь строится по другому принципу телепатии. Да и камни оберегают нас даже от самого крутого телепата во Вселенной. А еще он сказал, что никуда не исчезнет, пока не случится самое страшное.

– Я не то, что не доверяю тебе, малыш. – сказал он, когда мы во сне гуляли по погибшей планете Садроди – бывшей родине моего народа². – Но ты ребенок, почти подросток. Тебе свойственны внезапные поступки и неадекватные реакции. Не обижайся.

– Угу.

– Может, я останусь и потом. Тебе потребуется моя под-

² Качели времени. Обилие времен

держка.

– Посмотрим.

Я не искал этого общения. Но со временем оно стало мне просто необходимо. А еще я выпытал у Томаса, что отец будет жить долго-долго. Я боялся, что он уйдет вскоре за мамой.

– Нет, милый. Вселенная справедлива, и не отбирает у человека все и сразу.

– Да. Только выбивает землю из-под ног, но оставляет небо над поверженной головой.

В ответ он только покачал головой, и постарался отвлечь меня прогулкой по чужой планете. Мы теперь часто гуляли. Не наяву – родители бы явно заинтересовались, что за мужик возле меня околачивается. Но во сне Томас приходил ко мне, и показывал иные миры, которые я бы в жизни не увидел. Поначалу я удивлялся, как это он переносит мое сознание на другие планеты. Но оказалось, мужчина просто демонстрировал мне свои воспоминания о путешествиях, которые он предпринял. По его словам, это проще, чем переноситься сознанием на другие планеты или создавать их иллюзию. Прогулки по воспоминаниям может устроить даже тот, кто не обладает особыми навыками телепатии. Достаточно просто иметь под рукой такие камни, как у нас.

Для меня до сих пор было загадкой, почему из миллиардов и биллиардов людей минералы выбрали именно нас. Но Томас объяснял, что такова судьба. Значит, нам надо было

встретиться, и он должен был помочь мне. Хотя я до сих пор сомневался в том, что его помощь окажется мне полезной, а не навредит. Но избавиться от него не смог, поэтому пришлось смириться. Тем более, мужчина больше не угрожал, не пугал, и вообще относился ко мне очень бережно.

Так продолжалось вплоть до сегодняшнего дня. Поскольку снова был выходной, я отправился на прогулку. Теперь я часто гуляю в свободное время. Это помогает хотя бы немного отвлечься от того, что случится потом. Сейчас я возился у озера, почти заросшего камышом и осокой. Тут у меня было свое место. Небольшой плот возле самой воды, неизвестно кем брошенный, я обустроил в силу своих возможностей: сделал шалаш из камыша, притащил из дома старый тюфяк. И мог часами тут лежать, наблюдая за тем, как по небу плывут облака, или у плота в воде резвятся мальки. Спокойные занятия не требовали от меня ничего, кроме времени, и здорово отвлекали.

Вообще раньше у меня было другое место. Старая и заброшенная конюшня, на которой когда-то работала мама. Я тогда был совсем малышом, и она брала меня с собой. Там случились самые радостные моменты в жизни. Но сейчас я физически не мог прийти туда, где был так счастлив.

Поэтому теперь часто сидел у воды. Течение завораживало, и я совершенно обо всем забыл. Даже стало в сон тянуть. Главное сейчас в озеро не упасть. Лучше доползу до шалаша, и подремлю там некоторое время, пока не...

– Оксидент! – прямо из камышей выскочил взъерошенный Томас.

Я и правда едва не упал в озеро, и от того разозлился.

– Томас! Какого мацтикона тебе тут надо?!

– Оксидент! – мужчина, кажется, меня и не слышал. – Тебе надо срочно убраться отсюда.

Только сейчас я обратил внимание на то, в каком он виде. Обычно опрятный до педантизма, с прической волосок к волоску, сейчас Том выглядел так, будто и сам упал, но даже не в озеро, а в какое-нибудь болото. Как жаль, что он там и не остался! Черные брюки намокли, а туфли и вовсе покрыл слой грязи. На черной рубашке репы и другие цепляющиеся растения, а волосы на голове будто стоят дыбом.

– Что с тобой случилось? – удивился я.

– Это неважно. Уходи отсюда и быстро.

– Что еще за срочность?

– Сейчас тут появится мужик... Он опасен для тебя и для твоей семьи. Уноси ноги, пока он тебя не заметил!

Хотел я было возразить, что единственный опасный мужик в радиусе десяти километров – это он сам. Но не стал. В конце концов, в последнее время Том действительно заботился обо мне. Наверное, и правда стоит его послушаться.

Я встал, и пошел прочь от озера, а Томас последовал за мной. Но едва мы выбрались на полянку неподалеку, как раздался какой-то странный звук, и прямо передо мной упало тело. Я пригляделся – какой-то совершенно неизвестный

мне мужчина. Откуда он взялся? Незнакомец всхлипнул и закатил глаза. Томас выругался, и склонился над ним.

– Уходи, мальчик. – велел он мне, и поднял над лицом мужчины руку с бусиной.

Не зная, что он собирается делать, я на всякий случай его оттолкнул. Этого Том явно не ожидал. Он упал в траву и недоуменно воззрился на меня.

– Оксинт, ты обалдел?!

– Я не дам тебе причинить вред человеку!

– Да не собирался я...

– Угу. Я поверил. Уходи, а я позову на помощь.

– Иди, и позови кого-то по пути.

– Нет, я вызову отца.

– Этого нельзя делать. Я же сказал, что он для вас опасен.

– А я тебе опять поверил. Нет, я не оставлю человека без помощи. Сейчас он явно не опаснее улитки, а потом папа разберется.

С этими словами я потянулся к арновуду. Томас попытался сорвать его у меня с запястья. Это меня взбесило до глубины души.

– Уйди! – заорал я на него, и взмахнул рукой.

Тут произошло что-то странное: мужчину вдруг откинуло метров на пять. Я удивленно заморгал, а он поморщился, и стал подниматься. Тут незнакомец рядом со мной издал странный звук, и будто бы стал задыхаться. Я с перепугу вылил на него воды из фляги, которая у меня всегда с собой, и

это подействовало. Парень вдруг открыл глаза, и уставился на меня. Я же позвонил отцу, и быстро рассказал, что нашел человека, которому нужна помощь. Папа запеленговал мои координаты и обещал скоро быть. Томас, который попытался подойти ко мне, передумал, когда я стал разговаривать с отцом.

– Потом побеседуем! – крикнул он мне, и исчез.

Я же перевел взгляд на мужчину.

– Потерпи. Сейчас придут на помощь. – сказал я ему.

Он кивнул, и облизал губы. Только сейчас я обратил внимание на то, как ужасно он выглядит. Серая кожа, затуманенные глаза с полопавшимися капиллярами, волосы висят безжизненными веревками. И пересохшие, потрескавшиеся губы. Я, поддерживая его голову, напоил незнакомца, а он благодарно посмотрел на меня.

Только тут я задумался: а чем он может быть для моей семьи опасен? Ой, может, его неважный внешний вид – это следствие какой-то лихорадки? И он нас всех заразит, или заразит маму, в результате чего все и случится? Хотя нет, Томас бы тогда наоборот изо всех сил и даже пинками погнал меня спасать этого парня. Ведь он хочет, чтобы все так и шло. А может, незнакомец напротив может маму спасти? Я уставился на него во все глаза. Нет, его самого спасать надо.

Однако Томас обо мне какого мнения! Он и правда считал, что я оставлю человека в таком состоянии без помощи? Хотя он же не предполагал, что мы с ним встретимся. Кста-

ти, откуда упал этот пришелец? Что с ним хотел сделать мой знакомый? Одни вопросы и никаких ответов! Пусть только Том попозже явится, я ему устрою допрос с пристрастием!

– Оксинт! – раздался неподалеку голос папы.

– Я тут! – откликнулся я.

Мужчина вдруг свистнул, и я с удивлением на него глянул. А это вообще человек? Может, это какая-то инопланетная форма жизни, которая попытается захватить нашу планету, и Томас хотел защитить нас от него? Хотя нет, тогда бы он аргументированно объяснил мне, в чем дело. Правда, я бы вряд ли в это поверил. Никогда ранее не слышал, чтобы негуманоидные существа пытались захватить планеты, на которых живут люди – им наши условия не подходят. Поэтому подобные истории я только в земном кино наблюдал. Но в любом случае, тогда бы Том мог сформулировать, в чем заключается опасность. А он этого не сделал. Поэтому я считаю, что поступил правильно. Главное сейчас папе сказать, чтобы этого пришельца на заразу всякую проверили. Ну и на происхождение. Вдруг это и правда какой-нибудь паразит в оболочке человека... Мало ли что случается!

Тут в кустах кто-то зашелестел, на поляну выскочил папа, и ошарашенно уставился на мужчину.

– Евгений?! – воскликнул он.

Я только хлопал глазами. Получается, это папин знакомый? Ну во всяком случае, отец его откуда-то знает.

Мужчина по имени Евгений в ответ широко распахнул

глаза, лицо его исказила гримаса, похожая на радостную улыбку.

– Иксион! – выдохнул он и лишился сознания. Не иначе как от переизбытка чувств.

– Вы знакомы? – проямлил я, хотя вопрос был явно лишним.

– Да, сын. Евгений когда-то спас мне жизнь. Это же, кстати, наш потомок, брат тети Саша и одновременно с этим твой дядя. Помнишь вредного Евгешу?

После услышанного я едва не составил компанию старому-новому родственнику. Такое ощущение, что это не он приземлился к нам на Эдем неизвестно откуда. А мы все вместе вдруг переместились на Землю, примерно в район Индии!

Глава семнадцатая.

Старый-новый дядя

Пока папа с приятелями, которых он захватил по пути, транспортировал дядюшку в больницу при помощи одау, я спешно вспоминал семейную историю. Действительно, у тети Александры есть старший брат. Очень неприятный тип, но, к счастью, видеться с ним приходится нечасто. Только на некоторых семейных торжествах. Да и он никогда не имеет дело с малявками вроде меня и сестры. Хотя с Майклом вроде общается неплохо.

Сама Саша не слишком жалуется своего брата. Правда, при нас, детях, она это не демонстрирует. Но я же уже рассказал, что люблю греть уши во время взрослых застольных разговоров? Так вот, Александра считает брата не слишком умным и деликатным персонажем, и ни за что никогда не посвятит его в тайну путешествий во времени, чтобы он нас всех под монастырь не подвел. Это ее слова. Сам же дядюшка и выглядит отталкивающе, и ведет себя соответственно. Он смотрит на всех свысока, а если побеседуешь с ним, потом хочется душ принять или хотя бы руки помыть. Хотя вроде ничего такого не говорит, но словно издевается в каждом слове.

А выглядит он гораздо старше своего возраста. Жене еще нет пятидесяти, однако залысины, морщины на лбу, вечно

опущенные уголки губ и подозрительный взгляд добавляют ему лет. Стоп! От неожиданности я даже остановился. Ведь парню, которого отец бережно везет в больницу, лет так на двадцать поменьше, чем Евгению!

– Оксинт? – отец удивленно глянул на меня.

– Папа, а это точно дядя Евгеша? Он же почти в два раза себя моложе!

– Тут дело в одном временном казусе. – улыбнулся отец. – Видишь ли, когда мы с ним познакомились, я был в твоём возрасте. А он – в том же, что и сейчас. Это случилось четверть века назад.

Я озабоченно глянул на него. Может, пришелец действительно заразен, и папа уже начинает бредить? Какой кошмар! Надо срочно позвать Даниила, чтобы он изолировал отца, да и меня заодно, и оперативно всех вылечил.

Но следующие слова меня успокоили. Оказывается папа и Евгений волей судеб попали в пространство без времени. После этого жизнь главного агронома Эдема пошла своим чередом, а вот у Жени началось новое развитие его существования. Все потому, что выкрали их из уже существующей истории. И поэтому я сейчас вспоминаю предыдущую версию жизни Евгеша. Новая его судьба еще неизвестна, потому что она творится непосредственно в данный момент.

– Тогда он удрал из вневременности неизвестно куда. – вспоминал сейчас отец. – Может, кстати, и сюда. Это для меня прошло двадцать пять лет, а он, может быть, только се-

кунду назад был в пространстве без времени.

– В таком случае он бы тебя не узнал. – возразил я. – Десять лет и тридцать пять – это все-таки большая разница и человек сильно меняется.

Отец пожал плечами, улыбнулся, и потрепал меня по волосам. Мы уже пришли в больницу, и он отправился с Женей в кабинет. Я же пошел к питьевому фонтанчику, а то уже горло пересохло. Пить из фляги, к которой прикасался парень, я пока опасался. Пусть сначала его проверят на наличие всякой заразы. А флягу я лучше помою. На всякий случай.

Ближайший питьевой фонтанчик почему-то не работал, поэтому я ушел в другое крыло больницы. И едва я попил, как рядом со мной тут же возник Томас.

– Ты обалдел? – возмутился я. – Между прочим, тут папа неподалеку. Сейчас он тебе накостыляет.

– Оксинт! – мужчина меня снова не услышал. – Ты поступил очень и очень плохо.

– Я не мог оставить человека в беде.

– Я бы позвал на помощь.

– Мне сложно в это поверить. Да и какая от него опасность...

– Я объясню позже. Вечером, когда все лягут спать, вылезь через окно из своей комнаты и иди к деревьям. Там поговорим.

– Мне, по-твоему, больше делать нечего?

– Ты же хочешь узнать, какую опасность представляет этот человек? А сейчас, чтобы не усугублять ситуацию, к которой ты нас подвел, настаивай на том, чтобы парня оставили в больнице. Ни в коем случае не соглашайся, чтобы его отравили к вам домой, слышишь? Ему, кстати, самому лучше будет под медицинским наблюдением.

Не успел я ничего ответить, как он испарился. И то хорошо. Но очень интересно, как же я настою на том, чтобы Евгеша остался в больнице? Думаю, папа меня и не спросит. А еще мне категорически не нравится эта вечерняя прогулка под деревьями. Я вообще-то ребенок, мне ночью спать надо, а не шляться с сомнительными личностями в темноте!

Кипя праведным негодованием, я вернулся обратно и наткнулся на отца. Тот разговаривал с мамой по арновуду.

– Милая, приготовьте с Александрой гостевую. – говорил он. – Мы заберем Евгения и сразу домой.

Я подождал, пока папа закончит разговор, и глянул на него.

– Ты хочешь забрать дядю к нам? – отец кивнул, и я честно предпринял попытку сделать то, что сказал Томас. – Но ему же наверное лучше будет в больнице, под присмотром?

– Врачи уже провели все необходимые обследования, процедуры. Теперь Жене нужен только покой и немного постельного режима. Так что дома ему будет даже лучше.

Я пожал плечами. Как и думал, мое мнение в этом случае мало что значит. Да и в целом я был солидарен с папой. За-

чем держать в больнице человека, который не нуждается в лечении? Чтобы он напрасно занимал место того, кому действительно понадобится помощь? В опасность Евгеша, который по-прежнему находился без сознания, я все еще не верил.

Домой мы поехали на медицинском автомобиле. Вообще машины у нас используются редко, и их у обычных людей просто нет. Нам не понять землян в этом смысле. Зачем машины, если есть одау? Только в таких случаях, как сейчас, мы используем автомобили. А вот у дяди Саши две машины. Но у них одау нет, да и в сибирском климате на них летать холодно. Так что приходится использовать то, что есть, и к чему привыкли люди в двадцать первом веке на Земле, чтобы не выделяться.

Отец, пока мы ехали, разглагольствовал о том, как удивительно складывается жизнь. Сначала Евгений спас его, когда папе было десять лет. Теперь я, находясь в том же возрасте, спас Женю. Удивительное совпадение!

– А от чего он тебя спас, папа?

– Я обязательно расскажу, когда ты станешь немного старше. Но агат, который тебе так понравился, у меня появился после того случая. Это память о еще одном моем друге, которого звали так же.

Я нащупал камень в кармане. Значит, было какое-то приключение, в котором участвовали папа, Евгеша и Агат. По-

следнего я никогда не видел, но отец с такой грустью о нем вспоминал, что становилось понятно: этот парень Наверное уже в лучшем из миров – наверняка это тот самый, про которого отец недавно говорил, когда смотрел на звезды. Значит, Евгений Наверняка спас папу от смертельной опасности. И чем же он тогда опасен для нас? Темнит Томас, ох темнит!

Дома отец оставил Женю в гостевой комнате, а сам нас покинул, сказав, что вернется к вечеру. Ему надо было появиться на работе, откуда я его спешно выдернул, когда дядюшка свалился мне едва ли не на голову. Я вызвался посидеть с парнем, вдруг он очнется. На самом деле я боялся, что на него может напасть Томас.

Мама с Александрой тоже задержались у гамака, где лежал наш больной.

– Бедняга. – сказала мама, подтыкая гостью одеяло. – Как его так угораздило?

– А он симпатичный. – невпопад заявила сестренка.

Я недоуменно воззрился на нее. Никогда не мог понять, что у этих девчонок в голове творится. Да, кожа Евгеша уже не серая. Она мертвенно-белая, и следы от лопнувших капилляров никуда не делись, даже стали еще заметнее. Еще губы и кожа под глазами просто черные. Выглядел парень ужасно, так что симпатичным его назвать удавалось с большим трудом.

Однако я не стал спрашивать, почему Александра посчитала дядю Женю симпатичным. И она пояснять не стала, а

просто вышла из комнаты вместе с мамой. Я же достал камень и стал рассматривать его. Как ни странно, это занятие меня по-прежнему успокаивало, несмотря ни на что. Не знаю, сколько я так просидел, но наш гость вдруг стал подавать признаки жизни.

– Привет. – внезапно сказал он.

Я вздрогнул от неожиданности, и выскочил из комнаты, чтобы позвать отца. Он как раз пришел, и сразу примчался на мой зов. Пока они разговаривали, я топтался в коридоре. Но вот папа позвал меня, представил, и дядя глянул на меня с благодарностью.

– Спасибо тебе! – сказал он.

Да, сейчас Женя совершенно другой. Тот, которого знаю и помню я, кажется, и добрых слов не знает. И уж тем более не говорит их так, от всего сердца. Хотя по сути за что он меня благодарит? Я почувствовал, как краска приливает к лицу.

– Да я не сделал ничего особенного. – возразил я ему.

Но отец ответил, что я спас жизнь его другу, как он ему когда-то. Тут уже пришла очередь Евгешки заявлять, что он тоже ничего такого не делал. Какие мы все, однако, скромные. Кстати, вот еще одно отличие от прежнего Евгешки. Тот никогда не отрицал своих успехов. И даже если они были минимальными, нахваливал себя как мог. Этот же явно считал, что не заслужил тех слов, которые о нем сказал папа. К счастью, в спор взрослые ввязываться не стали. Вместо этого мы с отцом удалились, дав нашему гостю возможность от-

дохнуть. Я понадеялся, что Томас не придет к нему и не навредит Жене. Он же хочет, чтобы я более-менее ему доверял? Значит, не будет подрывать это, такое хрупкое, доверие. Надеюсь, мои мысли он услышал.

Евгений больше не приходил в себя – он крепко спал. Я заглянул к нему пару раз, убедиться, что все в порядке. А когда стемнело, решил, что пора идти к Томасу. Вообще он сказал, чтобы я пришел позднее, когда все лягут спать. Но я тоже захочу поскорее оказаться в кровати, и мне будет не до разговоров. Да и кто он такой, чтобы диктовать мне распорядок дня?

Конечно, существует немалая вероятность того, что он сам еще не пришел. Но я в упор не могу представить, чем еще мужчина может заняться на нашей планете, кроме того как околачиваться возле моего дома. Тем более теперь, когда тут появился опасный, по его словам, элемент. Наверняка в кустах сидит! А если нет – я его мысленно позову. После нескольких тренировок с Томасом я научился это делать.

Так что я удалился в свою комнату и сказал, что немного почитаю. А вместо этого вылез в окно, и направился к деревьям, которые растут у нашего дома. Наша планета вообще больше напоминает лес, и деревья тут не редкость. Вот и возле дома они стоят, вместо забора, а их листва скрывает нас от соседей.

Итак, чем же для нас опасен Евгений? Старый-новый дядя произвел на меня очень благоприятное впечатление, не то,

что прежний. Поэтому мне кажется, Томас все выдумывает. Наверняка ему на ум пришла какая-то очередная гадость, которую он теперь пытается воплотить в жизнь. Но это у него не получится! Я не позволю больше над собой издеваться.

Глава восемнадцатая.

Репродуктивные особенности дроди

Оказавшись среди деревьев, я покрутил головой. Где же Том? И тут же, в ответ на свой невысказанный вопрос, услышал его голос. Я поспешил на звук, и по пути понял, что он с кем-то разговаривает. Кто это с ним? Кажется, я правильно сделал, что пришел пораньше. Надо затаиться и послушать, с кем он там говорит. Что же, у него сегодня тут место для важных свиданий? Главное теперь не вспугнуть его и его собеседника.

Мой дед Антей, как и дядя Саша, принадлежит к касте воинов, и умеет ходить совершенно бесшумно. Этому он обучил и Иксиона – моего отца. А также своих внуков, меня и Майкла. Так что, когда нужно, я умею быть совершенно незаметным. И вот надо же, это умение мне пригодилось.

Внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить на какие-нибудь хрустящие ветки, я приблизился к полянке, на которой и находился Томас. Был он тут в гордом одиночестве, но разговора не прекращал. Наверное его собеседник, как и я, притаился в каком-нибудь кустарнике.

– Я не могу его контролировать! – воскликнул тем временем мужчина. – Мальчишка не поддается моим увещевани-

ям.

Хм. Мальчишка – это, конечно же, я. И да, контролировать я себя не позволю. Я человек, а не кукла какая-то.

– Но он все портит! Еще и Евгения принесло. Вместе они точно сделают то, что будем расхлебывать все мы.

Так, и Женя что-то натворит? А почему, интересно мне знать, молчит невидимый собеседник Тома?

– Я пытался! – он снова подал реплику. – Но я мало что могу. Помогите мне с ним справиться!

Стоп. Так все-таки ему отвечают? Ой, точно! Как же я сразу не догадался... Наверняка Томас сейчас беседует с телепатом, и потому я не слышу ответы последнего. Но зачем он тогда разорался? Можно же мысленно отвечать.

– Мне без тебя его не укротить!

Тут я возмутился. Что я, цирковой лев, что ли? А Томас, тем временем, сел на пенек и вдруг... Расплакался, как маленький ребенок! Удивительно! Что же такого сказал ему его собеседник? Впрочем, сейчас я все узнаю. С этими мыслями я со всей силы наступил на сухую ветку, которая так кстати лежала рядом.

– Кто здесь?! – Томас вскочил на ноги.

– Вообще-то я. – напомнил я о себе, вылезая из кустов. – Или ты еще кого-то ждешь?

Мужчина моментально взял себя в руки, и по его, как всегда чуть надменному лицу, невозможно было предположить, что только что он плакал.

– Нет, конечно. Но и тебя не ждал так рано. Я же сказал приходить, когда все лягут спать, а...

– А у меня есть и другие дела, кроме как прибегать по твоему первому зову. С кем ты разговаривал?

– Когда?

– Только что. И не отрицай! Я слышал, что ты с кем-то говорил.

– Что ты слышал?

Том снова изменился в лице, и не в лучшую сторону. Поэтому я решил не говорить всю правду. И на всякий случай заблокировал мысли в этот момент. Такому фокусу меня тоже учили – но уже Даниил. Спасибо ему за это.

– Что ты кого-то укрощаешь. Ты что, дрессировщик?

Вопрос, конечно, носил издевательский характер, но я постарался посмотреть на этого негодяя максимально невинно и наивно. Кажется, сработало. Лицо мужчины разгладилось, он успокоился.

– Нет, малыш, я не дрессировщик. А говорил я со своей бусиной.

Тут уже я наверняка изменился в лице и уставился на него с опаской. С первой нашей встречи я подозреваю Томаса в том, что он слетел с катушек. И, кажется, мои сомнения имеют вполне реальную почву. С бусинкой он говорил! С неживой природой! Причем самое страшное – она ему явно отвечала.

Мысли я по-прежнему блокировал, но выражение моего

лица звучало красноречивее слов. Том без труда понял, о чем я думаю, и улыбнулся.

– Нет, мальчик мой. Я не сошел с ума. Во всяком случае, не до такой степени, чтобы ждать ответа от того, кто этот ответ дать не может. Но я же говорил тебе, что камни мыслят.

– Угу.

– А раз они мыслят, и если находят своего человека, то могут и общаться с ним. Этакий внутренний голос, что-то вроде интуиции, но не твоей собственной, а твоего камня. Не зря некоторые люди используют амулеты, когда принимают важные решения. Если талисман человеку подходит, то и решение будет верным. Со временем, когда твоя связь с камнем станет более крепкой, ты и сам это ощутишь.

Вот уж дудки! Не хватало еще, чтобы я тоже вел с агатом философские беседы, а он мне отвечал! Если это случится, надо сразу попросить родителей, чтобы отправили меня к психиатру. Точнее, попросить отца. Никак не могу привыкнуть к мысли о том, что мамы не станет... А разве можно к такому привыкнуть?

Томас окликнул меня, а я разозлился на него. Это по его вине я сейчас должен думать о том, какая ужасная участь постигнет самого близкого мне человека!

– Почему днем ты так далеко от меня отлетел? Это я тебя... Послал?

Своим вопросом я надеялся его разозлить. Наверняка взрослому мужику неприятно вспоминать, что его одолел де-

сятилетка. Пусть и каким-то непонятным мне самому образом. Но увы – Томас не разозлился, а отнесся к моему вопросу спокойно.

– Да. Камень увеличивает твои силы, и это нормально.

– Какие силы? У меня же их нет.

В ответ мужчина начал небольшую лекцию. По его словам выходит так, что у меня есть определенные способности, но находятся они в зачаточном состоянии. Так получилось из-за родителей. Вообще, чем больше отец и мать любят и ждут свое дитя, тем более оно развито в энергетическом смысле. Но в моем случае в законы природы вмешались законы химии.

Когда-то давно, еще когда Даниил и Дания жили на Власте, они поставили себе вакцину, ограничивающую рождаемость. С тех пор в нашем роду не появлялось больше двух детей у одной семьи, за очень редким исключением. И когда случались такие исключения, подмечалась одна любопытная деталь.

Старший ребенок, как правило, ничем не выделялся и сила ему доставалась в полном объеме. А вот силы среднего и младшего словно делились на двоих. Причем любопытно было то, что средний ребенок сразу получал меньше энергии, даже если в планах родителя пока что не значился третий малыш. То ли эти ресурсы заранее знали, что так получится и потому распределялись подобным образом. То ли все и правда предопределено и для каждого из нас мирозда-

ние прописало свой собственный сценарий, менять который мы можем только в мелочах...

Впрочем, я отвлекся. Как бы то ни было, факт остается фактом: сила младших детей была меньше, чем старшего, первенца. Обычно распределялась она по убывающей. Так происходило порой и в тех семьях, где никто не ставил вакцину от заек и лужаек.

– Об этом в земном фольклоре даже осталась своеобразная память. – улыбнулся Томас. – Помнишь самое начало «Конька-Горбунка»?

– «Было у отца три сына: старший умный был детина, средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак». – процитировал я. – Но Томас, не сходится. Моя сестра и правда обладает большой силой. Но и у малыша тоже хорошие способности, в отличие от меня. А я средний. И что же получается, я дурак?!

– Нет, милый, конечно нет. Речь не про ум, а про уровень силы. И не обязательно младшему достается меньше всех. Хотя да, это случается чаще.

– А от чего возникают такие исключения вообще? Ведь прививка должна хорошо работать!

Томас кивнул. Вакцина действительно должна работать без сбоев. Ведь в ее создании принимал участие не кто-то, а Геден – наш далекий предок. Когда-то он создал мацтиконов, и потому такое родство для нас гордостью не является. Так всегда говорит папа. Но в том, что Геден был настоя-

щим гением в области генетики никому из нас сомневаться не приходится.

И то, что вакцина, ограничивающая рождаемость, работала – это в немалой степени его заслуга. Даниил впоследствии, чтобы помочь нибирийцам стать самой продвинутой расой во вселенной, поделился с ними не только собственными наработками, но и трудами своего тестя. Ученые Нибиру впоследствии доработали формулу вакцины и сделали ее более действенной. Но все же есть факторы, которые они не учли.

Например, межпланетные браки. Это редкость, но все же они случаются. Все мы гуманоидные формы жизни, однако репродуктивная система у наших соседей по вселенной может иметь некоторые отличия – как и весь остальной организм. Это и «ломает» вакцину, в результате чего появляются многодетные семьи. Некоторые из инопланетян к тому же не вакцинированы вовсе.

Например, эдемчане сравнительно недавно стали прививаться, чтобы ограничить рождаемость и не докатиться до перенаселения своей второй планеты. Потому что хорошо понимают: новую им вряд ли кто-то выдаст. Но это новшество для нас. Мама еще не вакцинировалась, а нам, ее детям, это уже предстоит.

К тому же Томас заявил, что эдемчане не только сильные маги. У них и репродуктивная система весьма сильна. Поэтому для нас была разработана особая вакцина. Нибирий-

да и землянина она и вовсе могла бы лишиться способности к воспроизведению себе подобных. А у нас прививка ее только ослабит.

– Если бы твой отец женился на ком-то из своих, на Земле, у него было бы двое детей максимум. Но твоя мать – дроди. Поэтому они смогли родить трех детей.

– Я понял тебя. Но как же быть с энергией? Я читал труды Даниила и знаю, что энергия – это наш бензин. Что же получается? Я скоро умру, если ее у меня мало?

– О, вовсе нет.

По правде говоря, в трудах Дана я мало что понял, но Том растолковал мне их достаточно подробно. Дело в том, что у энергии имеются свои законы. Так, например, если ее слишком мало для жизни – она и не собирается в существо, которое планирует появиться на свет. Это просто бессмысленно.

– Энергии у того, кто уже появился на свет, никогда не бывает слишком мало для жизни, Оксинт. Тем более, со времен властян никто не использует ее так активно для повседневных дел, а потому и не укорачивает свои годы. Твоей энергии мало для развития тех крох способностей, которые у тебя имеются, но не для жизни.

– И как же быть?

– Вообще-то никак. Тем, кто подобно тебе, рождался с таким небольшим запасом энергии, приходилось учиться жить без каких-то там особых способностей. Ничего другого им не оставалось. Это неприятно, но не смертельно. Жить таким

людям сложнее, правда, не в любом обществе. Например, на Земле они ничем от остальных не отличаются. Вот на твоей планете, где каждый первый прекрасно развит энергетически, жить без силы уже не так легко и приятно. Однако тебе повезло немного больше, чем остальным.

– Это почему же? – поинтересовался я, заранее подозревая, что мне везение покажется сомнительным.

– Потому что у тебя есть твой агат. – подтвердил мои опасения мужчина.

Глава девятнадцатая.

Нечаянная любовь

– Я порой ненавижу этот камень.

– Напрасно, Оксинт. Это твой защитник и амулет. А еще – усилитель твоих способностей.

Я хмыкнул. Усилитель, надо же. В первый раз в жизни почувствовал себя музыкальным инструментом!

– Принцип действия немного отличается. – прочитал мои мысли Том. – Если мы говорим о гитаре, то твой камень, скорее, струны. Есть корпус, есть гриф. Но без струн ты вряд ли что-то сыграешь.

– Я тебя не понял, но ты продолжай.

Итак, даже если способности, как у меня, находятся в зачаточном состоянии, их можно развить. Если есть энергия в нужном объеме. Если же ее нет – наши камни действительно выполняют роль усилителей. Они как бы питают нас собственной энергией, позволяя развивать заложенный в нас потенциал.

В моем случае агат прежде всего помог развиться ясновидению.

– Постой, что? Я думал, минерал мне это все и показывает.

– Это всего лишь камень, а не телевизор. Твой папа, на-

пример, когда берет его в руки, ничего не видит.

– Ты уверен?

Мужчина кивнул. Он сказал, что видения при прикосновении к агату посещают лишь людей с даром ясновидения, а также тех, у кого развита интуиция – ведь это ступень, предшествующая ясновидению. У папы эти дары отсутствуют. Но минерал мог бы несколько усилить те способности, которыми он обладает. Правда, не намного, потому что это не его талисман.

– Так что, мальчик мой, поздравляю. Ты обладаешь редким даром, о котором другим остается только мечтать.

– Другие наверное просто не знают, что это такое: знать будущее, и не иметь возможности его изменить. Для меня это проклятие.

– Да, поэтому, когда не станет твоей мамы, ты заблокируешь этот дар. Хотя он многим бы мог помочь...

– Нельзя помочь другим, если не можешь помочь самому себе. Это плохая помощь. И что-то тут не так. От ясновидения люди не разлетаются в стороны как птицы.

– Да, но разлетаются от телекинеза. Второго твоего дара.

Я удивленно уставился на Томаса. Вот так вот живешь и думаешь, что у тебя вообще никаких способностей нет. А потом оказывается, что ты обладаешь целыми двумя, да еще какими! Ведь и я, когда только стал видеть будущее, очень этому радовался и считал ясновидение отличным даром. Это теперь я понимаю, как непросто и страшно порой видеть бу-

дущее. Никто не гарантирует, что видения будут приятными. А если грядущее еще невозможно изменить, то к чему вообще этот дар?

Да, Томас говорит, что я таким образом могу подготовиться к тому, что произойдет, это уже не станет для меня таким шоком. Но позвольте, разве болезнь матери не станет такой подготовкой? Увы, не всегда сохраняется надежда на выздоровление, и рано или поздно все становится понятно. А пока эти видения и знание того, что случится только отравляют мою жизнь еще до того, как все начнется. Меня уничтожает то, что я ничего не могу поделать. Наверное, незнание в этой ситуации было бы лучше. Больше счастливых дней.

– Зато ты знаешь, и можешь сказать маме больше ласковых слов. – тихо возразил Том. – Сказать, как ты любишь ее. Попросить прощения, если есть за что.

– Извини. – не согласился я. – Все это можно и нужно говорить просто так, даже когда нет угрозы смерти. Почему мы, люди, говорим хорошее только из -под палки?

– Мы люди – нас легко утешить напоминаньем больших зол³... А что ты скажешь о втором своем даре?

– Наверное, он лучше первого.

Да, в телекинезе я не видел такой опасности, как в ясновидении. Разумеется, если обращаться с этой способностью осторожно. Это и удобно, и к тому же может стать неплохой защитой, если понадобится. Я попытался снова использовать

³ В. Федоров «Другу»

эту новую для меня возможность, взмахнул рукой, чтобы поднять камешек неподалеку. Но ничего не произошло.

– Не все сразу, милый. – улыбнулся Томас. – Вспомни, как ты приручал ясновидение, думая, что приручаешь камень. Далеко не сразу ты научился включать дар по заказу, а не каждый раз, когда возьмешь агат. А сейчас у тебя развивается активный, физический дар. С ним все даже сложнее. Тренируйся.

– Угу. Но постой! – удивился я. – Эмоциональные и физические дары редко присутствуют вместе, в одном и том же теле. Даже у Даниила и Дании до того, как они стали Хроносами, было четкое деление. У нее активный дар, у него – пассивный. А у меня все сразу? Разве я разноцветный?

– А почему бы и нет? Хотя, возможно, у тебя просто новое для твоего мира сочетание. Как у Александры⁴. Ведь до нее ни у кого не было такой способности.

Я удивленно хлопал глазами. Вот так вот из обычного мальчика вдруг становишься разноцветным или даже вообще обладателем нового вида магии! Томаса явно позабавило мое выражение лица, он улыбнулся. Но тут же мигом стал серьезным.

– А теперь перейдем к Евгению, если ты не против.

– Да. – кивнул я, вспомнив, зачем он меня вообще позвал. – Что с ним не так?

– Дело в том, что старый-новый дядюшка, который так те-

⁴ Качели времени. Последние дни Атлантиды

бе понравился, станет для твоей семьи источником огромного горя. Еще большего, чем ждет вас теперь.

Томас говорил, а я ушам своим не верил. Оказывается, если Евгений останется у нас, он и мама полюбят друг друга! Дядюшку, впрочем, понять несложно. Мама красивая, добрая, умная. Я не знаю никого лучше нее. Снова вспомнилось видение о девушке, которую я люблю. Но это будет еще нескоро, да и мамы уже не станет... Пока же я не могу представить, кто может быть лучше ее. И потому в некоторой степени Евгения даже понимаю.

Но мама! Я не могу поверить в то, что она ответит Жене взаимностью. Нет, если бы она была свободна, возможно. Евгеша молодой, и если я правильно помню его фотографии – симпатичный. Особенно когда кожа нормального цвета. Он умный, а сейчас еще вроде бы добрый. Но у мамы есть папа! Они так любят друг друга, что сложно представить, чтобы эти двое вдруг разошлись. Они же как два попугайчика-неразлучника!

– Если люди долгое время вместе, они привыкают друг к другу. – сказал Том, прочитавший мои мысли. – Пламя любви уже не пылает так, что искры в разные стороны летят. Оно горит ровно и тихо. Супруг становится кем-то вроде... Родственника. А тут вдруг на горизонте новый человек, интересный человек. И смотрит на тебя такими глазами, которыми уже давно не смотрит твоя вторая половинка. Иногда уходят не к кому-то, Оксинт. А потому, что хотят вспомнить

рождение любви.

– Откуда такие познания?

– Я трижды в разводе.

– Наверное, своим женам ты надоел еще раньше, чем мне.

– Ах ты, маленький грубиян. – хмыкнул мужчина. – Не скрою, да. Но я уходил всегда до того, как встречу новую любовь. Не пытался реанимировать отношения, если понимал, что это невозможно. У твоих родителей немного иная ситуация.

Итак, мама захотела снова испытать самое прекрасное – рождение любви. Впрочем, сначала ни она, ни Евгений не планировали совместное будущее. Просто у них обнаружилось много общих тем, потом они поняли, что им приятно проводить время вместе. А потом осознали, что случилось, и уже не могли расстаться. Они во всем видели знак судьбы. Даже в том, что имена у них начинаются на одну букву. Ребята считали, что созданы друг для друга. Правда, пытались бороться с собой. Но когда не получилось – пришли к моему отцу, и все ему рассказали.

– Папа побил Евгения?

– Нет, малыш. Пойми, в жизни, а уж в делах сердечных и подавно, ничего нельзя решить кулаками. Мы уже не первобытные люди, где в борьбе за самку побеждал сильнейший. Твой папа выслушал их и отпустил Елену. Потому что очень сильно ее любит и хочет, чтобы она была счастлива.

– А я бы ему врезал! Друг, называется!

– Оксинт, но ведь это твой отец называет его другом.

– Ну да... Есть разница?

Увы, разница была. Я упустил момент, на который мне сейчас и указал Томас. Ведь и правда, это папа считает Евгешу другом. Тот спас его, оказался рядом в трудную минуту. Иксион был восхищен парнем, и пронес это восхищение сквозь двадцать пять лет. Все это время он помнил, как поддержал его Женя, мысленно благодарил его и практически идеализировал парня. Да, он видел его предыдущую версию, но всегда ждал новую – своего друга-героя.

А вот для Евгения прошло не двадцать пять лет, а всего-то полгода. И Иксион его не спасал, и запомнил его парень совсем еще мальчуганом. Из-за этого сейчас ему даже сложно идентифицировать того парнишку и нынешнего мужчину, совместить оба образа в одну личность. Да и некогда ему было думать об Иксионе в течение этих шести месяцев – приключения отвлекали.

Поэтому в отличие от Иксиона, который за четверть века успел мысленно крепко сдружиться с Евгешей, парень пока даже приятелем его назвать не мог. Томас сказал, что такое часто свойственно женщинам и увлеченным людям: преувеличить реальность. Вот и папа, оказывается, преувеличил. Впрочем, возможно, если бы все было наоборот, и он спас Женю, то ситуация была бы иная. И Женя, обнаружив, что его тянет к жене спасителя, тут же удалился бы на безопасное расстояние.

– Скорее, он виноват перед тобой. Хотя я говорил тебе, чтобы ты его не спасал. Не случилось бы с Евгением ничего страшнее амнезии.

– А ты мне зачем все это объясняешь? Ты на стороне Евгеша и пытаешься его оправдать?

– Я всегда только на твоей стороне, малыш. Просто хочу, чтобы ты понял: не за что и некого тут бить. Впрочем, нет таких ситуаций, когда надо бить живых существ, если нет угрозы твоей жизни.

– Томас, а если мама уйдет к Жене... Она останется жить? Внезапно мне подумалось: ведь многое же изменится! Так, может, им и надо быть вместе, чтобы мама осталась жива? Конечно, без нее будет нелегко, но пусть лучше она уйдет из семьи, а не из жизни. В первом случае я хотя бы буду знать, что она жива и счастлива, пусть и не с нами. Это главное. И иногда смогу с ней общаться. Думаю, и папа предпочел бы такой вариант. Ведь может же такое быть? Но тут Томас печально посмотрел на меня и я понял – нет. Ничего не изменится. В глобальном смысле.

Глаза наполнились слезами и я зажмурился, чтобы не расплакаться. Когда же снова открыл их, обнаружил себя на все том же кладбище, на котором уже бывал в своих видениях. Но если раньше тут была поздняя весна, сейчас скорее середина зимы. Она у нас на Эдеме почти бесснежная, но сейчас иней сковал землю, а все присутствующие кутались в теплые куртки. На кладбищах, впрочем, всегда холодно.

Я посмотрел на гроб, и снова увидел белое лицо, блее подушки. А в изголовье сидит отец, рядом со мной стоит сестра, я слышу рев Антея. Кажется, все точно такое же. Но почему-то мне еще страшнее, чем в прошлый раз.

Глава двадцатая. Воспоминания о том, чего еще не было

Пытаясь понять природу этого страха, я огляделся по сторонам и увидел Евгения. В голове тут же вспыхнули воспоминания, проплыла кинолента того, что предшествовало нынешнему моменту. Раньше со мной такого не было.

– Твой дар развивается. – услышал я голос Томаса. – Оказываясь в видениях, ты получаешь воспоминания более старшей версии себя. Воспоминания о событиях, которые с тобой сегодняшним еще не произошли.

Сказал он достаточно запутанно, но я, кажется, все понял. И узнал, как развивались события с того дня, когда я спас Женю и до того момента, как все мы оказались в этом скорбном месте. Сначала Евгеша очень долго жил в нашем доме. Дни сменялись неделями, недели месяцами. Первое время парень ещё заикался о гостевом доме, но мы были категорически против. Очень уж всем нам понравился дядюшка-потомок. Папа и вовсе заявлял, что его самый лучший друг может у нас хоть поселиться. К чести Евгения надо сказать, что сам он к такой перспективе относился достаточно прохладно.

Мы узнали, что Женя в новой версии своей жизни стал кем-то вроде агента во времени, как когда-то дядя Алекс.

Вот только начальником его были не Хроносы, а какой-то неведомый нам всем тип. Он отправлял Евгешу в очередную эпоху, а там уже парень должен был сам догадаться, что ему нужно сделать. Я тогда посчитал это издевательством: раз уж даешь человеку задание, объясни суть, чтобы он его хорошо и быстро выполнил, а не играй в угадайку! Но папа возразил, что это испытание для парня, поэтому ему приходится самому шевелить мозгами, и прислушиваться к себе. И что если начальник его тот, о ком они все думают, то испытания он всегда дает по силам.

Женя честно старался прислушаться к своей интуиции, но так и не мог понять, зачем он оказался у нас. Время шло. Мы привыкли к тому, что Женя стал частью нашего семейства, я уже воспринимал его, как старшего брата. Он с удовольствием возился с малышом, помогал нам с сестрой с уроками – Евгеша быстро вник в нашу учебную программу и даже заявлял о своем желании пойти преподавать, если его неведомый босс вдруг решит отправить парня «на пенсию».

Отец горячо поддерживал его в этом стремлении, и первое время больше всех радовался тому, что Женя остается у нас. Они вместе ходили на рыбалку или ковырялись в огороде. Постепенно и мама стала подолгу проводить время в компании парня. Утром они в две руки готовили завтрак, а вечерами долго болтали в гостиной. Однажды мама даже забыла прийти посидеть с нами перед сном – так увлеклась разговором с Евгением. Тогда мы не увидели в этом ничего

особенного, но сейчас я понимаю: это был первый звоночек.

Александра даже начала ревновать! Оказывается, она влюбилась в Женьку и родители это знали. Как-то жарким днем мы все выбрались к озеру. Отец поставил небольшую палатку, куда вскоре, накупавшись и нарезвившись, забрались мы с Антеем. Братишка сразу же уснул, а я просто лежал, отдыхал в приятной прохладе. Сестра и Евгеша играли в воде в мяч, и я слышал их веселые вопли. А родители лежали на полотенцах возле палатки и, думая, что мы оба с братом спим, завели разговор.

– Смотри, как счастлива дочка. – заметил папа, и по его голосу было понятно, что он улыбается.

– Я вижу. – а вот мама была не слишком довольна. – Чему ты радуешься, Иксион?

– А? Она нашла хорошего мужчину, она счастлива и...

– Не хочешь ли ты сказать, что готов отдать ее за Евгения?

– Да, если они оба этого захотят. А что? – удивился отец. – Это же очень хороший вариант.

– Дорогой, я не вижу в этом ничего хорошего. Во-первых, он в два раза старше ее. Шутка ли – девочке нет четырнадцати, а ему уже почти тридцать!

– Любимая, время в нашей семье – мера относительная. Четверть века назад мне было десять лет, а Жене все так же тридцать. Мы же не собираемся тотчас вести дочку под венец. Может быть, сейчас он снова отправится на задание, а когда появится, ей уже будет восемнадцать...

– И она уже выберет себе другого мужа.

– Возможно. Значит, так и надо. А может, дождется Женю.

– И зачем ей нужен капитан дальнего плавания? Ты хочешь, чтобы она всю жизнь провела у окошка, ожидая муженька?

– Я думаю, все сложится наилучшим образом, если они предназначены друг другу.

– Но он же наш потомок! Может, он пра-пра-правнук Александры.

– Если он ее прямой потомок – у них ничего не сложится, милая. Впрочем, я могу уточнить у Даниила.

– Не надо. Но я не хочу для дочки такого мужа.

– Милая, надо детям самим давать возможность выбирать их счастье. Даже если нам оно счастьем не кажется.

Позднее, мысленно возвращаясь к этому разговору, я не раз именовал его мольеровскими страстями – прочитал как-то «Тартюфа»⁵ в гостях у тети Саши. Да, Женя не был обманщиком, и мама не Эльмира... Но что-то общее в этой ситуации есть.

С того дня я стал внимательно присматриваться к сестре, и тоже понял, что она влюблена по уши. Ну надо же! Однако я, как и отец, не видел в этом никакой катастрофы. И даже думал, как все хорошо сложится, если Александра и Евгений поженятся.

⁵ Ж-Б Мольер «Тартюф, или Обманщик»

А вот папа после того разговора стал как-то иначе смотреть на маму, в особенности когда она общалась с Женей. Он стал чаще уходить на долгие прогулки один, меньше улыбался. Ну конечно же, он обо всем догадался. Любящему сердцу не надо говорить, оно само все почувствует. Поэтому уход мамы не стал для него неожиданностью. Однако это все равно было очень больно.

Никогда не забуду тот страшный день. Папа позвал нас с Александрой в гостиную, мы прибежали и сразу заметили: что-то не так. Женя с мамой сидят вместе на диване. Привычная в последнее время, но неправильная картина. А отец расположился на стуле поодаль, с абсолютно прямой спиной, а пальцы так впились в колени, что костяшки побелели. Я посмотрел на него, увидел больные, потерянные глаза и испугался. Что же произошло?

Мама начала говорить, и я почувствовал, что земля уходит из-под ног, поэтому сел прямо на пол. Она и Евгений полюбили друг друга и теперь собираются жить вместе. А как же папа? Я снова посмотрел на отца. Он молчал.

– Подонок! – заорала Александра и, подлетев ко вскочившим маме и Евгению, так врезала парню, что он зашатался.

Женщины, и тем более юные девочки, обычно раздают пощечины. Но наш дед Антей, обучая внуков искусству рукопашного боя, скидки на пол не делал. А сестра всегда была самой прилежной ученицей у него. Поэтому наградила Женю блестящим хуком. Он потер скулу и пожал плечами. По-

нял, что заслужил.

Сестра глянула на мать и выскочила из гостиной. Я пожалел, что не могу последовать ее примеру: ноги словно одеревенели. Да и врезаться так же не получится – сил у меня еще не слишком много. Мама перевела взгляд на меня.

– Милый, мы с папой решили, что вы, дети, сами должны выбрать с кем жить. Антей пока что маленький, он остается тут, в привычных ему условиях. Александра, я так понимаю, свой выбор сделала. А ты?

Я растерянно посмотрел на них обоих. Зачем же они заставляют меня выбирать? Перед глазами что-то замелькало, и вдруг я увидел себя со стороны. Увидел, как подхожу к маме и говорю, что пойду вместе с ней. Как она обнимает меня, а папа в этот момент окончательно поник. Что вообще происходит?

– Это видение в видении. – услышал я Томаса. – Иногда, принимая решение, ты будешь видеть, какой оборот ситуация примет в дальнейшем. Сейчас ты видишь, как будут развиваться события, если ты выберешь маму.

Мы втроем переселились в небольшой домик, который снял Евгений. Он действительно устроился работать в школу, преподавал точные науки. Мне выделили отдельную небольшую комнатку: в ней помещались кровать и стол. Мама с Женей и вовсе жили в большой комнате, которая одновременно была и кухней, и столовой, и гостиной. Несмотря на тесноту, жили мы хорошо и весело. Евгеша старался со

мною подружиться, мама уделяла мне много внимания. Мы были бы хорошей семьей, если бы не...

Если бы не моя настоящая семья. Александра с того вечера так и не разговаривала со мной. Только один раз назвала предателем, когда я ей позвонил, а после и вовсе меня заблокировала. Мама виделась с Антеем по выходным – папа приводил его, а потом забирал. Я же часто навещал отчий дом. Сестра, если была в этот момент, сразу же уходила, я общался с отцом и братом. Малыш радовался мне, но интересовался, когда же я вернусь совсем. Он так скучал по мне и маме, и даже по Евгению! А я ничего не мог ему ответить, и к горлу подступал ком, когда я видел его расстроенную морщину при прощании.

Чертовски тяжело было ходить по дому, смотреть на знакомые и родные вещи, заходить в свою комнату и понимать, что я теперь тут только гость. Я очень любил наш дом, ведь раньше в нем было столько счастья!

Но тяжелее всего было прощаться с отцом. Когда я приходил, мы оба чувствовали себя неловко. Папа спрашивал, как у меня дела, рассказывал, как они тут живут, интересовался, как там мама – он почти не общался с ней. Но при этом редко смотрел мне в глаза. Однако на прощание обнимал крепко, будто боялся, что больше меня не увидит.

Я уходил всегда вечером, а отец стоял в дверях, смотрел мне вслед, пока я не скроюсь за деревьями. На кромке леса я оглядывался, видел его поникшую фигуру в желтом пятне

света и отворачивался, глотая слезы. А однажды не выдержал и побежал обратно.

– Оксинт? – услышал я мамин голос и моргнул.

Видение тут же рассеялось.

Я по-прежнему стоял в гостиной, и родители ждали, пока я выберу. Глубоко вздохнув, я подошел к папе и взял его за руку. Все присутствующие удивленно глянули на меня. Ну да, я мамин сын, а Александра папина дочка. Так получилось. Но сейчас я нужен отцу, я люблю его и не могу бросить, как мама, подвести.

– Я остаюсь с папой. – подтвердил я. – Здесь мой дом. А в вашем маленьком домике и для двоих места мало.

– Дело же не в месте. – впервые подал голос Евгений.

Я посмотрел ему в глаза. Ах, как жаль, что я тогда не послушался Томаса и не оставил парня валяться на той полянке! Сейчас все было бы как раньше.

– Дело не в месте. – кивнул я и посмотрел на папу. – Пусть они вещи собирают, не будем им мешать. Пойдем искать сестру.

Отец обнял меня, потом мы забрали Антея и покинули дом. Александру мы нашли на озере, в моем шалаше – она знала об этом месте, и теперь сама им воспользовалась. Отец остался снаружи, так как не поместился бы в шалаше, а я залез внутрь и обнял сестру. Она посмотрела на меня покрасневшими от слез глазами и шмыгнула распухшим носом.

– Ты не ушел с ними?

– Зачем? У меня же есть семья.

– Я так боялась, что ты уйдешь! – снова разревелась Александра.

Я успокоил ее, и помог вылезти наружу, где нас ждал отец. Мы пошли домой, и когда вернулись, обнаружили, что мама и Женя уже ушли. Я прошелся по всем комнатам, заглянул в гардероб в родительской спальне – справа от папиной одежды сиротливо висели пустые вешалки. Пришел на кухню, оглянулся и вздохнул. Нас тут четверо, но дом стал таким пустым, когда из него ушла мама!

Глава двадцать первая.

Страшное время потери

Шли дни. Я пару раз бывал в гостях у мамы, и это было менее больно, чем в моем видении с походом в гости в отчий дом. Но теперь, уходя, я видел на пороге ее тоненькую фигурку, и это тоже было тяжело. Еще и чертов Евгений поначалу пытался о чем-то со мной беседовать. Как-то раз я так на него посмотрел, что он оставил любые попытки коммуникации.

Постепенно мама стала приходить к нам – так оказалось немного легче. Поначалу. Александра, конечно же, убегала и потом я шел за ней на озеро и возвращал домой, когда уходила мама. Отец тоже старался если не уйти, то найти себе какое-нибудь занятие, лишь бы не общаться с мамой. А вот малыш радовался ей от всей души – да и как иначе? Я тоже разговаривал с мамой, рассказывал о том, что у нас происходит.

Вот только со временем эти визиты стали меня нервировать. Антей постоянно спрашивал, куда ушла мама, почему она больше не живет с нами. Даже стал считать, что это он сделал что-то плохое, поэтому теперь мама приходит так редко! Она всегда укладывала его спать, чтобы малыш не видел, как мама уходит. А вот когда он просыпался, успокаив-

вать его приходилось нам.

К тому же сообразительный братишка понял: пока он не уснул, мама не исчезнет. Поэтому с каждым разом стал все больше сопротивляться дневному сну, и однажды это ожидаемо привело к взрыву. Малыш хотел спать, но боялся, что мама снова исчезнет. Он начал капризничать, потом последовала истерика. Я вбежал в комнату, стал успокаивать братишку и в сердцах бросил матери.

– Лучше бы ты вообще не приходила, чтобы он тебя забыл и не винил себя в том, что ты уходишь! Всем бы спокойнее было.

Мама растерянно посмотрела на меня и едва не заплакала. Я извинился и выбежал из комнаты. До сих пор жалею о том, что тогда не сдержался. Но брата мне тоже было очень жалко!

В тот вечер мама крепко меня обняла и ушла. Больше она к нам не приходила. Она звала меня в гости, однако я все так же не хотел бывать в маленьком домике на двоих. Мама стала звонить по арновуду. Малыш постепенно привык наблюдать ее в виде голографической фигурки. Так стало даже проще, ведь он в любое время мог позвонить и побеседовать с ней.

Но продолжалось это недолго. Постепенно звонки сошли к аудиоформату, и ее голографическая фигурка больше не мелькала над арновудом. Мама говорила, что то голова у нее грязная, то еще что-то, но упорно не хотела включать видеосвязь. Однако просила, чтобы мы с Антеем ее включали, а

еще спрашивала, не могу ли я тайком фотографировать для нее Александру. Несмотря на то, что сестра так и не помирилась с матерью, та хотела видеть, как растет ее дочка. Я выполнял ее просьбы. Но никак не мог понять, почему мама перестала включать видеосвязь.

– Это она так минимизирует общение. – фыркнула Александра, когда я поделился с ней своей тревогой. – Скоро совсем звонить перестанет.

– Нет, ну что ты... Должен быть другой повод.

– Ну тогда наверное она ждет ребенка. И не хочет говорить о том, что скоро у нас появится полубратик или полусестричка.

Я подумал, что эта версия более жизнеспособна. Ну что же, Женя любит детей, и вполне естественно, что он захотел малыша. Если Александра права, я постараюсь стать ребенку хорошим старшим братом. Он же ни в чем не виноват. Да и маме будет нужна помощь. Вот только как на эту новость отреагирует папа?

Не успел я до конца додумать эту мысль, как прямо посреди кухни материализовалась тетя Саша.

– Здравсьте. – кисло поприветствовала ее сестра и скорчила рожу.

Тетушку она с недавних пор недолюбливала, и та это знала. Причина простая: Саша ведь сестра Евгения. Но тетя ничего не собиралась с этой неприязнью делать, и считала, что время все расставит по своим местам.

– Не до пикировок, тетка. – взволнованно сказала она. –
Зовите отца, разговор серьезный есть.

Впрочем, папа уже сам нарисовался на пороге. Тетя поприветствовала его, попросила всех нас сесть, и огорошила страшной новостью: мама больна. И не просто больна, она умирает.

Вот почему она перестала звонить нам по видеосвязи: чтобы мы с братом не заметили, как она осунулась, как нездорово она выглядит. Мама вообще не собиралась рассказывать нам о своей болезни. Уходила-то она от нас здоровая и счастливая. И теперь считала себя не в праве тревожить нас. Сначала мама хотела выздороветь, и возобновить нормальное общение.

Евгений прошел с ней весь тот путь, который в изначальной версии жизни прошли мы – отец, сестра и я. Он ходил с мамой по больницам, беседовал с врачами, искал способы, как ее вылечить. Он призвал на помощь и свою сестру. Саша побывала у них, увидела, в каком мама состоянии и решила, что стоит нам все рассказать.

– На днях они отправятся на Нибиру. – завершила свой рассказ Саша. – Ребята надеются на успех. Но я бы на вашем месте сходила проститься, простить и попросить прощения.

Я похолодел и глянул на папу. Он тоже выглядел растерянным и испуганным. А вот сестра уже выбежала во двор и поторапливала нас, вытаскивая одау.

Пока мы летели к дому, где живут мама и Евгений, я все

никак не мог поверить в то, что это правда, что мама больна и все может стать еще хуже. Но едва зашел в комнату, сразу увидел: так оно и есть. Бледная мамочка лежала среди подушек, глаза ее горели лихорадочным, даже потусторонним огнем. Рядом сидел осунувшийся Евгений, держал маму за руку. Он обеспокоенно посмотрел на нас.

– Уйди. – коротко приказала ему моя сестра. И парень на удивление послушался.

Мы же бросились к маме. Александра и я просили прощения у нее, говорили, как сильно мы ее любим. Разумеется, мамочка нас простила. Не получается у мам обижаться на своих детей. Малыш Антей обнимал маму, и казалось, никакая сила не способна оторвать его от нее. Папа гладил ее по волосам, и в какой-то момент сказал, что если мама захочет к нам вернуться, мы будем рады. Она улыбнулась в ответ.

Долго мы в тот день просидели у мамы, и никак не хотели расставаться с ней. Уходили с тяжелым сердцем, но пытались друг друга уверить, что все обязательно будет хорошо, и мама вылечится. А утром... Утром мамы не стало.

На Нибиру они решили отправиться при помощи телепортационной платформы. Евгений опасался, что полет на звездолете может сильно ослабить маму. А о том, что телепортационная платформа убьет ее, они узнали слишком поздно. С нашей планеты они отправились вместе, а через мгновение, уже на Нибиру Женя понял: случилось то, что уже не исправить.

И теперь мы все собрались на кладбище, чтобы попрощаться с ней. Евгений благоразумно стоял в стороне, не пытаясь занять папино место, как сделал это несколькими месяцами раньше.

– Это ей за то, что она мужа бросила с дитятыми. – вдруг высказалась та самая старушка, которая советовала мне держаться.

– Заткнитесь, пожалуйста. – ответила ей сестра. – Иначе я попрошу, чтобы вас проводили отсюда.

Я же смотрел на отца. Уход мамы из семьи, ее болезнь, смерть – это удары поддых, которые папа получил едва ли не оптом. Я очень боялся за него, боялся, что он не выдержит. Поэтому старался держаться поближе к нему.

Когда все закончилось, дедушка Антей и дядя Алекс помогли папе подняться. Он сделал пару шагов, покачнулся, упал, да так и замер. К нему подскочила Александра, провела над ним рукой, вздрогнула. Потом она закричала, обращаясь к Евгению.

– В этом заключалась твоя миссия, да? Убить наших маму и папу, оставить нас сиротами?!

Женя закрыл лицо руками, опустился на колени. Но тут же его будто приподняла неведомая сила, тело парня словно прошло электрическим разрядом, и он исчез. Мы же остались стоять втроем возле могилы нашей матери и тела нашего отца.

Когда мы проводили в последний путь и папу, у нас спро-

силы, где бы мы хотели жить. Мы с сестрой точно знали, что не хотим оставаться на Эдеме. Тут все напоминало о родителях. Но и у бабушки Эригоны мы жить тоже не хотели – по аналогичной причине. В итоге нас забрали тетя Саша и дядя Алекс.

Они законсервировали свой большой дом, где нас тоже караулили воспоминания из той, счастливой жизни, и купили квартиру в городе. Одну комнату отвели Александре – она после смерти родителей перестала разговаривать с кем-либо, кроме меня и малыша. В другой поселились мы с Майклом. А Антей пока спал в спальне тети и дяди. Мы старались продолжить жить, лишь сестра твердила, что отомстит обязательно. Я не считал это лучшей идеей, но она меня не слушала.

Однако когда в гости к тете Саше спустя год появился Евгений, я тоже подумал о мести. Явился он не один, а с девушкой, которую представил нам как свою жену. И жена эта была беременна!

Сестра тогда пришла в ярость: ведь, получается, Женя даже не тосковал по маме, не выдержал траур! Лишь позднее мы узнали, что для него за это время прошло уже три года, в течение которых он скорбел по нашей маме, и никак не мог забыть ее. Своей жене он рассказал все, и она со временем помогла ему успокоиться. Но смириться с потерей Елены так и не сумел – об этом сказала его супруга. Но это было потом. А после ужина тетя Саша и Евгеша почувствовали себя пло-

хо. Дядя Алекс вызвал «Скорую помощь», и брата с сестрой увезли в больницу с отравлением. Но довезли только сестру. Как потом объяснил дядя, у тети Саши была какая-то особая защита, отсутствовавшая у Евгения.

Как о случившемся рассказать Виктории, жене, точнее, вдове Жени, Алекс не знал. Но та откуда-то все узнала сама. Держась за большой живот, она пришла ко мне в комнату, и посмотрела на Александру, которая сидела тут же.

– Вы хотя бы знали своих родителей, девочка. А мой ребенок не узнает своего отца, не узнает, как это прекрасно, как хорошо, когда тебя любит папа. За что ты с моим малышом так, Александра?

Тут я понял, что же случилось. До того как Виктория обратилась к сестре, я думал, что во всем виновата еда. Какие-то некачественные продукты или что-то еще. И в голову мне не пришла одна простая мысль: тогда бы пострадали все, а не только Евгений и тетя Саша – те, кого ненавидела моя сестренка.

Она считала, что если бы в свое время тетушка не стала путешествовать по временам, то и Женя бы у нас не появился. А значит, все мы жили бы долго и счастливо. Александра решила, что корень бед в жене нашего дяди. Если же вспомнить, что сестра хорошо перенимала уроки не только нашего деда, но и отца, и собиралась связать свою жизнь с медициной, то легко понять: в растениях она разбирается великолепно. Как в лекарственных, так и в ядовитых. И сейчас она

отомстила, но... Но разве способна эта месть вернуть родителей? И разве может она сделать кого-то счастливым? Даже сама Александра сейчас перешла от ликования к ужасу, когда поняла, что она натворила.

Глава двадцать вторая.

Как убежать от грядущего?

Внезапно я вздрогнул, встряхнулся, и снова оказался среди деревьев. Посмотрел на Томаса, и выдохнул с превеликим облегчением. Я уже и забыл, что все это видение. Будто бы прожил той страшной жизнью больше года, а на самом деле прошло от силы десять минут!

– Ты знаешь, что будет потом?

Я кивнул. Невзирая на то, что события я просмотрел только до момента, когда Виктория пришла к нам, отлично знал, что случится дальше. Когда до сестры в полной мере дошло, что она лишила жизни одного человека, и надолго уложила на больничную койку другого, ее начали терзать такие муки совести, что я даже не берусь описать. Да и слова супруги Евгения об их ребенке ранили ее в самое сердце. Виктория не знала и не могла знать, что Александра на самом деле очень добрая девушка. Но потеряв разом двух родителей, она едва не сошла с ума. И жила-то все это время ради мести.

Беда моей сестры в том, что она сначала делает, а потом думает. Так произошло, когда она отравила Евгения. И так произошло, когда она приняла яд сама, думая, что это испугит ее вину перед Викторией и ее ребенком.

– Нет! – я с ужасом глянул на Тома. – Мама, папа, Алек-

сандра...

– Останетесь только ты и твой братик. – подтвердил он. – И вряд ли вашу жизнь можно будет назвать счастливой.

– Но Виктория... Я вспомнил, Евгений рассказал папе, что в другом времени у него осталась любимая. И зовут ее Викторией! Как же он променяет ее на маму?

– Дело в том, что он просто влюблен в нее. Любовь и влюбленность – это разные вещи. Ты это еще поймешь. Евгений будет долго жить у вас, образ девушки постепенно сотрется из его памяти. А вот твоя мама займет важное место в его сердце. Когда же ее не станет, а твой дядюшка, после череды перемещений снова окажется во времени Виктории, именно она поможет ему прийти в себя. Она-то любит его по-настоящему.

– Но как сделать так, чтобы он не стал так надолго у нас задерживаться? Пусть уже перемещается дальше!

– Увы, никому неизвестно, почему он так долго тут проторчал. И если бы ты меня послушал сегодня, и оставил его, сейчас не видел бы такого ужасного будущего. Но ты опять упорствуешь. В прошлый раз из-за этого упрямства пострадала семья твоего дяди. Теперь под угрозой твоя собственная.

– Но я же не мог оставить его умирать! Почему вообще появилась эта альтернативная ситуация?

Томас вздохнул и поведал, что время все-таки не статично. Любое изменение в нем способно начисто переписать ис-

торию. Очевидно, Евгеша что-то сделал в прошлом, что в итоге привело его к нам. Если бы я сразу послушал Томаса и ушел, парень бы остался жив – его нашли бы буквально через пару минут, отправили в больницу. Просто он не вспомнил бы моего отца. В результате последнего перемещения Женя потерял память, но тут же вернул ее, увидев папу.

– Если бы ты послушался меня и ушел, я бы вызвал подмогу. Евгеша бы не знал, что находится на одной планете с вами, выполнил свою миссию и отправился дальше. Но ты, малыш, как всегда, проявил характер. Видишь, к какой катастрофе приводит твое упрямство?

– А ты мог объяснить по-человечески? Ты же знаешь, что я тебе не доверяю.

– И к чему это приводит? Объяснить буквально за пару секунд не удалось бы. А утаскивать тебя силой – значит еще ниже упасть в твоих глазах.

Я в ответ промолчал. А что тут говорить? Томас прав.

– Впрочем, выяснять кто прав, а кто нет, бессмысленно и контрпродуктивно. Просто запомни, мальчик мой, что я всегда играю на твоей стороне. Не только из-за своего мира и жизни, но и потому, что первостепенная задача любого взрослого, если он оказался рядом с ребенком, попавшим в беду – оказать ему всю возможную помощь. Даже если это не твой ребенок.

– И ты можешь помочь избежать того будущего, что я сейчас увидел?

– Для начала могу помочь советом. Уговори Евгешу переселиться в гостевой дом. И следи, чтобы он не общался с твоей матерью.

Я посмотрел на него, как на идиота. Уж до этого я и сам уже додумался!

– А еще можно постараться сразу рассорить вашего гостя с твоей мамой. Тогда она уже не посмотрит на него влюбленными глазами.

А вот теперь я ощутил уважение к Томасу. Такой вариант мне в голову не пришел!

– Но сначала попытаемся решить все мирным путем. Оксинт, будь любезен, пожалуйста, делай то, что я говорю. Больше никакой самостоятельности! Иначе неизвестно, к каким последствиям это приведет. Все может стать еще хуже!

Я было удивился: куда же еще хуже? Кажется, то, что я только что видел, самое страшное, что может быть. Однако тут же подумал, что все и правда может стать еще катастрофичнее. Напуганный такими перспективами, я уставился на Тома во все глаза, а он изложил свой план.

Домой я вернулся уже когда погасли все окна. Родители и сестра, наверное, видят десятый сон. И мне пора последовать их примеру. Видение отняло много сил, ведь все случившееся в нем я переживал так, будто оно произошло на самом деле. А переживать столько чувств сразу – это очень утомительно. Я даже до сих пор от них не оправился.

Да и без того день выдался насыщенный из-за Евгения.

Так что теперь надо хорошенько отдохнуть, чтобы завтра утром привести план Томаса в действие. Я буду все делать точно так, как он сказал, чтобы дядюшка поскорее убрался подальше от нас. Так будет лучше для всех. Жаль только я не могу ему рассказать, чем чревато его тут проживание – Женя бы тогда сам быстренько куда-нибудь смотался. Или могу? Новый Евгеша вроде адекватный парень, да и сам понимает, что со временем и судьбой шутить нельзя.

«Не вздумай!» – Томас не терял бдительности. – «Он не поверит тебе, расскажет все твоим родителям, те Хроносам. Начнется охота на меня, но я-то смогу смыться в свое время. Однако что случится с твоим будущим, а значит, и со всем миром – даже не берусь предположить.»

Кивнув, я отмел эту идею как неудачную. В самом деле, все и правда больше заинтересуются тем, кто такой Томас, а не грядущей катастрофой. Так что лучше обойтись без самостоятельности. Том верно подметил, что мои самостоятельные действия ни к чему хорошему не приводили. В этот раз попробую сделать так, как он сказал. Посмотрим на результат, и будем делать выводы.

Мужчина хмыкнул, и я понял, что он доволен таким моим решением. Удивительно: я его недолюбливаю, но мне приятно, что он мной доволен. Однако размышлять над этой странностью уже никаких сил нет. Сейчас главное попасть домой и поскорее лечь спать.

Я уже предвкушал, как через секунду окажусь в постели.

Но когда просочился через окно в комнату, вдруг вспыхнул свет.

Прищурившись, я посмотрел на маму, сидящую у моей кровати. Это что же получается, она тут меня ждет?

– В чем дело? – спросил я.

И тут же понял, что прозвучал мой вопрос грубо. Дело в том, что увидев маму, я тут же вспомнил недавнее видение об ужасном будущем, и все чувства вспыхнули по новой. В данный момент, наверное, прорвалась обида на то, что мама ушла от нас к Евгению. Хотя конечно, этого еще не случилось. Получается, я задел ее за то, чего она еще не делала.

– Это ты мне скажи, сынок. – удивленно ответила мама. – Где ты был?

– Извини пожалуйста. – обнял я ее. – Я не хотел тебе грубить. Прости меня.

– Все в порядке, малыш. Не переживай. – погладила она меня по спине.

Я же мысленно обругал себя. С каждым днем остается все меньше времени, которое мы проведем вместе. А я, вместо того, чтобы радовать мамочку каждый день, огорчаю ее.

– Сам не понимаю, как это случилось. – слегка покривил я душой. Природа такого поведения мне прекрасно известна.

– Ну что ты, Оксидент. Мамы не умеют обижаться на своих детей. – я вспомнил, что то же самое она сказала в видении. – Тем более я знаю, что ты не хотел мне нагрубить. Но все же, где ты был?

– Я... Я хотел пройтись перед сном вокруг дома.

– Но тебя не было полчаса. И зачем же вылезать из окна?

У нас все еще есть дверь.

– Совсем забыл о времени. И не хотел мешать никому. Вдруг разбудил бы малыша, запнувшись обо что-то в коридоре? Ты же знаешь, какой я неуклюжий стал.

Это правда: в последние пару месяцев я вдруг стал каким-то слоном. Даже не хочу, а запнусь за что-то, уроню то, к чему и не планировал прикасаться. Сестра смеется надо мной и называет домашним несчастьем.

– Это потому что твое тело растет быстрее, чем ты успеваешь к нему привыкнуть. Скоро ты у меня совсем взрослым парнем станешь.

– Угу. – в очередной раз стало невыносимо больно от того, что мама этого не увидит и не разделит столько радостных моментов, которые ждет, уверен, не меньше, чем я.

Мама, как всегда, решила посидеть со мной перед сном, несмотря на то, что столько ждала, когда я вернусь домой. А я лежал в кровати и, сквозь прикрытые ресницы, наблюдал за ней. Недавнюю сонливость как рукой сняло, и в голову полезли разные мысли.

Например, о том, как часто родителям приходится ждать нас. Сначала мама целых девять месяцев ждет такую радостную и важную встречу со своим малышом. И какие же они смелые – эти мамы. Для меня такая встреча, прежде всего, была бы очень страшной. Страшно потому, что таинство за-

рождения жизни и души – это все еще загадка, что-то из области потустороннего. Может быть, наука со временем все объяснит. Но пока что мы не знаем, как и по чьей воле зарождается новая жизнь, появляется душа. А все неизвестное всегда страшит.

Однако страх носит не только мистический характер. Страшно за человечка, который пойдет по этой жизни. Смогу ли я, как родитель, дать ему все, чтобы он шел легко и по возможности совершал как можно меньше ошибок? Смогу ли я уберечь его хотя бы от некоторых горестей? Хватит ли сил? И страшно понимать, что иногда даже все усилия родителей не могут сделать их ребенка счастливым. А ведь это самое главное для всех мам и пап.

Тем не менее, они ждут. Первой встречи, первого слова, первых объятий. А потом начинаются и первые обиды и упреки, первые ссоры. Этого родители вряд ли ждут с нетерпением, но им приходится проходить и через такое. А еще они ждут нас домой, как меня сегодня ждала мама. Ждут, когда мы встретим свою любовь, ждут своих внуков. Ждут момента, когда смогут порадоваться нашим радостям. И самое страшное, что они порой не успевают дожждаться...

Еще я думал об обидах. Родители и правда не умеют обижаться на своих детей. Но мне кажется, что именно мы способны ранить их сильнее всего – настолько уязвимы и обнажены они перед нами. Ах, если бы знать и помнить об этом всегда! Будь моя воля, я бы маму и папу в вату закутал и хра-

нил, как самое дорогое. Хотя почему «как»? Они и так самое дорогое у меня. И если бы мог, я бы все силы приложил, чтобы им не пришлось бояться за меня, и ждать того, что я могу дать им прямо сейчас – мою любовь и безоговорочное обожание, как в детстве. Как жаль, что я понял и захотел это лишь сейчас, когда осталось так мало времени. Но хорошо, что оно вообще осталось. Ведь порой такие озарения как у меня приходят к людям слишком поздно!

Глава двадцать третья. План Б

Спал я неважно: вспоминались обрывки моего кошмарного видения. Я то и дело просыпался, убеждался в том, что это сон, и проваливался в пучину кошмара снова. Утром же порадовался тому, что этого будущего еще нет. И я сделаю все, чтобы и не было!

Однако когда я оказался на кухне, уверенность в успехе сего мероприятия несколько пошатнулась. Евгений уже был тут. В отличие от вчерашнего вечера выглядел он гораздо лучше. Кожа обрела нормальный оттенок, исчезли следы от лопнувших сосудов. Да и сам он был вполне бодр и активен. Вон, с мамой о чем-то разговаривает. Ну уж нет! Пусть поищет для себя невесту в другом доме.

Навострив уши, я слушал их разговор, чтобы вмешаться в него в самом интересном месте. И вот, момент настал: Евгений рассказал, что не всегда сразу понимает, зачем попал в то или иное время. Я сделал ход конем, и предложил ему переехать в гостевой дом, чтобы там дядюшка спокойно прислушивался к своей интуиции.

На мой взгляд, это было отличное предложение. Так Женя удалился бы от моей семьи на безопасное расстояние и не имел бы возможности настолько сблизиться с мамой. И парень даже согласился со мной. Возможно, он и правда быстро бы понял, что ему надо сделать, если бы от нас отселился.

А значит, скоро перенесся бы куда-то еще, и перестал угрожать нам своим присутствием.

Но тут в дело вмешались родители. Им моя идея такой уж прекрасной не показалась. Хлебосольный папа, который пока еще видел в Евгении друга, заявил, что он может жить у нас даже год. И мама его поддержала, сообщив Жене, что у нас полно гостевых комнат. Неужели она уже в него влюблена?!

Я посмотрел на маму. Да нет. Она просто очень добрая, и всегда всем стремится помочь. Евгеша к тому же наш дальний потомок, а мама горой за семью, как и папа. Пока что мне нечего опасаться. Но надо хотя бы минимизировать воздействие этой бомбы с часовым механизмом, как я мысленно окрестил нашего гостя. Поэтому я предложил отправить его в Эдемский сад, чтобы он мог там медитировать и слушать свою интуицию.

Это идея Томаса. Он сказал, что если переселить угрозу не получится, то можно хотя бы позаботиться о том, чтобы в компании мамы он проводил мало времени. И если парень целыми днями будет медитировать в саду, то на общение тетя-тет у них окажется крайне мало времени, и это в некоторой степени отведет угрозу от нашей семьи. Да и я все не оставлял надежды на то, что Евгеша все же поймет, для чего он тут оказался, сделает свои дела, и комната в нашем доме ему уже не понадобится.

Однако теперь сам парень смотрел на меня с удивлением.

Кажется, он догадывается, что я хочу его спровадить. Чтобы не возникли вопросы по поводу моего поведения, я собрал все отсутствующие у меня актерские способности, и дружелюбно посмотрел на дядюшку. Лицо Евгеши разгладилось. Кажется, опасность разоблачения миновала.

К сожалению, в разговор вмешалась Александра. Иногда она появляется катастрофически не вовремя! Но наш гость заинтересовался Эдемским садом, и папа рассказал ему историю нашей планеты. В это время все уже сидели за столом. Я, если честно, не слишком люблю слушать про прошлое эдемчан, про то, как уничтожили они свою первую планету. Мне стыдно за сородичей. В особенности стыдно потому, что я, сын гениального ботаника, знаю: все живое в этом мире умеет чувствовать. Ему бывает и радостно, и грустно, и страшно, и больно. Дроди в течение тысячелетий делали больно своей планете, держали ее в страхе и убивали, пока та не потеряла последние силы. Вели себя как паразиты, как ублюдки! Этот печальный урок пошел впрок последующим поколениям, но какую же цену заплатили дроди за то, чтобы научиться жить в мире с природой!

Родители знают, как я реагирую на эту историю. Поэтому когда я быстро расправился с едой и попросил разрешения выйти из-за стола, препятствовать не стали. А я прокрался в комнату, которую отвели Жене, и внимательно оглядел его вещи. Мне предстояло спрятать тут пару вещичек. Вот, вижу небольшую поясную сумку и рюкзак. В них я положил

по маленькой черной бусинке, а потом отправился обратно в столовую.

Бусины мне накануне дал Томас. Он назвал их подстраховкой, которая поможет повлиять на Евгения, если тот вдруг не захочет переезжать или вздумает сблизиться с мамой. Правда, поначалу они меня насторожили.

– Как они действуют? – поинтересовался я, разглядывая камешки.

Внешне они почти не отличались от бусины, которую мужчина носил на шее, только раз в пять поменьше. Я прислушался к себе: никаких неприятных ощущений они не вызывали.

– Это фрагменты той глыбы, которой мы обязаны появлением наших камней. – пояснил он. – И потому они тоже обладают некоторыми возможностями. В частности, я смогу внушить Евгению определенные мысли. Убедить его, чтобы он держался подальше от твоей мамы.

– Они ему не навредят?

– Нет, камень не может причинить вред человеку. – убежденно сказал Том. – Да и использовать я их буду осторожно, только в самом крайнем случае. А еще они помогут прочитать мысли Евгения, узнать его намерения относительно Елены. Так что мы с тобой сможем понять, добились ли своей цели. И заблаговременно исключить опасность их сближения.

Успокоенный такими заверениями, я взял бусинки и под-

бросил их дядюшке. Надеюсь, что-то он точно возьмет с собой. Папа вот без рюкзака из дома не выходит. Хорошо бы у Жени оказалась такая же привычка.

Вернулся я как раз к кофе. В это время сестра объявила, что нам тоже непременно надо отправиться в Эдемский сад. Ну как будто специально! Евгеша из вежливости попытался отказаться от сопровождения, но она возразила, что сам он не знает, куда лететь. Я уже было вызвался нарисовать парную карту, но тут и родители поддержали Александру. К чести Жени надо отметить, что он попытался не быть нам в тягость, но кто его слушал? Я раздосадованно глянул на свое семейство. Если б они знали, чем обернется это их дружелюбие!

«Не расстраивайся, малыш» – услышал я Томаса. – «Ты сделал все, что мог, и если продолжишь усердствовать, это вызовет подозрения.»

«И как же быть теперь?»

«В саду пусть парень и правда попытается помедитировать. А мы с бусинками постараемся убедить его не задерживаться в твоём доме.»

Я мысленно кивнул и отправился собираться. Все-таки хорошо, что мужчина перестал только раздавать приказы, и тоже стал действовать. В конце концов, я не всемогущий и у меня далеко не все получается. Так что пусть хоть немного потрудится. В конце концов, он тоже в этом заинтересован. Главное, чтобы Том никому не причинил вреда. Хоть он и

обещал этого не делать, я все же опасаясь, что в погоне за желаемым он забудет о тормозах.

И несмотря на то, что к Евгению, в результате вчерашнего видения, я относился уже не так лояльно, как прежде, мне бы не хотелось, чтобы с ним что-то случилось и он пострадал. Все-таки Томас прав, и никогда не надо выяснять отношения кулаками, а уж тем более причинять кому-то боль. Наверное те, кто осмеливаются делать больно другому, не дружат с головой. Про тех, кто способен убить я уж вовсе молчу. Тут может быть одно оправдание: твоей жизни угрожают. А вот лишать жизни или делать больно тогда, когда никакой угрозы нет – это точно признак не совсем здорового ментально человека.

«Увы, малыш, даже ментально здоровый человек может ранить другого. Словами» – снова прорезался в моей голове Том.

«Слова не ранят до крови и не убивают» – возразил я.

«Смотря какие слова. Некоторые режут сильнее самого острого ножа. Вчера ты едва не обидел маму – если бы не извинился сразу, это было бы очень больно для нее. Слова могут убить человека, как и поступки. Не нужно бить или стрелять, чтобы уничтожить. Иногда достаточно сказать что-то или сделать – и вот человека уже нет. Он ходит, разговаривает, дышит. Но внутри останется выжженная пустыня. Нам надо стать более чуткими, следить не только за тем, что мы делаем, но и говорим. В тот момент, когда мы пойдем,

что даже слова имеют силу и тоже могут причинить боль, общество станет гораздо счастливее. А пока люди, которые решают вопросы кулаками или злыми словами, не дают себе труда подумать, как это ранит их жертв. Или понимают, но используют боль и страх других, чтобы добиваться своего. И да, такие люди действительно нездоровы. Остальным же нужно учиться эмпатии, сочувствию, умению ставить себя на место того, кто рядом. Стремиться чувствовать то, что чувствует он. Только так мы сможем не ранить тех, кто рядом с нами.»

Я согласился с Томасом, и отправился на улицу, где все уже садились на одау. Кажется, я действительно думал о мужчине хуже, чем стоит. Мне импонирует ход его мыслей о том, что люди не должны причинять боль – ни словами, ни кулаками. Что же, надеюсь, он сам придерживается своих слов и не станет вредить Евгению. Я не желал бы этого, да и причастным к такой несправедливости тоже быть не хочется. А камни парню положил именно я.

Мама уже взяла на буксир мой одау, пока папа и сестра разговаривали с нашим гостем. Они там шутили и смеялись. Исподтишка наблюдая за ними, я заметил, что Александра уже как-то иначе смотрит на Женю. Ну да, она еще вчера назвала его симпатичным, хотя это было странно. Сегодня же я заметил, что парень и правда располагает к себе.

Он открытый, смешливый, добрый. Да еще действительно симпатичный. В молодости у Евгеши пока нет залысин, ко-

торые впоследствии украсили его голову, лишив некоторой части кудрей. Еще он высокий, относительно мускулистый и подтянутый, а люди такого роста у нас редкость, да и по телосложению мы больше субтильные.

Вот папа тоже высокий и атлетического телосложения. Может, мама поэтому обратила внимание на Евгения? Папа в ее вкусе, значит, и Женя тоже. Правда, отец брюнет, что для Эдема тоже экзотика, а блондинов у нас и своих полно.

«Мальчик мой, не пытайся разобраться, что нравится женщинам, не ищи тут логику» – Томас, судя по его голосу, едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

«Хочешь сказать, я еще слишком мал для этого?»

«Хочу сказать, что это не удалось еще ни одному мужчине» – хмыкнул он.

Я тоже улыбнулся, а потом украдкой глянул на маму. А что если она тоже поглядывает на парня и находит его симпатичным? Александра вон уже прямо сияет, и только присутствие отца, кажется, останавливает ее от проявления явной симпатии к Жене. Но к счастью, маму больше волновала надежность буксира, нежели внешность нашего гостя. Так что я пока могу вздохнуть с облегчением. Ключевое слово – «пока».

Глава двадцать

четвертая. Сепарация

Как прошел полет я, если честно, не помню. Не люблю я летать, да и высоты боюсь. Поэтому мама все еще берет меня на буксир, хотя мальчишки в моем возрасте уже спокойно летают сами. Я не такой. Мне лучше твердо стоять на земле, чем парить в небе на ненадежной штуке. А ненадежное для меня все, что летает. Ведь если оно летает – то в любой момент может и упасть.

От того я и держусь во время полета поближе к маме. Только с ней или с папой я понимаю, что не упаду, родители этого не допустят. И потому переносу такие воздушные упражнения более спокойно. К тому же это возможность еще немного побыть рядом с мамой. Словно этот буксир – своеобразная пуповина, которая нас связывает. Да, я понимаю, что рано или поздно надо будет пуповину оборвать, понимаю, что я маменькин сынок... Но я ребенок, и мне пока еще можно. Не представляю, каково это – когда-то отделиться от родителей.

Как это возможно? Я живу благодаря им, и у меня вся жизнь с ними общая. Не верится, что когда-то это изменится, у меня появится отдельная жизнь, которой я не буду с ними делиться. Да я, если бы это было возможно, отдал бы

свою жизнь, те годы, которые мне отведены, поделил между родителями – лишь бы мама и папа были живы. И я знаю, что они испытывают то же самое в отношении нас, своих детей. Может быть, пуповина не рвется после взросления? Просто заменяется на ту, которая свяжет уже меня и моих детей... Но и к родителям я по-прежнему буду привязан. А как иначе?

– Мам, а как же люди могут отделиться от своих родителей? – спросил я вслух, хотя даже не планировал.

– Что ты имеешь в виду, мой хороший?

– Ну вот ты же когда-то тоже была всегда со своими родителями. Ты любишь их, как мы любим вас с папой. Как же ты смогла отделиться от них, уйти в другой дом? Скучаешь ли ты по ним?

– Родной мой, но сепарация – это естественный процесс. – улыbnулась она. – И это вовсе не значит, что в результате ты возьмешь и отделишься от нас совсем, построишь между нами стену и все. Но со временем ты все меньше будешь в нас нуждаться.

Мама стала объяснять, что же собой представляет связь между ребенком и матерью. Начала она с того этапа, когда дитя еще находится внутри. Тогда устанавливается связь с мамой, ведь в течение некоторого времени они являются единым целым. Мать чувствует ребенка, не только его движение внутри, но и настроение, хорошо ему или нет. Эта связь самая прочная и кажется, ее ничто не разрушит. Она

по секрету призналась мне, что папа даже завидовал ей в этот момент.

Но потом малыш рождается, и вот уже оба родителя получают возможность быть с ним. Их взаимная с ребенком любовь – безусловная. Но есть кое-что и помимо нее. Малыш нуждается в родителях, без них он просто не выживет. А папа с мамой, понимая это, заботятся о нем, защищают его. Включаются инстинкты, которые называют родительскими. А у ребенка активируется инстинкт выживания, который сообщает ему и привязанность к родителям. Все вместе укрепляет взаимную любовь.

– Что же получается? – удивился я. – Любовь рождается из инстинкта? Или из зависимости?

– В некотором роде из зависимости. Но это хорошая зависимость, естественная. Хотя, милый мой, момент рождения любви – такая же тайна, как и момент рождения души. Лично я просто считаю любовь безусловным инстинктом. Она появляется с нами на свет и живет в нас до последнего вдоха. Возможно, любовь – это и есть душа. Та самая искра, которая зажигает жизнь в каждом из нас. Без любви нет человека и нет жизни.

Я попытался понять ее слова. Итак, когда ребенок только появляется на свет, он нуждается в родителях, зависит от них. И любит их так сильно, как никого другого. Я помню себя лет трех-четырех. Тогда весь мой мир состоял из родителей и сестры. Я любил их так, что когда обнимал, то

меня всего будто переполняло солнечным светом. Так я тогда ощущал счастье. И когда мои родные радовались и улыбались, я маленький чувствовал себя необыкновенно большим, мне казалось, что я смогу обнять всю нашу планету сразу!

Я понимаю, что они чувствуют то же самое. Разумеется, совсем маленького себя я не запомнил. Но могу на примере Антея видеть, как на него реагируют родители. Как мама светится, когда малыш улыбается ей, лопочет что-то. Я помню, как у папы увлажнились глаза, когда брат сказал свое первое слово. И понимаю, что и со мной, и с Александрой, они испытывали те же самые прекрасные чувства.

Да даже можно вспомнить то будущее, которое показывал мне Томас. Когда я взял на руки своего ребенка, на меня накатила такая волна нежности – это даже неопишимо. Я понял, что милый маленький комочек – самое дорогое, что у меня есть. Мой маленький мир, который может заменить всю Вселенную. Словами это чувство описать невозможно.

Но вот комочек растет, учится поднимать голову, сидеть, ходить, говорить. Он уже не так нуждается в родителях, с каждым годом становится все более самостоятельным. Но любит их по-прежнему. Наверное это и правда безусловный инстинкт, который навсегда остается с нами, вне зависимости от возраста.

Со временем у нас отпадает нужда в защите и заботе родителей. Но не отпадает потребность в них самих. Они по-

прежнему остаются нашим миром, дороги нам. Любовь никуда не девается. Просто им уже не нужно о нас заботиться. Более того, наступает наше время проявлять заботу о них. Не из-за какого-то там долга. А просто потому, что мы их любим.

Мама вот в детстве завязывала мне шнурки, одевала, помогала во всем. И теперь, если она устанет, я не вижу ничего зазорного в том, чтобы присесть и помочь ей снять обувь, например. Да я даже не задумаюсь, а просто это сделаю. Потому что это – забота и некоторое проявление любви. Да, она проявляется и в таких мелочах.

В конце концов, я вижу в этом и некоторую преемственность поколений. Наши родители нас защищали и заботились о нас. Но это же взаимный процесс. Дети тоже могут позаботиться о родителях, как умеют. Я, например, всегда оставляю маме самое вкусное, даже если она говорит, что не хочет. Чем старше мы, тем больше у нас возможностей заботиться. И я не думаю, что эта взаимная забота – какой-то там долг. Нет, это не обязанность, а право сделать хорошо человеку, которого ты любишь. Просто со временем таких людей становится в твоей жизни чуть больше.

Но любовь к родителям и все ей сопутствующее остается. Даже если они уже не завязывают твои шнурки.

– Получается, сепарация – это просто признак того, что ты теперь самостоятельный? – размышлял я вслух. – Когда я буну жить отдельно, вам не придется обо мне заботиться,

за меня переживать. Но меньше любить мы друг друга не станем.

– Переживать за тебя и за твоих сестру с братом мы будем всегда, мой хороший. Как и вы за нас. Это тоже естественно. И любовь никуда не денется конечно же. Просто ты станешь взрослым человеком, сам будешь принимать решения, строить свою жизнь. Но от этого ты не перестанешь быть моим сыном, как я не перестану быть твоей мамой. Хотя мне пока еще тяжело представлять, что когда-то вы все выпорхнете из гнезда.

– Почему, мама?

– Процесс сепарации, Оксинт, проходят не только дети, но и родители. Тебе уже десять лет, но я до сих пор помню тебя совсем маленьким. Для меня ты такой же крошка, как и тогда. Александру я тоже помню совсем малюткой, хотя она уже почти взрослая девушка. Сложно посмотреть на вас другими глазами, увидеть, что вы выросли. Осознать это, осознать, что вам уже не нужна моя постоянная защита и понять, что вы сами контролируете свою жизнь. Это осознание придет, ведь таков естественный ход вещей. Но пока что у нас еще есть время побыть мамой и ребенком.

Я кивнул, а сердце сжалось. Мама не знает, как мало осталось этого времени. Она не успеет сепарироваться, не успеет увидеть меня взрослым, и еще много раз «не». А мне придется учиться жить без нее. Это так рано и несправедливо! За что мне такое?!

«Если бы знать ответ, малыш. Если бы знать, кто и за какие проступки посылает нам все эти трагедии» – печально прозвучал в моей голове голос Томаса.

Я почувствовал, как на глазах выступают слезы. Хорошо, на мне очки, защищающие от ветра, иначе мама бы забеспокоилась. Мама, мамочка, да почему же все так? Человеческая жизнь и так коротка! Да, мы, эдемчане, живем дольше землян – как минимум до ста, а то и вовсе до ста пятидесяти лет. Но это все равно так мало. Потому что любовью не насытишься впрок, что бы ни говорил Том. И все равно не успеешь все сказать, спросить, рассказать.

Так еще короче ее, жизнь человеческую, делают болезни, несчастные случаи, чужая злая рука. Это же просто ужасно, когда погибает человек в рассвете сил. Ему бы еще жить, радоваться, делать что-то хорошее. Но вдруг раз – и его нет. Это в лучшем случае. В худшем – ему еще приходится мучиться, терпеть боль. А его близким потом приходится учиться жить без него. Так тяжело, когда уходит любимый человек – я еще не испытал этого, не представляю в полной мере этой черной боли, которая на меня обрушится. Но и то, что я чувствую при мысли, что мамы не станет, уже ужасно. Зачем вообще существует эта любовь?

Ты живешь, встречаешь людей, привязываешься к ним, любишь. А потом они уходят, и тебя скручивает от боли. И так постоянно. Мне кажется, постепенно я начну отгораживаться от людей, чтобы не привязаться к ним, не полюбить.

И не испытать в итоге боль утраты. Ведь с годами придется терять все больше и больше, любить все меньше и меньше. Нет, лучше вообще не любить и не терять. Потому что даже все те восхитительные эмоции, которые дарит это чувство, не способны заглушить боль потери.

К тому же эта боль постоянная, от нее не избавишься, не забудешь, не убежишь. После того как Томас сказал, что маму нельзя спасти, я стал читать рассказы людей, которым пришлось пережить смерть близких. Все они говорят, что даже если удастся забыть о боли на несколько минут, потом она возвращается.

Возникает мысль: позвонить, рассказать что-то, спросить. Купить для родного человека его любимый десерт, цветы, сделать ему подарок. И тут же, как обухом по голове, ударяет страшное воспоминание: его больше нет. Натыкаешься случайно на его вещи, и вспоминаешь. Просыпаешься – вспоминаешь. И когда засыпаешь, и даже во сне не можешь забыть. А самое главное – куда бы ты ни отправился, чем бы ни занимался, эта боль всегда с тобой. Она не снаружи, а внутри тебя. Она становится частью тебя.

– Снижаемся, милый. – вдруг вернул меня в реальность голос мамы.

Я кивнул, и послушно стал сбавлять высоту. Протянул руку, чтобы снять очки, коснулся щеки и удивился тому, что она вся мокрая. Хорошо, мама не заметила.

Глава двадцать пятая.

Внезапное предложение

Я бы с удовольствием отправил Евгения сразу же медитировать, но родители решили устроить ему экскурсию по Эдемскому саду. Так что сначала мы дошли до экспозиции, напоминающей, что наши предки сотворили с Садроди. Я и так это место не люблю, мне здесь банально страшно. А после своего кошмарного сна в медпункте – тем более. Слишком напоминает эта безжизненная равнина то место, где мне во сне довелось оказаться.

Впрочем, дядюшке тут тоже не понравилось. Он даже вздрогнул, когда мы здесь оказались. Так что экспозицию мы скоро покинули, и отправились к месту для медитаций. Там мы оставили парня, и прошли на полянку неподалеку. Здесь родители начали обустривать место для пикника. Я же проследовал к ручью, который от нас отделяла небольшая просека, чтобы набрать воды.

Едва деревья скрыли меня от родителей, как подошел Томас. Я даже не удивился. В последнее время начал чувствовать, если он рядом. Мужчина объясняет это моим даром предвидения. Я же считаю, он настолько меня достал, что теперь и за версту на него аллергия откроется.

– Здравствуй, Оксинт. – церемонно начал Том.

– Слышались. – отозвался я, пробираясь к ручью.

– Сегодня ты молодец, сделал все, как я сказал. – на мою грубость он не обратил внимания. – Сейчас парень попытается помедитировать, у него ничего не получится. А потом я пошлю ему видение.

– Какое?

– Не самое приятное. Надеюсь, оно отобьет у него охоту как-то не так смотреть на твою маму. И в принципе у вас жить.

Я кивнул и подставил флягу под струю воды. Томас же дал мне дальнейшие инструкции.

– Когда вы отдохнете, идите обратно за Женей. Постарайся подойти к нему первым, разбуди его. Но будь начеку, так как вести он себя станет неадекватно. Можешь даже пощечину ему залепить, от меня и от себя. И главное, чтобы это все видели твои родители.

– Зачем?

– Будем работать по всем направлениям сразу. Я его напугаю, а ты продемонстрируешь своей маме, что парень не совсем в себе. Если уж она его не прогонит, то во всяком случае, желания крутить с ним роман у нее поубавится.

Я с уважением посмотрел на Тома. При всей моей к нему неприязни, он хороший стратег. Я-то думал, что сначала мы попробуем воздействовать на Евгешу. А он решил сразу подстраховаться, представить его не в лучшем свете в маминых глазах. Это очень умно.

– А мы успеем? Пикник – это надолго, часа на три.

– Течение времени в его видении я проконтролирую. Так что всё будет вовремя. И вот еще...

Он порылся в карманах и дал мне еще одну бусинку.

– Это я куда должен подкинуть?

– В спальню к родителям.

– С какой стати? Что ты собрался с ними делать?

– Это не для меня. Для тебя. Оставив эту бусинку в любом месте, ты при помощи своего камня сможешь видеть, что там творится. Думаю, тебе пригодится. Если что, смогу еще пару штук дать.

– А сколько их у тебя всего?

– Много, Оксинт. Я за ними специально на Власту летал.

– Понял.

Я пошел обратно, а мужчина остался у ручья. Настроение немного улучшилось. Майкл бы назвал это явление так: сделал гадость – на душе радость. Но я радовался вовсе не от того, что напакостил Евгению. Между прочим, мы его самого спасаем тоже – я прекрасно помню, как с ним поступит моя сестра. Улучшение настроения объяснилось просто – когда Томас начал помогать мне избавляться от опасности, стало немного легче. Теперь не нужно ломать голову над тем, что делать с Женей. У моего сообщника, кажется, все на десять ходов вперед расписано. И это внушает надежду на то, что мы справимся с этой бедой, неизвестно как свалившейся на нашу голову.

На полянке Александра уже спорила с родителями. Она волновалась, что мы не позвали на пикник нашего дядюшку и он останется голодным. Ох уж это женское желание всех накормить!

– Я ему предлагал. – улыбнулся папа. – Но Евгений слишком скромный. И так считает, что испортил нам отдых, поэтому категорически отказался принимать участие в нашем пикнике.

– Какой он чуткий! – восхитилась сестра. Я только закатил глаза.

– Да, хороший парень. – согласилась с ней мама.

Я встревоженно на нее глянул. Кажется, Томас очень вовремя решил испортить Жене репутацию. А то мама его уже хорошим считает! Хотя я, наверное, напрасно паникую. Она у меня добрая и привыкла видеть в людях только светлую сторону. Но все равно подмочить дядюшке реноме не помещает.

Отец тем временем успокоил Александру сказав, что мы оставим для Евгеша еду. А он присоединится к нам, когда завершит медитацию. Уж голодать ему мы точно не позволим. Сестра хотела что-то возразить, но тут у папы активировался арновуд. Он извинился и отошел в сторону, чтобы ответить на вызов.

Мы же расположились на травке и жевали бутерброды, которые папа с мамой приготовили на скорую руку, когда было принято решение отправляться в Эдемский сад. Папа вскоре

к нам вернулся.

– Семья! – улыбнулся он. – А как вы смотрите на то, чтобы провести пару дней на Нибиру?

Мы все уставились на него, и отец прояснил свое неожиданное предложение.

– Меня пригласили поучаствовать в научной конференции в ботаническом институте, послезавтра. Это займет два дня. Я буду занят с утра и до четырех часов, вы можете в это время гулять и развлекаться. А потом я буду к вам присоединяться.

Мы с восторгом встретили эту идею. Во-первых, мы все конечно же были горды за папу. Нибирийский ботанический институт – ведущий в области растительной науки. Там получают самое лучшее образование в этой сфере, а занятия ведут такие профессора, чьи имена даже я произношу с благоговением и трепетом. Еще там отличная лаборатория – я узнал об этом от отца. И разумеется, именно там происходят почти все значимые открытия в ботанике.

Но и папа ощутимо толкнул растительную науку вперед, хотя из врожденной скромности никогда не признает, что это так. Образование он получал на Земле, а потом еще учился на Эдеме, и в институте на Нибиру раньше бывал лишь как посетитель, но не уступит многим местным профессорам и академикам. Вот и это приглашение – прямое тому доказательство. Целых два дня, участник научной конференции! Это связано с недавними папиными открытия-

ми, благодаря которым обживание незаселенных планет станет еще более быстрым и комфортным. Так приятно, что нибирийцы оценили его знания и достижения по достоинству, пригласили к себе! Я всегда знал, что у меня гениальные родители.

Но не только это нас обрадовало. Поездки всей семьей – это всегда здорово. Мы сменим обстановку, но не расстанемся. И правда, так чудесно будет проводить время всем вместе и исследовать новый город. Я там бывал пару раз, но совсем маленьким, поэтому ничего не помню. Так что поездка обязательно будет интересной. Еще я непременно попрошусь на папины лекции. Люблю его слушать, хотя в целом к ботанике несколько равнодушен. Однако отец всегда вещает о растениях с таким заразительным вдохновением, что даже я увлекаюсь этой темой.

Мама с папой тут же начали обсуждать, что мы возьмем с собой. Отец сказал, что нам выделят комнаты в доме какого-то профессора. Вот тут я немного огорчился. Лучше бы нас в гостевой дом определили. Не люблю жить у чужих людей. Впрочем, пару суток можно и потерпеть. Тем более мы все равно будем гулять с утра до вечера.

– Ой, я же там новую одежду подберу! – радовалась сестра.

– Тебе эту девать некуда. – возразил я.

И это правда: Александра настоящая шмоточница. Уже и так выпросила у меня часть моего шкафа!

– Но там же совсем другая одежда! – привела она, по своему мнению, убийственный аргумент.

Однако я в ответ лишь пожал плечами. Одежда везде одинаковая, просто фасоны и цвета разные.

– Сменим обстановку, но останемся вместе. – улыбнулась мама.

Вот она думает так же, как и я. Это же чудесно, когда можно путешествовать всей семьей, вместе испытывать новые эмоции.

– Надо Евгению предложить с нами отправиться. – вдруг сказал папа.

– А он что, наша семья? – резко высказался я от неожиданности.

– Конечно. – отец удивленно посмотрел на меня. – Он же и твой дядюшка, и наш потомок.

– Я имею в виду, что не такой уж он нам и близкий родственник. – попытался выкрутиться я. – Раньше так вообще не слишком стремился с нами контактировать.

– То было раньше, сынок. Теперь, думаю, мы часто будем с ним общаться. И это будет прекрасная дружба!

Я вздохнул, и покачал головой. Вот если бы папа знал! Но я не могу ему рассказать о том, что мне известно. Однако понимаю, что если Женя поедет с нами, то ни к чему хорошему это не приведет. Кто знает? Может быть, в поездке они с мамой и сблизились. Папа будет занят большую часть дня, а Евгеша все время рядом. Нет, никак нельзя допустить, что-

бы он отправился с нами. И мне надо срочно посоветоваться с Томасом.

Однако как это сделать? Телепатически связаться с ним сейчас я не могу. Родители на меня посматривают с удивлением, и если я буду сидеть с отсутствующим или напряженным видом, это точно вызовет подозрение. На помощь мне, как ни странно, пришла Александра.

– Вода кончилась! – заявила она и потрясла пустой флягой.

– Я схожу. – обрадовался я и припустил к деревьям.

Томас уже ждал меня.

– Я в курсе. – сказал он, предупреждая мой рассказ. – Есть у меня одна идея. Когда она оформится окончательно, я сообщу тебе подробности. А пока пойду подготавливать плацдарм, чтобы наш внезапный гость не увязался за вами на Нибиру.

– Спасибо тебе! – обрадовался я.

Должен признать, что начинаю восхищаться Томасом. Буквально минуту назад образовалась проблема, а у него уже есть мысль, как ее решить! Мало того, что мой внезапный напарник предусмотрительный, так он еще и быстро соображает. Я не такой. Очень долго придумываю, да и все предусмотреть сразу точно не смогу.

А еще я почувствовал благодарность к Тому. Да, он меня достал и я его все еще побаиваюсь. Но он все это время рядом, поддерживает меня даже когда я ему грублю, срываюсь

на него. Еще и помогать начал. Удивительно: сейчас я готов сказать спасибо человеку, которого совсем недавно считал своим врагом. А неприязнь к нему значительно уменьшилась.

– Время идет, и не слова мои, но дела доказывают, что ты можешь мне доверять. И что я хочу тебе помочь. – улыбнулся мужчина. Ему явно было приятно, что мое отношение к нему изменилось. – А теперь иди. Твой папа хочет с тобой поговорить, и направляется сюда. Не надо, чтобы нас видели вместе и стали задавать вопросы.

Я кивнул, и с полной флягой воды отправился обратно. Навстречу мне шел папа.

Глава двадцать шестая. Как испортить чужую репутацию?

– Малыш. – позвал меня отец. – Что случилось?

– О чем ты?

– Ты будто бы не рад тому, что у нас гостит Евгений? Я удивлен, ведь обычно ты любишь гостей.

«Напомни про то, каким дядюшка был раньше» – подсказал Томас.

– Я просто вспоминаю предыдущую версию Жени. – послушно сказал я.

– Вот в чем дело! – лицо отца разгладилось. – Да, Оксинт, первое впечатление всегда очень сильное. Но поверь: того Евгеша уже не будет. Привыкай к новому, он хороший.

– Я стараюсь. Но еще... Мне бы хотелось провести больше времени с вами, в тесном семейном кругу.

– Мой мальчик, нам с мамой очень приятно, что ты нас так любишь. Однако в твоём возрасте дети уже часто имеют круг общения и вне семьи, редко сидят дома.

– Всему свое время. – повторил я любимую фразу Данила. – Вот начну вечерами пропадать, как Александра, еще захотите, чтобы дома сидел.

– И то верно! – папа даже рассмеялся. – Но милый, мы же не можем оставить Женьку одного. А в тесном семейном

кругу мы еще успеем побыть.

Я постарался скрыть гримасу боли, которая пронзила меня при этих словах. Просто кивнул и якобы отвлекся на застежку фляги. Папочка, ты даже не знаешь, как мало нам всем осталось быть вместе. А я не могу рассказать.

Но тут мы подошли к маме и сестре, поэтому наш разговор продолжать не стали. Да и зачем? Отец поставил вполне конкретную точку. Теперь вся надежда на Тома. Думаю, он понимает, что от меня в этой ситуации мало что зависит. Так что если он сработает нечисто, Евгеша полетит с нами, и... И что это я распереживался? Да и пусть летит! Я не могу его остановить. Но не отходить от мамы ни на секунду очень даже могу. У меня в этом занятии обширная десятилетняя практика. Они у меня наедине вообще не останутся!

Подумав об этом, я тут же успокоился. Зато признаки беспокойства стала проявлять сестра.

– А вам не кажется, что Евгений слишком уж долго медитирует?

– Ну это дело такое. – ответил ей отец. – Можно и сутки провести в медитации.

– Еще чего не хватало! Думаю, пора его забирать. Я бегаю?

– Давайте соберем нашу корзинку. – ответила мама прежде, чем я успел возразить сестре. – И все вместе пойдем.

Нехотя Александра подчинилась. Зато с ее помощью мы собрались почти моментально. Настолько ей не терпелось

поскорее оказаться рядом с Женей. Но мама поручила сестре нести Антея, что ее немного замедлило – с малышом на руках эта безголовая девчонка не носится. Так что в результате я вырвался вперед, и первый подбежал к дремавшему на кресле дядюшке, как и велел Томас.

А выглядит Женя неважно. Лоб покрыла испарина, глаза под закрытыми веками бегают туда-сюда, губы дрожат. Что же такое показывает ему Томас?! Я испугался за парня, начал его трясти. Он закричал и я, вспомнив о совете Томаса, залепил ему пощечину. Евгеша вдруг вцепился в меня.

– А ну стой! – крикнул он, распахивая глаза.

– Евгений, ты чего? – удивленно воскликнул я, пытаюсь отцепиться.

Парень проморгался, взгляд его стал более осмысленным. И хорошо, а то до этого у него такие бешеные глаза были, что я испугался еще сильнее.

– Блин! Прости, Оксинт, мне какая-то жуть приснилась. – покаянно произнес он.

– Это бывает. Я тоже иногда вижу очень страшные сны. – понимающе ответил я дядюшке, вспоминая свои видения.

К нам подошел папа, внимание Жени переключилось на него. А я украдкой глянул на остальную часть своего семейства. Не только мама, но и Александра с Антеем удивленно созерцали эту картину. Что же, надеюсь, они теперь будут опасаться нашего гостя. Может быть, мама даже уговорит папу не брать его с нами на Нибиру. Но что же он увидел

во время медитации? На что можно среагировать подобным образом?

Об этом я спросил у Тома, пока мы летели обратно. Он объяснил, что внушил Евгению, будто произойдет конец света, если тот по-прежнему будет околачиваться рядом с моей семьей. Что же, если это так – спасибо ему. Наверное, мужчина мне не соврал. Ведь выглядел дядюшка очень испуганным.

Полет домой прошел без эксцессов, только Александра усвистела гулять. Ну и ладно – спокойнее в доме будет. Мы же занялись своими делами. Я поспешил проверить бусинку, которую дал мне Том, и оставил ее в огороде. Туда вскоре отправился папа. Я засел в своей комнате и взял в руку камень. Томас не оставил мне никаких инструкций по поводу того, как именно я увижу, что творится в месте, где лежит бусина, так что придется импровизировать и догадываться своими силами.

Я закрыл глаза и тут же увидел отца, который копается в зелени. Он сорвал овощи к ужину, набрал укропа и поспешил в дом. Я же отправился на кухню, чтобы убедиться в верности этого видения. И правда – папа принес все те овощи, которые я видел. Значит, бусина и правда работает так, как сказал Томас.

Убедившись в этом, я отправился в огород, забрал камешек, и оставил его в комнате родителей, на полке со всяким декором. После этого снова отправился к себе, лег на кро-

вать. Взял камень. И вдруг увидел Тома.

– Здрасьте. – удивился я.

– И тебе привет. – кивнул он. – Предупреждая твои вопросы – у меня тоже есть такая бусина, как та, которую ты подложил в комнату к родителям. Теперь можно использовать ее для кратких сеансов связи, если наша телепатия вдруг сойдет.

– А почему телепатия должна сбиться?

– Потому что камни порой бывают своевольными и капризными. Если они заупрямятся, то придется ждать, когда этот всплеск пройдет, а в данный момент все возможности твоего или моего минералов будут недоступны. Кроме этого способа связи.

Я помолчал, переваривая информацию о новых для меня свойствах камня. Может, они еще и какой-то свой характер имеют? После кивнул и снова посмотрел на мужчину.

– Понятно. Что ты хотел сказать?

– Я хочу попросить тебя прийти ко мне после ужина. Обсудим мой план.

– А прямо сейчас мы его обсудить не можем?

– Нет. Ты говоришь вслух, и твои родители могут заинтересоваться, почему это их сын начал вести беседы сам с собой, да еще и на те темы, о которых им лучше не знать.

Я согласился с ним, и отложил камень. Связь прервалась. Итак, у Томаса уже есть план. И он даже хочет им со мной поделиться. Это он правильно делает: я должен убедиться в

том, что Евгению ничего не угрожает. Хоть парень и принесет нам страшное горе, я не хочу, чтобы кто-то страдал по моей вине. А Тому, несмотря на то, что я проникся к нему симпатией, по-прежнему доверяю не до конца.

Это пока все хорошо и гладко он такой замечательный. Но я прекрасно помню и его угрозы, когда не хотел делать то, что он скажет. К тому же у меня создается ощущение, что он, как бы сказала тетя Саша, берегов не видит. То есть, может зайти слишком далеко в своем стремлении решить проблему. За примером далеко ходить не надо – как он напугал сегодня Евгешу! С одной стороны это и хорошо. Может, теперь парень действительно постарается от нас скорее убраться. Но с другой – Томас легко может переусердствовать и напугать его так, что он зайкой останется. А никаких негативных последствий нам не нужно.

Ужинать мы сели без Александры. В последнее время она все чаще выбирает прогулки с друзьями, нежели вечер в кругу семьи. Если честно, меня это огорчает. Все-таки хорошо, когда мы все вместе. Успеем еще разбежаться в разные стороны. Однако у всех свои приоритеты и мнение на этот счет. Наверное, это и есть сепарация.

После ужина я предупредил маму, что прогуляюсь. Возможно, Томас будет против того, что я ставлю родителей в известность о своих отлучках. Но мне не хотелось, чтобы она снова не находила себе места и волновалась по поводу того, где я. Я вообще стараюсь, чтобы родители как меньше за ме-

ня переживали. У них и так поводов для волнения хватает.

В этот раз я снова шел совершенно бесшумно, надеясь опять застать мужчину врасплох. Однако сегодня Том ни с какими природными элементами увлекательные беседы не вел, а просто читал какую-то книгу. Я даже различил знакомые буквы и удивился. Хотя что в этом странного? Наверняка он не потащил с собой литературу с собственной планеты, а обзавелся местной. Про то, что он владеет нашим языком, я уже как-то догадался – мы же не на китайском говорим. Возможно, он полиглот. А может быть, использовал вавилонское растение, которое когда-то вывел отец⁶.

– Так и есть. – согласился Том с последним моим мысленным предположением. – На основе Раэли сделают капсулы⁷. Приняв такую, ты будешь понимать чужие языки – устно и письменно. Очень удобная штука!

– Еще бы.

Тетя Саша как-то рассказывала, что в земных школах учат иностранные языки и далеко не все дети хорошо успевают по этому предмету. Речь не о Майкле: он более развит, поэтому на данный момент знает уже два языка, кроме русского, и останавливаться на этом не собирается. Но вот другим детям часто наука в голову не лезет.

Я тогда посочувствовал им и посетовал, что нельзя всех детей поголовно накормить Раэли. Однако тетушка сказала,

⁶ Качели времени. Обратный отсчет

⁷ Качели времени. Обилие времен

что это не выход из ситуации. Во-первых, будет странно если вчерашний троечник, путающий времена и род, вдруг заговорит на английском без акцента. Во-вторых, по ее мнению, что легко дается, то не ценится. «Выучив» язык таким образом, человек не получит ни радости, ни удовлетворения, ни стимула к дальнейшему саморазвитию.

Помню, ее речь тогда на меня подействовала благотворно. И хотя у меня, в отличие от земных детей, есть доступ к вавилонскому растению, я его не принимаю. Да, мне трудно учить другие языки. Однако я это делаю и даже самый маленький успех для меня – большая победа.

– Итак, малыш, ты готов слушать? – выдернул меня Томас из мыслей.

Я кивнул и уставился на него во все глаза. План мужчины был прост и потому имел все шансы на успех. Он хотел, используя бусины, которые я подбросил Жене, выманить того из города. Наше поселение окружают поля, на которых мы выращиваем зерновые, бобовые, овощи, фрукты и ягоды для местных жителей. Простираются поля на несколько километров кругом, до следующего города. Там часто работает папа.

И там Томас вырыл яму. Не слишком глубокую, но такую, чтобы провалившись туда, человек не смог выбраться самостоятельно. Теперь он хочет, чтобы Евгеша в эту яму упал и просидел там, пока мы не улетим на Нибиру. План, как я уже сказал, достаточно простой и от того есть высокая веро-

ятность того, что все пройдет как по маслу. Ведь чем меньше сложносочиненных деталей и моментов, которые нужно подгадать, тем проще воплотить задуманное в реальность. Однако у меня появились некоторые вопросы.

Глава двадцать седьмая. Из жалости я должен быть суровым

– Что тебя смутило, Оксинт?

– Пойдем с самого начала. Ты уверен, что Евгений попадется на эту удочку и действительно пойдет туда, куда ты хочешь его выманить? Как вообще ты собрался действовать?

Томас приступил к объяснению. Оказывается, функционал бусинок, если можно так выразиться, более обширен, нежели я мог себе представить. С их помощью мужчина послал дядюшке страшное видение, но оказалось, что они же помогут ему проникнуть в разум Жени, выдать чужие желания за его собственные. Нет, это не аналог заклятия «Имперриум» из одной земной сказки. Однако очень похоже.

– Евгений ведь говорит, что понять цель его очередного путешествия помогает внутренний голос. – заметил Том. – А бусинка позволит мне выдать себя за этот внутренний голос, который продиктует парню, куда идти. Он подумает, что его зовет интуиция и побежит как миленький.

– Да уж. Страшная вещь эти камни. – поежился я.

Ведь если так подумать, они могут стать чем-то вроде психологического оружия. Мало ли кто и что захочет кому-то внушить! А еще, мне кажется, минералы даже с ума способны свести. Человек думает одно, а вредитель нашептывает

ему совершенно противоположные мысли, которые воспринимаются как его внутренний голос. Так и до шизофрении недалеко.

– Да, в определенных руках – очень страшная. – согласился со мной мужчина. – Но для нас они полезны. Ведь мы никому не хотим причинить вреда, а напротив: спасти всех от очень кошмарного будущего.

– Рад, что ты придерживаешься такой точки зрения. Следующий вопрос: уверен ли ты, что туда не свалится кто-то раньше Евгеша? Очень не хочется, чтобы кто-то пострадал. Да и чтобы он свернул себе шею – тоже не хочется.

– Уверен, малыш. Сейчас там мои бусины, и я краем глаза слежу, чтобы никто не шлялся рядом. А после нашего разговора лично туда отправлюсь и буду отгонять случайных прохожих, если они вознамерятся там появиться. Женя тоже не пострадает: я позаботился о том, чтобы его приземление было мягким и накидал туда достаточно сена.

– А если он заметит яму и обойдет ее?

– Во-первых, я ее замаскировал. Во-вторых, благодаря тем же бусинкам я приведу его прямо в нее.

– Хорошо. А он точно не выберется?

– Нет. Я принял меры.

– Надеюсь. Последний вопрос: а как быть с родителями?

Они наверняка забеспокоятся, будут звонить ему...

– Оксидент, ты гений! Я совсем забыл, что у вас есть арновуды. Надо вывести из строя его аппарат. Как это сделать,

учитывая, что ваша техника почти никогда не ломается?

– Я могу пробраться к нему в комнату ночью и отключить прием сети. – неожиданно даже для самого себя высказал я идею.

– Снова снимаю шляпу перед твоей гениальностью. Ты точно сможешь это сделать? Или же лучше я займусь решением вопроса?

– Нет. Он может тебя услышать, да и собаки не пропустят чужака. А вот я хожу бесшумно, да и в случае чего всегда смогу найти оправдание своему пребыванию в гостевой комнате.

– Действительно. Что же касается твоих родителей – просто выскажи предположение, что Евгений наверное занимается тем, что помогает кому-то. Или вообще уже отправился в очередную эпоху. Думаю, такое объяснение их удовлетворит.

– Вероятно. Он же и сам говорил, что перемещается сразу после того, как выполнит задание.

– Вот именно. Жене придется провести ночь в яме, но это не страшно, у вас тут тепло. А утром, когда вы улетите, я его вытащу и объясню, почему ему нельзя оставаться рядом с вами.

– Ты расскажешь ему правду?

– И покажу. Он умный парень и знает, что со временем не шутят. И, думаю, смоемся куда-нибудь еще до вашего возвращения. Надо было сразу говорить в лоб, но я надеялся,

что он понимает намеки...

– Они у тебя слишком тонкие, а в нашем роду изящностью мысли никто не отличается.

Томас фыркнул и кивнул. Потом показал в сторону дома.

– Тогда, Оксинт, на этом все. Ты выводил из строя арновуд вашего гостя, я же пойду караулить яму.

– Завтра утром я пойду с тобой. – хотя я уже больше верил в то, что Том не причинит вреда Евгеше, хотел лично в этом удостовериться.

– Я не стану препятствовать.

Пожелав ему спокойной ночи, дважды гений в моем лице, удалился в свою опочивальню. То, что мужчина не запретил мне завтра идти с ним и проследить за тем, как Евгеша ухнет в яму, доказывало, что он не причинит ему вреда. Но удостовериться не мешало.

Подходя к дому, я посмотрел в окна спальни и увидел родителей. Они о чем-то говорили. Интересно, о чем именно? Впрочем, у меня есть камень, и я могу незримо поприсутствовать при их беседе. Вдруг они беседуют о Евгении? Сев на крыльцо, я достал минерал.

– Иксион, меня тревожит твой гость. – произнесла мама.

Я возликовал. Вовремя я решил узнать, что происходит в родительской комнате. Я замер в ожидании ответа папы. Однако отец не спешил говорить. Он уставился на волосы, которые мама расчесывала перед сном, и словно завис.

– Милый. – мама улыбнулась, и помахала рукой перед его

глазами.

– А? – отец вынырнул из воспоминаний.

– Твой гость, Евгений... Он вызывает у меня беспокойство.

Мама подробно поведала, что ей кажется странным, а я порадовался. Да, она явно сейчас не влюблена в нашего гостя и даже считает его опасным для нас. Спасибо Томасу – это благодаря ему удалось добиться такого эффекта.

– Я понимаю твои опасения. – произнес отец. – Поведение Евгения действительно выглядит странно. Но я думаю, тут нет ничего такого...

Отец предположил, что Женя уже знаком с нами будущими и его нынешние странности связаны с тем, чтобы не ляпнуть лишнего или не изменить ход истории. Честное слово, если бы я не знал, кто делает Евгешу странным в глазах родителей, я бы и сам поверил в это. Мама вот поверила.

– Может быть. – задумчиво кивнула она. – Это и правда многое объясняет. Но почему он просто не сказал нам об этом?

– Кто его знает? Может, думает, что нельзя. Александр, будучи агентом Хроносов, тоже не слишком распространялся о своих приключениях. В любом случае, я верю Евгению. А если вспомнить, как сильно он мне помог, когда нас похитил Гедеон... Он мне тогда жизнь спас.

– Хорошо, милый. Думаю, ты прав.

– Но если тебе неспокойно, мы можем подыскать ему ме-

сто в гостевом доме...

– Не нужно. Я испытывала тревогу, но ты меня успокоил. Пусть мальчик остается. В конце концов, он нам не чужой – наш потомок, и дядя нашим детям одновременно. А родственников в гостевой дом мы отселять не будем!

Я расстроено вздохнул. Ну вот! Папа убедил маму, что все в порядке. И этим перечеркнул все наши с Томасом труды. А ведь как было бы славно, если бы парня отселили! Хотя сомневаюсь, что мама кардинально поменяла к нему свое отношение. Думаю, она еще будет к парню приглядываться, и вряд ли с первого же взгляда завтра влюбится в Евгения. А вот кстати и он. Интересно, слышал ли дядюшка разговор родителей? Пришел-то он с их стороны. Я поспешно спрятал камень в карман.

– Не помешаю? – спросил Евгеша.

– Неа. Садись.

Я отодвинулся, освобождая для него место. Надеюсь, с разговорами Женя приставать не станет. Однако он так на меня уставился, что я понял: надежда скончалась, не приходя в сознание. Парень поинтересовался, рассказывал ли отец, как они познакомились. Я отрицательно покачал головой, а он стал вспоминать, что папа тогда был в моем возрасте и они оказались не в самой простой ситуации.

Это я уже знал. Дальше Евгений сообщил, что будучи на тот момент не самым хорошим человеком, все равно постарался помочь моему отцу, защитить его, даже не зная, что

они родственники. Говорил что-то об инстинктах, а я все никак не мог понять, к чему мне эта информация.

– Зачем ты мне об этом рассказываешь? – спросил я.

Женя удивленно посмотрел на меня и покачал головой.

– Да к тому, что первостепенная задача любого взрослого, если он оказался рядом с ребенком, попавшим в беду – оказать ему всю возможную помощь. Даже если это не твой ребенок. – слово в слово повторил он то, что ранее сказал Томас. Я даже вздрогнул, но парень вроде этого не заметил. – Оксинт, я вижу, что тебя что-то гложет. И если ты не можешь по этому поводу обратиться к родителям – я готов тебе помочь.

– Да я не...

– Подожди, пожалуйста. Я не требую, чтобы ты открылся прямо сейчас. Хотя иногда посторонним все рассказать проще, чем родным. Но уважение и доверие надо заслужить, и я это понимаю. Однако запомни, пожалуйста: я к тебе очень хорошо отношусь, и зла тебе не желаю. И готов помочь без осуждения и чтения нотаций. Запомни это, пожалуйста. Ладно?

– Угу. Но мне спать пора. Спокойной ночи, Евгений.

– Спокойной ночи, Оксинт.

Я поднялся и пошел в дом, а Женя остался на крыльце. Меня обуревали смешанные чувства. Сначала Евгеша меня напугал, повторив те слова, которые я слышал от Томаса. Правда, звучали они в его исполнении более искренно. Но я

на секунду вдруг подумал: а что если он подслушал тот наш разговор? Хотя нет, Том бы это не допустил. Энергетически он более развит, чем дядюшка.

Но потом Евгеша даже тронул меня, когда предложил свою помощь. Жаль только, что он ничем не сможет нам помочь. Даже напротив: станет источником огромного несчастья нашей семьи. Вспомнив о том, что может случиться по его вине, я тут же перестал испытывать к парню любые положительные эмоции и решил, что точно не стану с ним откровенничать. Пусть Томас расскажет ему, что натворит Евгений в итоге.

Кстати, а почему для этого надо выжидать целые сутки? Он может просто выманить его завтра из дома и поговорить. Думаю, дядюшка, если он и правда поверит в то, что может случиться, не станет оставаться тут ни секунды, и вообще смоемся сразу же после разговора. Надо будет спросить об этом у Тома.

– Ты вернулся, солнышко? – в мою комнату заглянула мама.

– Ага. – улыбнулся я ей.

Она села у моей кровати, такая родная и любимая, такая дорогая для меня. Как мне страшно понимать, что я ее потеряю. И еще страшнее – знать, что это случится не когда-то в гипотетическом будущем, а совсем скоро.

Но я постарался отогнать от себя такие мысли. Во-первых, незачем отравлять быть может последние счастливые

дни тем, что потом придется испить сполна. Во-вторых, сейчас мне нужно сосредоточиться на том, чтобы не уснуть, но притвориться спящим. А когда мама уйдет, я смогу заняться арновудом нашего гостя.

Так что вскоре я уже лежал с закрытыми глазами и изображал ровное дыхание. Мама посидела возле меня еще немножко, поправила одеяло и коснулась губами моего лба, а потом ушла. Я же подождал несколько минут, а после прокрался в комнату Жени и замер на пороге. Все-таки он и правда тронул меня своей речью. Жалко даже, что придется посадить его в яму. Однако это малая плата за то, чтобы не случилось всего, что может произойти по его вине. А раз так, то как говорится в одной пьесе: из жалости я должен быть суровым⁸.

⁸ В. Шекспир «Гамлет»

Глава двадцать восьмая.

Шалость удалась

Моя ночная вылазка прошла успешно и теперь Евгений, даже при всем желании, не мог бы никому позвонить. Перед сном я связался с Томом при помощи камня и поинтересовался, почему он сразу не может побеседовать с Женей, не выдерживая его, как шашлык в маринаде, целые сутки в ловушке. Ответ меня удивил.

Оказывается, мужчина постоянно проверяет при помощи своего камня, как будет развиваться мое будущее. Он напомнил о том, о чем постоянно говорит Даниил. Время – материя хрупкая и даже совершеннейшая, на наш взгляд, мелочь, может изменить его ход до неузнаваемости. Поэтому практически каждый день Томас смотрел, как складывается моя судьба в будущем.

И в один далеко не прекрасный момент он увидел то, что потом пришлось лицезреть и мне. Мамы нет – но и папы тоже, а мы с сестрой живем на Земле. Мужчина встревожился и решил посмотреть, что и когда пошло не так. Он путешествовал назад в истории и понял: все изменила любовь, которая зародилась между Женей и мамой. Следовательно, нужно держать Евгения от нас подальше.

– Твоя изменившаяся судьба не повлияла бы на существо-

вание Вселенной, только на вашу с братом жизнь... Но я подумал, мальчик мой, что хватит с тебя и тех страданий, которые тебе уже известны. Незачем отбирать у тебя все. Поэтому решил помочь всем, что в моих силах.

Эти слова меня тронули. Все же Том заботится не только о себе, как я думал поначалу. Впрочем, еще неизвестно, как бы я себя вел на его месте. Живешь себе, не тужишь, рядом родные и любимые люди... И вдруг узнаешь, что всего этого, да и мира в целом, может не стать по вине какого-то мальчишки еще до твоего рождения! Очень может быть, что я тоже боролся бы за свою жизнь как мог!

Однако я отвлекся. И так, Томас узнал, что моя судьба может кардинальным образом измениться. И, хоть его будущее останется прежним, решил обо мне позаботиться. Для этого он стал наведываться в другие времена и приглядывать за Евгением. Поначалу он хотел предотвратить его путешествие к нам, чтобы и вовсе с ним не возиться. Но не мог этого сделать – он же не всемогущий, да и переносят парня не Хроносы.

– Так что в итоге он тут оказался. А я еще и сплеховал. Увы, я не разведчик, поэтому твой дядюшка несколько раз меня замечал. Так что, думаю, если я просто завтра к нему подойду с предложением поговорить, то и по морде могу получить.

Я засомневался в том, что Евгеша прямо так с ходу зарядит в лицо незнакомому человеку. Он и в прошлой-то версии

себя, которую, кстати, я помню уже хуже, чем раньше (вот оно – влияние временной материи!) не производил впечатление человека, способного кому-то врезать. Нет, я вовсе не имею в виду, что дядюшка слабак и трус. Просто он и словами мог задеть человека похлеще кулаков.

Новый Евгений выглядит, конечно, несколько внушительнее, да и сила в нем ощущается. Но в то же время он спокоен, адекватен, так что вряд ли начнет разговор с мордобоя. Впрочем, Томас прав в отношении того, что парень вряд ли станет его слушать. Наверняка мужчина со своей физиономией уже изрядно надоел Евгеше, как и мне. А потому тот скорее пошлет его подальше, чем к нему прислушается.

– Но как же ты собрался говорить с ним после ямы? – удивился я. – Или надеешься, что пробыв сутки в ловушке, он станет более к тебе лоялен?

– О нет, мой мальчик. В сказки я давно не верю. – усмехнулся мужчина. – Но когда он будет сидеть на одном месте, мне будет легче рассказать и показать Жене при помощи бусин то, что случится. А потом я предложу ему прислушаться к собственной интуиции. Она-то и подскажет, что я не обманываю парня. Заодно он поймет, что я ему не враг.

– Томас, а может, камни все же ошибаются? Или показывают лишь один исход из возможных? Может, мама останется жива, Евгеша в нее не влюбится и все будет хорошо? Ведь бывает так, что все ошибаются! И будущее – это не одна определенная линия, а лишь вариант из бесконечности воз-

можных. А?

Хотя я уже смирился с тем, что мамы не станет, во мне все еще жила надежда. То самое «а вдруг», которое есть, я уверен, у любой гуманоидной формы жизни. Может, я прав и ничего того, что я видел, не случится? Но тут я наткнулся на взгляд Тома и понял – нет. Ответ будет отрицательным. В его глазах стояли слезы, и он не спешил говорить. А когда все же начал, то делал это, тщательно подбирая слова.

– Мой хороший мальчик, я хотел бы ответить утвердительно. Мне больно и трудно гасить надежду в твоём сердце, я понимаю, как страшно тебе это слышать и ощущать. Но если я сейчас обнадежу тебя, не имея на это никаких оснований, в будущем тебе будет гораздо больнее. Увы, Оксинт, ошибаются только люди, но не камни. И из всех возможных исходов они показывают единственно верный. Я знаю, как больно тебе это слышать. Ты невероятно сильный паренек, и сложно представить, как ты это все переносишь. Но помогать тебе ложью я не стану. Я к тебе привязался за это время и всем сердцем желал бы тебе счастья. Потому и не скажу то, что ты так хочешь услышать. Ведь потом это может и убить тебя. Я не хочу этого.

Я кивнул и, попросившись, закончил наш сеанс связи. В очередной раз горло сдавила тоска – и нет, это не преувеличение. У меня теперь часто возникало ощущение, что в глотке застрял камень, из-за которого мне сложно не то, что глотать – даже дышать. И я знаю, что это ощущение возникает,

когда мне плохо морально. А сейчас мне настолько плохо, что словами не описать.

Недавно я прочитал такое мнение, будто бы в детстве потерю родителей переживать легче. Ребенок якобы чувствует иначе. Интересно, почему? Вроде бы душа и сердце у меня те же, что у взрослого человека, только менее «потасканные», как выразилась бы Александра. Так почему же я должен чувствовать иначе? От чего мне должно быть легче? От того, что я не понимаю произошедшей трагедии, как было написано там же? А я дурачок, что ли? Конечно же это понимание есть и у детей.

Скажу даже больше: это страшно, а не только горько и грустно. Да, чем дольше с нами родители, тем больше мы не мыслим свою жизнь без них. Но когда ты ребенок, то в принципе жизни без них не знаешь. У взрослого человека есть работа, своя семья, собственные дети. У меня есть только родители и сестра с братом. Так что когда ребенок лишается одного из родителей – он лишается половины своего мира, половины своей жизни. Это ничуть не легче. Просто некоторые взрослые почему-то считают, что дети меньше ощущают и понимают. Почему? Я не знаю. С годами можно нажать болезни, долги, врагов и опыт. Но чувства с нами с пеленок.

И спасибо Томасу за то, что в последнее время, кажется, он это понял. Поначалу он тоже не слишком уважительно относился к моим эмоциям. Сейчас же потихоньку начинает осознавать, что перед ним такой же человек, и нет у него

никакого преимущества в том, что он просто старше меня в данный момент. Это вообще не его заслуга.

Сейчас Том действительно поддерживает меня и, так как делает это с уважением, его общество меня уже не так тяготит. А известие о том, что он беспокоится о моем будущем, проверяет, что там творится, да и желает помочь, хотя нынешняя ситуация никак ему не навредит, повысило мою к нему лояльность в несколько раз. Все-таки он лучше, чем мне казалось.

Едва я успел додумать до конца эту мысль, как меня одолел сон. Однако пребывать в объятиях Морфея пришлось недолго, и вскоре будильник мелодично пропел подъем. Проклиная все на свете, с закрытыми глазами я поплелся к умывальнику. Пора уже завязывать с ночными бдениями: в последнее время мне совершенно не удастся выспаться.

То не могу уснуть от горя и страха, то разговариваю с Томасом – лично или мысленно. Или вот, как сегодня, ломаю дядюшкину технику. А утром приходится вставать в школу. Но ничего, надо потерпеть еще немного. Сегодня мне вроде бы не надо чем-то заниматься ночью, а завтра мы улетим на Нибиру и там никто не помешает выспаться как следует.

Однако организм не хотел терпеть – он мечтал лишь о том, чтобы снова оказаться в постели и задержаться там примерно до полудня. Конечно, можно было бы попросить родителей снова оставить меня дома отсыпаться. Но нельзя постоянно так делать, да и отставать в школе мне бы не хотелось.

Тем более папа и мама обязательно заинтересовались бы, почему их ребенок не спит по ночам. А им такая информация ни к чему.

Поэтому я быстро привел себя в порядок, и вышел к столу, за которым уже собралась вся семья. Отец спешно завтракал, да и сестра подгоняла меня. Обычно мы ходим в школу вместе, но сегодня мне надо было от нее отвязаться, чтобы проследить за тем, как Томас заманит в ловушку Евгения. Поэтому я придумал, что хочу зайти записаться в фотокружок. А он находится в другой стороне от школы. Александра поверила и улетучилась следом за папой. Я же подумал, как мне повезло, что сегодня у меня уроки начинаются позднее. Иначе сестра бы меня пинками в класс загнала. Да я и сам прогуливать не люблю.

Но все удачно сложилось. Поэтому вскоре я уже прощался с мамой до обеда, поправляя на плече школьную сумку. Для конспирации, выйдя из дома, я прошел метров двести в сторону, где находится досуговый центр. Но оказавшись в кустах, тут же свернул на другую дорожку и вскоре уже встретился с Томасом. Тот поздоровался со мной кивком головы, и велел следовать за ним.

Мы пришли обратно к дому и заняли наблюдательную позицию. Мужчина закрыл глаза и я понял, что ему сейчас лучше не мешать. Примерно через десять минут на крыльце показался Евгений, и последовал по направлению к главной улице. В этот же момент Том открыл глаза, и мы вместе по-

следовали за дядюшкой.

Парень уверенно двигался к окраине, а мы перебежками двигались за ним. К счастью, Женя не оглядывался, иначе мог бы нас увидеть: не только Томас не обладает навыками разведчика. Хотя дедушка Антей учил меня основам маскировки, я не слишком далеко ушел в их освоении от своего подельника.

Наконец, город остался позади, и тут нам пришлось сложнее. Все-таки в открытом поле особо негде спрятаться. Пришлось падать в пшеницу и преследовать Евгешу таким образом. К счастью, продолжалось это недолго, а то колосья мне уже весь нос исщекотили и я едва сдерживался, чтобы не чихнуть.

Парень вдруг взмахнул руками и провалился под землю. Я было рванулся к нему, но Томас, явно ожидавший подобной реакции, схватил меня за воротник. Я оглянулся и кивнул, после чего он убрал руку. Итак, шалость удалась.

Глава двадцать девятая. Ты можешь мне все рассказать

Передвигаться ползком теперь не было никакой необходимости, поэтому мы встали в полный рост. Я подошел чуть ближе и увидел края ямы, из которой доносилась брань. Томас усмехнулся, а я озабоченно глянул на него.

– Ты уверен, что с ним все будет в порядке? – уточнил я на всякий случай.

– Да. Завтра я его вытащу. – кивнул мужчина.

Я хотел задать еще один вопрос, но тут нас бесцеремонно перебили.

– Эй! Оксинт! – заорал дядюшка. – Помоги мне!

Том приложил палец к губам, и мы на цыпочках отошли от ямы. Однако какой у Евгения хороший слух! Мы ведь не кричали на все поле, просто беседовали, а он все равно нас услышал. Так что молчали мы, пока не вернулись в город.

– Ты уверен, что он ничего себе не сломал? – все-таки поинтересовался я.

– Поверь, мой дорогой, тогда бы он орал иначе. Но теперь мне пора пойти отдохнуть – я всю ночь не спал, карауля эту яму. А тебе пора все-таки записаться в кружок фотографии, чтобы подтвердить свое алиби в случае необходимости.

Я, если честно, уже и забыл о том, что соврал за завтра-

ком. Однако предусмотрительный Томас помнит все за нас двоих, за что ему спасибо. Поэтому я отправился в досуговый центр, посмеиваясь по пути. Просто представил себе, как мой напарник всю ночь сидит у ямы, в которую никто и не собирается падать. Забавное, должно быть, зрелище!

В кружок я записался, и довольный поспешил в школу. Если честно, давно уже хотел освоить фотографию. Может быть, успею побольше фото мамы сделать, прежде чем... Как всегда, вспомнив о том, что случится, я помрачнел. Мне сложно, практически невозможно представить, что все это произойдет на самом деле. Пока мама бодра и весела, кажется, что эта страшная болезнь, в результате которой мы ее потеряем, никогда не проявится. И я бы все отдал, чтобы так оно и было!

Но с другой стороны я понимаю, что это неизбежно. И не представляю жизни без нее, даже невзирая на то, что я видел эту будущую жизнь. Так странно одновременно понимать, что все случится, но и не ощущать реальность происходящего до конца. Вероятно, это какая-то психозащита? Однако если честно от такой двойственности собственных чувств, я уже иногда думаю, что схожу с ума. Не хотелось бы, чтобы так оно и было! Хотя говорят же, что умалишенные – самые счастливые люди, не знающие скорбей этого мира.

Погруженный в столь мрачные раздумья, я отсидел все уроки, а потом с сестрой отправился домой. Родители, занятые сборами, не сразу обратили внимание на то, что от Ев-

гения нет никаких вестей. Мы уже и пообедали, и собрали свои вещи, а парня все не было. Впрочем, мне удивляться нечему. Томас молодец, хорошо постарался.

Но вот папа через пару часов стал проявлять беспокойство. Он попытался позвонить дядюшке, но тот, конечно же, не ответил ему. Хотя почему «конечно же»? Честно говоря, я немного опасался, что Женя починит арновуд. В конце концов, если я отключил прием сети, значит, его и включить можно. Но парень оправдал мои ожидания и, как всякий нормальный человек, инструкцию к арновуду еще не прочитал. Я вот сам сделал это только тогда, когда мне было отчаянно скучно на перемене в школе.

Папу молчание нашего гостя озадачило еще больше. Он уже начинал всерьез о нем волноваться, и к нему присоединилась Александра. Мы же с мамой убеждали наших паникеров в том, что ничего с Евгением страшного не случилось. Одному Антею не было до наших треволений никакого дела. Яблочное пюре в качестве полдника интересовало его гораздо больше.

К огромной радости я отметил, что маму судьба нашего гостя особо не интересует. Более того: она сама, прежде чем это сделал я, предположила, что Евгеша наверняка уже убыл на выполнение следующей миссии. Получается, парень не успел ее заинтересовать, раз она так спокойно отнеслась к его предполагаемому «отъезду». Вот и славно.

– Жаль. – огорчился папа, который тоже решил, что дя-

дюшка отправился путешествовать дальше. – Я даже не успел с ним попрощаться.

Я пожал плечами, намереваясь сказать, что при такой профессии Женя наверное всегда уходит по-английски, как вдруг...

– Всем привет! – обозначился в дверном проеме тот самый Женя, и весело помахал саперной лопаткой.

Выглядит он кошмарно! Весь измазанный в земле, как будто он нарочно обтирался о стены ямы, да еще и в волосах цвета соломы торчит сено. Ну и лопатка в руке, тоже измазанная землей, дополняла картину. Мои домашние, конечно, обалдели. Но если отец и сестра смотрели на нашего гостя с радостью, то мама – просто с удивлением. А Евгеша оглядел всех нас и на мгновение задержал взгляд на мне. Или показалось?

Родители стали наперебой расспрашивать его о том, что же случилось. Женя поведал им, как гулял за городом и упал в яму. Я было выдохнул: он, кажется, не понял, что я в этом замешан. Хотя он же звал меня на помощь! А, наверное, подумал, что ему показалось. Вдруг это был какой-то другой мальчишка, который просто обладает похожим голосом.

Евгеша же рассказал, что освободился при помощи саперной лопатки. Я ушам своим не поверил: да как же можно всего за пару часов вырыть ступеньки, чтобы выбраться из достаточно глубокой ямы? Удивление мое было настолько сильным, что я этот вопрос озвучил. Парень странно посмот-

рел на меня, а потом широко улыбнулся.

– Как говорят у нас: хочешь жить – умей вертеться. Вот и пришлось поработать землекопом. Рядом ведь не было никого, кто мог бы мне помочь... Или, хотя бы, позвать на помощь.

Сказал он это безо всякой эмоциональной окраски, однако вся кровь бросилась мне в голову. И дураку понятно, что он все-таки знает: это я был на поле и удрал. Сейчас еще и родителям расскажет. Что же мне делать? Притвориться, что меня там не было? Или сказать, что я просто испугался и потому убежал? Ну да – я его не особо испугался, когда Евгений возле меня полумертвым свалился, а тут от чего-то в ужас пришел.

О! Скажу, что я его не слышал. Теперь надо придумать, что я вообще делал в поле. Но кажется, спрашивать меня никто не собирался. Дядюшка попросил полотенце и потопал в летний душ, папа отправился в поле, чтобы закопать яму. Мама и сестра занялись обедом. А я тихонько выскользнул из дома, и сел на качели. Когда Женя пойдет обратно, я как раз окажусь на пути.

Пока он намывался, я лихорадочно соображал, какую же тактику решил избрать парень. Может, он собрался меня шантажировать моим поведением сегодня? Уж наверняка парень догадался, что его плен – отчасти моих рук дела. Может, и про арновуд скумекал. Он сообразительный. Так что теперь точно будет меня шантажировать. Томас бы вот шан-

тажировал. Он вообще в методах достижения цели не слишком избирателен.

Правда, зачем Жене меня шантажировать? Что я могу ему такого дать? Хотя разве что из вредности – прежний дядюшка вполне был на это способен. Но если он даже попытается, я Тому скажу. Пусть он решает, что с ним делать. А заодно и как быть теперь. Ведь Евгеша может с нами на Нибиру увязаться! Вот откуда он взялся на мою голову?

Внезапно мне стало стыдно. Сiju тут, призываю всякие проклятия на парня. А ведь он еще ничего плохого мне не сделал. Но зная, причиной какой катастрофы Евгеша станет в будущем, я уже его обвиняю. А это неправильно. Надо судить за дела, а не за то, что еще не случилось. Да и потом, Женя сам поплатится за то, что не желая, натворил. Сейчас же парень не сделал ровным счетом ничего, за что мне его следует ненавидеть.

Даже наоборот: не рассказал родителям о моем скромном участии в происшествии с ним. И зря я думаю про шантаж. Он на это не способен. Во всяком случае, нынешний. Просто я явно переобщался с Томасом, который считает, что цель оправдывает средства, вот и распространяю впечатление от него на всех. Так что надо забыть про эти мысли. А перед Евгением извиниться. В сущности, сюда я и пришел за этим.

Я даже придумал и прорепетировал речь, но когда услышал, как парень идет к дому, растерял все слова. Встав с качелей, я уставился перед собой. На Евгешу я почему-то по-

смотреть не мог. Стыдно мне, вот.

– Ты не сказал... – вдруг вырвалось у меня.

– Я же говорил, что ты можешь мне доверять.

Голос его звучал спокойно. Неужели он совершенно не рассердился на то, что я его загнал в ловушку? Глянуть на дядюшку я по-прежнему не мог.

– Оксидент. Ты можешь мне все рассказать, и я в лепешку расшибусь, чтобы тебе помочь. Но смотри, чтобы не стало слишком поздно.

Услышав это, я и вовсе остолбенел. Я подставил парня, он из-за меня в яму упал, копал ступеньки, измазался и устал как собака. Вполне ожидаемо было бы получить с его стороны подзатыльник или хотя бы укор... А вместо этого он говорит, что по-прежнему готов мне помочь. В носу защипало, на глазах выступили слезы. Я захотел было и правда все ему рассказать, но тут вмешался Томас и велел мне молчать.

Женя, не дождавшись от меня активных действий, скрылся в доме. Вскоре и я присоединился к семейству. За ужином я спорил с Томом по поводу Евгения. Мне показалось, что ему можно все рассказать, к тому же мужчина и сам намеревался это сделать. Почему вдруг он решил дать задний ход? Надо выяснить!

Поэтому после ужина я помог убрать маме посуду, известил ее, что снова прогуляюсь, и отправился в лес. Томас уже сидел на знакомой полянке и смотрел на меня.

– Ты слишком импульсивен, мой мальчик. – сказал он

вместо приветствия. – Слишком доверяешь людям, когда не надо, слишком быстро меняешь мнение о них под влиянием эмоций. Это все нам не на пользу.

– Я ребенок. – сообщил я ему на всякий случай. А то вдруг забыл. – У меня пока еще нестабильная психоэмоциональная система. Имею право.

– Ты еще и будущий мужчина. Скоро ты станешь подростком и такие качели вполне закономерны... Хотя все равно меня изумляет, что Евгения ты принял быстрее, чем меня.

– Да ладно! А ничего, что он сразу же предложил мне помощь, когда понял, что что-то не так?

– Я тоже.

– Неа. Ты сначала меня пугал и угрожал. А потом уже оказалось, что все это ты делаешь ради моего, блин, блага и блага, блин, Вселенной.

Иногда я перенимаю манеру разговора тети Саши. Она «кидается блинами» при сильном возмущении, я тоже.

– Да. Ты прав. Я сразу же взял неверный тон, как и сегодня. Прости, малыш. Я тоже слишком импульсивен и мне, в отличие от тебя, это непростительно.

Вот что мне нравится в Томе – это его способность признать, если он был не прав. Многие взрослые скорее удавят-ся, чем вслух признают, да еще и при детях, что совершили ошибку, даже если она мизерная.

– Да ладно. С каждым бывает. Мне же простительно.

– Ты ребенок. А я взрослый мужчина, который несет

ответственность за многое и многих. Мне импульсивность лишь вредит. Впрочем, предлагаю все же говорить не обо мне, а о Евгении. Ты же за этим пришел?

– Ага.

Глава тридцатая. Ревность?

Сначала мы с Томасом порадовались тому, что Женя не полетит с нами на Нибиру – об этом он сказал за ужином. Хороший все же парень. Я заметил, что он неловко чувствует себя из-за того, что как ему кажется, нас обременяет. Это не так, конечно. Но его деликатность мне нравится, а сейчас она еще даже нам на руку.

А потом мужчина популярно объяснил мне, почему я не должен рассказывать Жене о том, что ждет нас всех в будущем, если он продолжит околачиваться рядом с моим семейством.

– Дело не в тебе. А в том, как воспринимают тебя Евгеша и твоя семья. Для них ты ребенок.

– Я и есть ребенок. – произнес я второй раз за вечер. – Их восприятие естественно. Что плохого-то?

– Плохо то, что твои слова имеют меньший вес, нежели слова взрослого. Твои родные – неплохие люди, даже очень хорошие. Но они еще долго будут воспринимать тебя как несмышленища, коим они тебя помнят.

Томас предположил, что родные и дядюшка мне попросту не поверили бы, вздумай я им все рассказать. Да, они бы к моим словам может и прислушались. Но попросили бы предоставить доказательства. А из доказательств у меня только Том, которого предъявить я, по понятным причинам,

не могу. Так что я бы не сумел подкрепить свои слова фактами и все сочли бы, что у меня просто слишком развита фантазия.

Но мужчина продолжил свою мысль. Допустим, я бы действительно на него сослался. Сам Томас ничего такого в этом не видит, он бы охотно подтвердил мои слова. Однако родители его не знают, а потому априори не будут ему доверять. А Женя – видел, думает, что мой напарник его преследует. И не поверит ему поэтому.

– А если им показать при помощи камня то же, что видел я? – выдвинул я идею.

– Родители ничего не увидят – у них нет твоего дара, так что камень просто усилит имеющиеся у них способности. Возможно, увидит Александра – ведь ее сила, в некотором роде, связана с интуицией. И совершенно точно увидит Евгений – то, что бусины способны влиять на его психику, я уже проверил, когда сон ему посылал.

– Так в чем проблема?

– В том, что я перед ним засветился. И в том, что рядом твоя семья. Он и так мне не доверяет, а тут его недоверие объединится с их неверием... Это не тот случай, где минус на минус дает плюс. Но я поговорю с ним, когда вы улетите, обещаю.

– Куда ты его на этот раз запихнешь?

– Подумаю над этим сегодня. Но обещаю тебе: ни один дядюшка не пострадает.

Я улыбнулся, но все же решил еще раз настоять на своей идее.

– Но может мне все-таки поговорить с ним? Он теперь добрый и понимающий, он же помощь предлагал. А это и есть помощь – если он смоется куда подальше и не станет заглядываться на маму.

– Неизвестно, как именно он будет вести себя после этого по отношению к твоей маме.

– То есть?

Томас заявил мне, что психика гуманоидных созданий – удивительная и непознанная вещь. Впрочем, об этом он мог бы не говорить. Я тоже гуманоид и сам прекрасно знаю, что у нас в мозгах порой что-то непостижимое творится. Но, по словам мужчины, эта самая психика способна сделать финт ушами, которых у нее нет, и привести к непредсказуемым последствиям.

Евгений в данный момент может и вовсе не интересоваться моей мамой, как и она не интересуется им. Но если я расскажу, как будут обстоять дела в будущем, эти двое могут начать приглядываться друг к другу. Не из вредности – просто им станет любопытно: а что же они могут найти в объекте такого, чтобы влюбиться? И найдут же – во всяком случае, Евгеша точно заметит, что мама и хороша собой, и добрая, и умная. Да и сам парень неплох. Так что, стремясь предотвратить их любовь, я могу ее и спровоцировать.

– Конечно, они, как честные люди, будут запрещать се-

бе подобные мысли и чувства... Но запретный плод сладок, Оксинт. Если ты не хочешь такого будущего, а ты его не хочешь, лучше молчи. Это вторая причина, по которой нужно сохранить тайну грядущего.

– А первая?

– Я уже говорил. Евгений относится к тебе как к ребенку. Иначе не стал бы предлагать свою помощь едва ли не с порога. Он считает, что у тебя милые детские проблемы. Так, проблемки, с которыми он, крутой взрослый, справится даже не моргнув. И серьезные вещи, о которых ты с ним пытаешься поговорить, не поймет и не воспримет.

– Ну что ты такое несешь? Он относится ко мне с уважением. И потом, помощь могут предложить и взрослому.

– У взрослого, милый мой, спросят, нужна ли ему помощь. Предполагается, что человек созрел морально, умственно, эмоционально и физически для решения своих вопросов. На его территорию с помощью не вламываются так бесцеремонно, как на детскую. И оставляют за ним право согласиться или отказаться, если кто-то захочет внести лепту в его труд. Тебе же помощь навязывают. Так сделал Евгений. И каюсь, так сделал я.

Удивленно глянув на Томаса, я попросил объяснений. Он вернулся в самое начало нашего знакомства и признал, что в тот момент мне никак не помогал. Скорее он помогал Вселенной и своему будущему. Да, он запрещал мне что-то делать, но это была не помощь, а борьба за жизнь всех, кто бу-

дет после нас.

– Я слишком боялся за будущее – с одной стороны. С другой понимал, что тут тебе помощь не нужна. Ты взрослый парень и сам должен пережить то, что узнал. Позднее я стал помогать тебе неосознанно: когда выслушивал тебя, позволял спускать пар и даже грубить. Я понимаю, что это в тебе говорит горе. И понимаю, что нельзя все в себе держать, а я лучше всех подходил на роль своеобразной боксерской груши.

Поэтому Том и терпел все мои выходки. Но, повторяюсь, это была помощь неосознанная. А вот осознанное желание помочь возникло в нем тогда, когда мужчина узнал, какую роль в жизни моей семьи сыграет Евгений.

– Я не спрашивал тебя, насколько нужна помощь, а просто решил действовать еще до того, как ты узнаешь о проблеме. Но и когда посвятил тебя, тоже не спросил, и...

– И сейчас посыпаешь голову пеплом без повода. – перебил я его. – Существуют ситуации, когда даже взрослого спрашивать не будут. Вряд ли если ты увидишь, как кто-то тонет, то станешь уточнять, справится ли он самостоятельно. Скорее всего, тут же бросишься в воду, чтобы его спасти. Я тону, ты меня спасаешь. Все в порядке.

– Ты знаешь, я совсем не умею плавать. – вдруг покраснел Том.

– Я тебя научу. И да, вероятно, твои аргументы недалеко от истины. Поэтому я не буду ничего говорить Жене до отъ-

езда. Но когда мы вернемся, он уже должен знать. Томас, я каждый день как на иголках.

– Понимаю, мальчик. Дернул же его маэстикон выбраться! Но ничего: у нас есть два дня, и я решу эту проблему. А ты постарайся отдохнуть на Нибиру.

На том мы и порешили. Я отправился домой, по пути удивляясь: неужели Том приревновал к Жене? Он этого не говорил, конечно. Но так явно противопоставлял себя ему и старался выступить в выгодном, в сравнении с дядюшкой, свете... Возможно, мужчина и сам этого не понял, но его определенно тревожит, что рядом со мной появился еще один взрослый, которому я доверяю больше, чем ему, и к которому привык быстрее.

Однако если это и правда так, я Томаса в очередной раз не понимаю. Во-первых, зачем ему это соперничество и право быть моим наперсником? Я вроде не наследный принц, чтобы биться за место в тени моего трона! А во-вторых, вот Том вроде умный, однако порой дурак дураком! Невзирая на то, что в последнее время его акции выросли в моих глазах, близким другом мужчина мне никогда не станет.

Дело в том, что первое впечатление все-таки самое въедливое. А он меня при знакомстве сильно напугал, в чем потом сам раскаивался. К тому же именно он подтвердил мои страшные подозрения насчет мамы. На заре некоторых цивилизаций гонцов, которые приносили плохие вести, казнили. Я понимаю этот механизм: надо было на кого-то спустить

всех собак. Вот и я спускал на Тома. Тем более, своим поведением он мне давал повод это сделать.

А еще я ему все-таки полностью не доверяю. Невзирая на то, что склонности к телепатии у меня нет, принадлежность к нашему уникальному роду дала всем его представителям возможность чувствовать людей. Это даже не эмпатия, не интуиция, а какой-то внутренний радар. И радар мне подсказывает, что Томас чего-то не договаривает, что-то скрывает. Я могу его спросить напрямую, но вряд ли получу ответ.

Так что безоговорочно доверять я ему не стану, пока не пойму, что он скрывает. Носом чую, это как-то со мной связано! Хотя я и Евгеше не доверяю целиком и полностью – только родителям. Но все же дядюшка мне более симпатичен, несмотря на то, что я смутно помню его предыдущую версию. Однако того Евгения и этого я не воспринимаю как одного человека – настолько парень изменился.

В любом случае ревность Тома даже забавна. С одной стороны. С другой – как бы он в ревнивом порыве не сотворил с нашим гостем какую-нибудь гадость. Звучит, конечно, фантастически: взрослый человек и вдруг станет соревноваться с другим взрослым за внимание малолетки? Однако то, что у Томаса кукушка улетела далеко и надолго – это факт. А сумасшедшие способны на все.

У меня же нет никаких рычагов влияния на него, когда мы улетим на Нибиру. Впрочем, мы сможем переговариваться

при помощи камня. И я надеюсь, мужчина помнит, что если он причинит вред нашему гостю, мне это очень сильно не понравится! Если ему так нужна моя лояльность – пусть постарается сохранить ее тем, что не отвертит Евгеше голову в наше отсутствие.

Когда я пришел, мама еще укладывала Антея. Я же быстро проделал все свои вечерние ритуалы, а после с ощутимым удовольствием отправился в постель. Сегодня я лег даже раньше обычного, и когда придет мама, немного поболтаю с ней, а потом усну. Завтра мы договорились встать немного попозже. Все равно телепортационную платформу для нас приготовили только на полдень. Так что впервые за несколько недель я наконец-то высплюсь!

Хотя обычно накануне поездок, праздников или других будоражащих событий я очень плохо засыпаю, сейчас не сомневался в том, что Морфей придет ко мне быстро: настолько я измотан. И действительно – мама посидела со мной всего минут пять, как я почувствовал, что засыпаю. Надеюсь, ночь будет спокойной, и никакие сны, в особенности кошмарные, меня не потревожат.

В конце концов, я ребенок, о чем уже дважды за вечер говорил. А дети растут именно во сне. Я же со своим дефицитом рискую не то, что до отца не дорасти, а даже дышать в пупок своим сопланетникам. Так себе перспективка, честно говоря!

Глава тридцать первая.

Забывтый камень

Я проспал! Такое со мной, честно говоря, случается очень редко. Обычно я просыпаюсь даже раньше звонка будильника, а если сильно устал – то вместе с ним. Но сегодня я не услышал бодрых трелей, расслабился и в итоге встал аж на час позднее, чем собирался. И то, если бы не сестра, спал и дальше.

Именно Александра буквально за воротник пижамы вытащила меня из постели без четверти одиннадцать. Родители не проверяли, проснулся я или нет – они мне в этом плане доверяют, я же не малыш какой-то. Но вот сестренке показалось подозрительным, что я не кручусь возле мамы, и она заглянула в комнату. А потом пинками погнала меня умыться и быстро завтракать.

Я же на Александру даже не обиделся. Сейчас она действовала в интересах семьи, да и в моих собственных. Очень неудобно получилось бы, если бы по моей вине мы опоздали на телепортационную платформу. Все-таки не мы одни ими пользуемся, платформы настраивают для каждого в определенное время. Так что промедление в десять минут добавило бы людям работы, а нам беспокойства.

После завтрака я спешно собирал рюкзак, когда ко мне

на минутку заглянул Женя. Честно говоря, сейчас он был не слишком вовремя: я как раз пытался вспомнить, что забыл взять, когда его физиономия нарисовалась в дверном проеме. Однако я чувствовал вину перед ним, да и надеялся, что парень по делу пришел.

– Оксинт, мужчина, который обещал тебе вытащить меня на следующий день из ямы, одет во все черное и носит на шее черную бусину?

У меня перехватило дыхание от страха, я глянул на Евгешу.

– Откуда... – вырвалось у меня. Но я попытался все исправить. – Кхм. Какой мужчина?

– Значит, это все-таки он. – отозвался хитрый негодяй.

Тут в комнату заглянула мама, за ней сестра, а дядюшка улетучился. Я пошел за своим одау, попутно стараясь успокоиться. А что меня так взволновало? Женя – умный парень, он видел Томаса раньше, может, слышал его, вот и сообразил, что на поле со мной был именно он. Конечно, теперь он может пристать ко мне с вопросами о личности Тома – но тут я мало что могу ему поведать. И вообще, выдумаю что-нибудь для отговорки. У меня на это два дня есть!

Вскоре мы уже прощались с дядюшкой, сидя на одау. Затем взлетели ввысь и помчались к телепортационной станции. Я же все никак не мог отвести взгляда от Евгешки. Чем больше мы удалялись, тем меньше становилась его фигурка, замершая возле дома. Вот она и вовсе пропала. Зато у меня

появилось предчувствие. Очень нехорошее.

Я попытался понять, чем оно вызвано, и погрузился в размышления. Может, Том понял, что рассекречен, и сейчас попытается что-то сделать с Женей? Да нет, он не такой дурак. К тому же он дал мне обещание. А своим словом он не разбрасывается, насколько я знаю. Тогда что же со мной?

Погруженный в размышления, я даже почти не заметил, как мы прилетели на станцию, прошли к платформе. Очнулся лишь когда мама взяла меня за руку. Сверкнула вспышка – и вот мы на точно такой же станции, только раз в десять больше и на Нибиру. Только тут я понял, что меня беспокоит: я забыл дома агат.

Но теперь уже было поздно. Хотя в принципе, когда мы поднялись в воздух, уже было поздно: никто бы не ждал, пока я сбегаю домой. Однако теперь нас разделяют не несколько метров, а десятки тысяч световых лет. Я же настолько привык к своему камню, что даже растерялся. Как я без него два дня проживу? Это все Евгеша, чтоб его! Он меня отвлек, и я оставил минерал в комнате.

– Милый, тебе плохо? – встревожилась мама.

Наверное эмоции, которые я сейчас испытывал, отражались на лице.

– Да нет, немного голова закружилась. – соврал я.

– Просто ты еще не до конца проснулся. – предположила сестра. – А тут и полет, и телепортация.

Я поспешил с ней согласиться, и переключил внимание

родственников на наши дальнейшие планы. Пока отец рассказывал, что сейчас мы отправимся к приютившему нас профессору, потом он поедет в университет, а мы займемся своими делами, я погрузился в размышления.

Итак, я забыл камень дома и в ближайшие сорок восемь часов он для меня недоступен. Раньше я бы не особо расстроился. Когда мы гостили у дяди с тетей на Земле, во время новогодних каникул, я тоже был без агата. И в принципе неплохо себя чувствовал. Но тогда я старательно себя отучал от минерала. А в последнее время он всегда был со мной! Успокаивала эта приятная тяжесть в кармане, да и когда я брал его в руки, становилось немного легче. Сейчас же я ощущал какое-то фоновое беспокойство. Вроде бы ничего такого, но дискомфорт присутствует.

А самое главное: я теперь не смогу связаться с Томасом! Мы же не телепаты, и возможность мысленно общаться нам обеспечивают только камни. Не то, чтобы я особо по нему соскучусь за это время. Но к тому, что мужчина все время рядом я тоже привык. Да еще и я не смогу проконтролировать его действия в отношении Жени. Надеюсь, он нескоро поймет, что теперь у него развязаны руки, и ничего с парнем не сделает.

Хотя что это я? Совсем от беспокойства голову потерял. Я ведь только пару минут назад пришел к мысли, что ничего он с дядюшкой не сделает, потому что не хочет получить от меня по первое число. Так что можно выдохнуть и постараться

успокоиться. Сейчас мы два дня проведем в тесном семейном кругу – плюс профессор, у которого мы остановимся. А потом вернемся домой и обнаружим прощальную записку от Евгения, который придумает какую-нибудь причину, чтобы держаться от нас подальше.

Я верю, что именно так он и поступит после того, как Томас проведет среди парня разъяснительную работу. Он же не хочет нам зла! А если его не испугает все то, что случится с моей семьей – мой сообщник покажет, что в итоге произойдет с самим Женей. Думаю, после такого он точно испытает глущее желание оказаться как можно дальше от нас.

– Солнышко, мы на месте. – ворвался в мои мысли голос мамы.

Я увидел перед собой премилый двухэтажный дом и такого же милого пожилого мужчину. Тот церемонно нас поприветствовал, и повел внутрь своего особнячка. Мне очень понравилось, что наши комнаты находятся на первом этаже, как дома, и как я привык. У дяди и тети мы живем на втором этаже и я немного неуютно себя ощущаю. К тому же из нашей с сестрой комнаты можно выйти в очень симпатичный садик. Я сразу же решил, что именно тут буду проводить время по утрам и вечерам. Все-таки я сын главного ботаника Эдема и ничто растительное мне не чуждо!

Профессор, к моему удивлению, стал вдруг извиняться за то, что не может нас с Александрой расселить по отдельным комнатам, так как третья гостевая совсем маленькая. Нашел,

за что просить прощения! Комната большая и светлая, к тому же мы тут только на две ночи. Да еще и кровать двухъярусная, так что у каждого есть свое личное пространство. Мы спокойно ночуем с сестрой в одном помещении, когда в том возникает необходимость. Александра это с готовностью подтвердила.

– Да успокойтесь вы. – заявила она. – Комната замечательная и мы рады, что по вечерам у нас появится возможность поболтать перед сном. Чур верхняя кровать моя!

Взрослые рассмеялись над ее непосредственностью, а после каждый занялся своими делами. Точнее, мы с сестрой распаковали вещи, а в соседней комнате родители делали то же самое. Антея они поселили у себя, хотя мы предлагали взять его к нам. Но мама выразила сомнение в том, что с нами малыш будет следовать своему обычному режиму. Что же, она права. Мы с Александрой действительно любим болтать перед сном, когда ездим куда-то, делиться впечатлениями и мыслями о прошедшем дне. Братик вряд ли оценил бы наши беседы по достоинству – он ложится спать раньше.

После распаковки вещей, папа поспешил в университет, читать лекцию. А мы вылетели на одау в том же направлении через пять минут. Отец всегда стесняется, когда мы присутствуем на таких мероприятиях. Но разве мы могли пропустить его триумф? Только ему не стоит об этом знать, чтобы не разволновался сверх меры. Он и так немного не в себе от радости.

Когда мы сели в зале, и папа вышел на сцену, откашлялся и приступил к чтению лекции, я задумался. Везет же тем людям, которые с малых лет знают, что именно станет делом их жизни. Отец, кажется, всегда возился с растениями. Бабушка Эригона вспоминает, что ему было всего несколько дней отроду, когда он впервые увидел цветы – их ей подарил дедушка. Младенец смотрел на бутоны с таким восторгом, с каким не глядел ни на одну игрушку.

И когда он стал постарше, то предпочитал возиться с растениями, а не с куклами или машинками. Причем в отличие от других детей, которые топтали траву или рвали цветы, папа всегда жалел растительность, пытался ее лечить. Ну а в домашнем огороде быстро стал главным и ухаживал за ним так, как и взрослые не ухаживали. Я еще напому, что в то время он не читал никаких научных трудов о ботанике, не был знаком с садоводами-любителями и профессионалами. Просто делал все по наитию и оказался прав.

Когда же мальчик достиг более-менее сознательного возраста, уже никто не сомневался в том, что он свяжет свою жизнь с растениями. Так и вышло в итоге. Папа посвятил себя ботанике, и добился просто потрясающих успехов на этом поприще. Вот сейчас он рассказывает о своих разработках и буквально светится от счастья. Как и всякий человек, который нашел дело своей жизни.

История профессионального становления мамы схожа с папиной. Она всегда любила животных, холила их и лелеяла,

ни разу не обидела ни одно живое существо, не сделала ему больно. А потом, когда ей было года четыре, нашла малюсенького рыжего котенка, двухдневного слепого детеныша. От него отказалась кошка, малыш был обречен. Но крошка Елена решила иначе. Она стала кормить его из бутылочки, каждые два часа, как положено. Взрослые считали это пустой затеей, но никто не осмелился сказать девочке, что ее усилия напрасны: раз кошка не стала выхаживать своего ребенка, значит, с ним что-то не так и его все равно не станет.

Упорная мама продолжала заботиться о малыше, кормила, делала массаж, мыла его. Она действительно выдерживала двухчасовой промежуток и даже ночью вставала, чтобы дать котенку бутылочку с молочной смесью. Ее родителями это не нравилось, конечно, но они помогали дочке как могли. Например, подменяли ее в темное время суток, чтобы ребенок выспался. В итоге маленький дрожащий комочек вырос в огромного кота Зевса, который бегал за мамой как собачка. Она совершила невозможное.

И впоследствии тоже это делала. Стольких животных мама спасла, стольких могла бы спасти еще. Ведь она никогда не сдается, никогда не опускает руки и борется до последнего. Едва я об этом подумал, как кровь прилила к щекам, а на глаза навернулись слезы. Мама никогда не сдается и борется за жизнь. А вот я отказался за нее бороться, отказался от нее. Как горько, что я так мало взял от своих родителей!

Глава тридцать вторая.

Что-то не сходится

Поглощенный такими раздумьями, я почти не слышал, о чем там отец вещает с трибуны. Да если бы и слышал – все равно не понял бы половину. Я смотрел на маму, которая тоже не слишком разбиралась в ботанике, но усердно внимала любимому супругу. Она вообще всегда радовалась папиным успехам, как своим собственным. Мама гордится супругом, переживает за него и всегда-всегда рядом с ним. А их история любви⁹ – это просто что-то невероятное. Александра всегда плачет от избытка чувств, когда отец рассказывает, как полюбил маму и добивался ее благосклонности. А мама сияет от счастья и благодарит его за то, что он не сдался и доказал ей: они – две половинки одного целого.

Вдруг мне подумалось: неужели такая сильная любовь может пройти и замениться другой? Да, Томас говорит о привычке и о том, что маме захотелось снова тех сильных первых эмоций. Но мне кажется, что такая любовь, какая у них с папой, сама по себе самая сильная эмоция. Я вижу, как родители смотрят друг на друга и понимаю, что чувство, благодаря которому они когда-то оказались вместе, живо до сих пор. И дико подумать, что такими же глазами мама вдруг по-

⁹ Качели времени. Обилие времен

смотрит на кого-то другого. Да скорее Вселенная закончит свое существование, как напорочили Том и мой камень.

Да, может, люди и привыкают друг к другу, а чувства слабеют. Но Томас говорил, приводя в пример свой опыт. А может, у родителей этот опыт другой? Люди же все разные. Не обязательно то, что было у одних, повторится у всех остальных. Так может, камень все-таки ошибается? Или...

Впервые за все эти месяцы я подумал: может, дело вообще не в агате? Лишь недавно Томас продемонстрировал влияние бусинок на человеческий мозг. Евгений выглядел очень напуганным после того как мужчина послал ему сон о будущем. Точно ли о будущем? Думаю, то развитие событий, которое видел я, мамин уход из дома и жизнь с Евгением – это не так страшно. Точнее, это страшно для меня. Но взрослого человека подобное не может напугать аж до испарины. Шокировать, расстроить, может даже погрузить в депрессию. Но не испугать до беспамятства. К тому же после этого сна он не стал как-то сторониться мамы. Так что же показывал Том моему дядюшке?

Точнее, имеет значение даже не сам сюжет этого сна. Важно то, что он может с помощью камня показать то, что захочет. Мужчина сам сказал, что бусинки помогают внушить что-то человеку, у которого находятся. Заставил же он Женю пойти в поле и упасть в яму. Значит, и показать можно что угодно.

В связи с этим у меня вопрос! А не являются ли все мои

видения плодом фантазии Томаса? В том, что его воображение способно нарисовать любые картины, я уже и не сомневаюсь. Вот Даниил же говорил, что у психически больных людей отсутствуют рамки. Наверное, это правило действует и в отношении фантазий. Ментально нездоровый человек может такое придумать, на что другие и неспособны. Все потому, что в его мире возможно абсолютно все, и если нас сдерживает здравый смысл, то у него таких тормозов нет.

Может быть, именно это он от меня и скрывает? Если мама больна, ее надо спасти, и никакого конца света в таком случае не произойдет. Но мужчина утверждает иначе и делает все для того, чтобы я не проверил правоту его слов. Наверное, он специально посылал мне такие видения изначально, чтобы сломить морально и заставить отказаться от борьбы за маму.

Да, можно возразить, что камень в нашей семье хранится на протяжении нескольких десятков лет... Но может, Томас подменил его на другой, который является полной копией папиного агата, но обладает дополнительными возможностями... Хотя нет, это глупая версия. Вполне возможно, что минерал изначально может воздействовать на человека и мужчина просто воспользовался этой его функцией, чтобы остановить меня, когда я попытаюсь спасти маму. Хотя может вообще не произойдет ничего и все мы будем жить долго и счастливо? Надо просто жить и не дергаться – будущее покажет, что и как.

Я еще раз глянул на маму. Нет, это плохой выход из ситуации. Ведь если верить камню, то болезнь проявилась уже тогда, когда вылечить ее не было никакой возможности. Если жить и делать вид, что ничего не случилось, я потеряю маму. Этого и добивается Томас. Но я все же хочу иметь хотя бы малейшую возможность ее спасти. Что если камень просто меня предупреждает о будущем, а мужчина использует это обстоятельство в своих неясных целях?

Я попытался выстроить в голове логическую цепочку, хотя в целом с логикой у меня плохо. Итак, при помощи камня я вижу будущее. Вполне возможно, что Том не солгал, я действительно обладаю даром ясновидения, а агат помогает мне развивать эту способность, справляться с ней.

Я вижу будущее, то, что произойдет с мамой. Но! Но ту страшную сцену похорон я увидел не тогда, когда держал камень, а во сне, в котором потом беседовал с Томасом. Следовательно, он мне этот сон и послал. Хотя периодически мне даже не приходится брать камень в руки, чтобы видеть грядущее. Но я не могу отличить свои видения от тех, которые, в теории, посылает мой сообщник. И этим очень легко воспользоваться.

Вспоминая дальше, я обнаружил, что и жизнь без мамы, и жизнь мамы с Евгением я видел, когда оказывался поблизости от Томаса. Да и он сам говорил, что покажет мне: в жизни еще будет место счастью. Он же показал мне тот кошмарный конец света, который якобы случится, если я попытаюсь спа-

сти маму. Так что же из увиденного мной правда, а что нет?

Жаль, сейчас агат далеко и я не могу связаться с негодяем и прямо спросить его об этом. Впрочем, может быть, оно и к лучшему. Когда минерал при мне, я безоговорочно верю Тому. Сейчас же сознание словно прочистилось, нет на нем той пелены, которая была в предыдущие месяцы. Я не воспринимал ее, считал, что все в дымке из-за шокирующего известия о маминой смерти. Но сейчас понимаю, что из-за этого «тумана» рассуждал не совсем здраво. В камне дело или в Томасе?

Получается, что минерал мне показал возможное будущее, а мужчина решил этим воспользоваться. Не знаю, как он узнал о моих видениях. Может, на самом деле он отличный телепат, просто врет мне и об этом? А что, очень даже стройная версия. Однако есть существенное «но». Я не могу понять мотив мужчины, зачем ему все это нужно?

Тетя Саша работает прокурором, и всегда говорит, что когда найдешь мотив – отыщешь и преступника. А вот как быть, если преступник у меня уже готовенький, но с мотивом проблема? Я бы спросил ее об этом. Но боюсь, тетюшка забеспокоится и захочет узнать, почему я вдруг заинтересовался криминалистикой. Однако имея только догадки, я пока никого не хочу посвящать в сложившуюся ситуацию.

Итак, какой мотив может быть у Тома? Первое и самое очевидное – он сумасшедший. А еще садист. Поэтому ему доставляет удовольствие наблюдать за тем, как мучаются лю-

ди и лишать их малейшей надежды на спасение. Может, он просто в восторге от того, как я страдаю, и от мысли, что именно его воля решила, жить моей маме или нет. Вообразил себя таким сверхчеловеком и теперь упивается этим, компенсируя собственную ничтожность.

Ну да, иногда он добр ко мне и рассуждает здраво. Однако если бы психи и маньяки не сохраняли крупницы разума и не умели притворяться нормальными людьми – их бы ловили еще до первых преступлений. Так тоже иногда говорит Саша. Может быть, это у Томаса маскировка такая.

Но версия с капитально протекающим чердаком слишком простая. Какие еще у нас есть мотивы? Правда, вариант с сумасшествием мне показался вполне реальным. Хотя я не могу представить даже сумасшедшего, который бы таким изощренным образом измывался над людьми. В книгах и то такого не встретишь, разве что у Достоевского. И то с натяжкой. Хотя жизнь всегда богаче искусства на выдумки.

Внезапно мне вспомнился плачущий на полянке Том. А что если все-таки не он главный злодей в этой истории? Мужчина признался мне, что разговаривает со своим камнем и я почему-то ему поверил. Хотя со мной вот агат не вступает в доверительные беседы. И слава Хроносам.

Но что если это не камень с ним говорит? Что если у Томаса есть какой-то сообщник, может, даже начальник, который приказал ему помешать мне спасти маму? И грозит всякими карами небесными за то, что у него не получается. По-

тому-то он и расплакался, страшно ему стало за свою жизнь. Но кто желает зла моей семье? Впрочем, Том наверняка знает ответ, хотя... Хотя возможно он и правда искренне считает, что с ним говорит камень. А вместо этого им руководит кто-то злой.

Нет, это слабая версия. Кто-то руководит Томасом при помощи камня, Том руководит мной благодаря агату, я – Евгешей используя бусинки... Какая-то бесконечная череда манипуляторов с камнями получается. Однако я все же не буду отбрасывать эту версию. Надо над ней подумать.

Но если это кто-то третий, в поведении моего сообщника остаются некоторые не проясненные моменты. Допустим, что кто-то приказал ему не дать мне спасти маму. Допустим, этот кто-то и Евгения приказал удалить. Может, наш таинственный злодей не хочет, чтобы дядюшка путешествовал по временам и причинял справедливость. Но как тогда объяснить отношение Томаса ко мне?

Он и правда хорошо ко мне относится – это легко заметить. Заботится обо мне, даже оберегает. К тому же еще и к Жене ревнует непонятно почему. А может, он ревнует не меня, а заранее ревнует маму? Внезапная догадка сверкнула в мозгу как молния. Может, это вообще бывший мамин ухажер, которому она предпочла папу? Хотя нет, тогда бы он и к папе ревновал. Но узнать не помешает.

А может, это будущий муж Александры? Он знает, что когда-то ей нравился Евгений, до сих пор, может, нравится...

И явился сюда, чтобы удалить парня подальше от будущей жены. Блин, если это так, то когда они познакомятся, я все сестре про него расскажу! Хотя вариант с мамой более правдоподобен. Может, ее отказ настолько уязвил его болезненное самолюбие, что в итоге он решил в духе Островского, что не должна она доставаться никому? Мда, вся история сводится вдруг к пошлым любовным переживаниям и разборкам. Но это еще не точно.

Однако я все равно спросил у мамы, не было ли у нее до папы ухажеров и описал внешность Томаса. Надо все проверить. Мама удивилась и ответила отрицательно, а потом напомнила, что у нас на планете с брюнетами, тем более с высокими, дела обстоят не так уж и хорошо. Так что эту версию можно было смело отметить. Если, конечно, Том не восхищался мамой издали, не рискуя познакомиться и в итоге упустил время. Но это я уже накручиваю. Итак, одна версия не подтвердилась. Про суженого Александры я узнать не смогу. Значит, остается вариант с тем, что Томас просто чокнулся. Или им руководит кто-то чокнутый. Ну и как мне это проверить?

Глава тридцать третья. Минералогия

Впрочем, была еще одна версия – какой-нибудь папин враг решил ему за что-то отомстить. Хотя я с трудом могу представить, чтобы у отца были враги. Добрее человека я еще не встречал. И вряд ли он кого-то смог так обидеть, чтобы его захотели лишить любви всей его жизни. Впрочем, может быть, это враг попытался его обидеть, а когда не получилось, решил нагадить ему другим образом?

Мне вспомнилось, что говорили папа и Евгеша: их знакомство началось с того, что они оба попали в какую-то передрагу. А еще камень, который сейчас мирно лежит в моей комнате, тоже тогда появился. Может быть, и Томас принимал участие в той переделке? От него Женя спас папу, там они раздобыли камень... Теперь же Том хочет закончить начатое и действует через камень. Но это же двадцать пять лет назад было! Ну и терпение у него. Хотя если на самом деле он путешествует по времени и прибыл не из будущего, а из прошлого, то для него прошло совсем немного времени.

Эта версия показалась мне более правдоподобной, нежели все предыдущие. Вот и ревность к Евгению объясняется. И нежелание с ним встречаться. Не путешествовал Томас за парнем по временам. Просто боится, что Женя сразу

же вспомнит того гада, который стал источником неприятностей для него и папы. Да, наверное, все так и было. И сам Евгеша стал догадываться, что его преследует давний знакомый, когда поинтересовался внешностью моего сообщника. Жаль, что я не могу у него спросить, откуда он знает Тома. Носом чую, что эта версия ближе всего к истине.

Однако окончательно в этом можно убедиться и поговорив с отцом. А он не слишком-то стремится поведать, как они познакомились с Евгешей. Я же, по понятным причинам, не могу ему все рассказать. Значит, придется как-то изворачиваться и ловить момент, чтобы узнать, прав я или нет.

Момент выдался через некоторое время после ужина. Я немного простыл днем, и потому мама приготовила мне теплое молоко с маслом и медом. Гадость та еще! Но пить надо, иначе ночью всех разбуду громовым кашлем. Взяв кружку с варевом, я потопал в сад. Там же обнаружился и папа, который лежал прямо на земле, мечтательно глядя на небо.

– Не ложись, можешь простыть еще больше. – предупредил он меня. – Садись на стул.

– А ты не простынешь? – поинтересовался я, устраиваясь в садовом кресле.

Еще не хватало, чтобы завтра отец просипел всю лекцию!

– Нет, сынок. Я же всю жизнь с землей вожусь, привык уже. – улыбнулся он.

– Всю жизнь. И тогда, когда ты познакомился с Женей, уже хорошо разбирался в ботанике?

– Ну да. Тогда, чтобы усыпить нас, использовали одно растение... И я по симптомам, которые у нас с Евгением наблюдались, догадался, что это за кустарник. Потом нашел подтверждение своим догадкам в кабинете у Гедеона...

Вдруг папа разоткровенничался больше, чем обычно, хотя и не любит вспоминать ту историю. В другое время я бы обязательно послушал его. Но сейчас мне надо было убедиться в причастности Томаса к тому давнему случаю. Однако еще и какой-то Гедеон нарисовался! Хотя, может, это настоящее имя Тома, а нынешнее, под которым я его знаю, просто псевдоним?

– А кто такой – этот Гедеон? – спросил я.

– Гедеон? Ох, это очень и очень плохой человек, малыш. Вот от него меня Женька и спас. Он и Агат. Если бы не они – даже не знаю, что бы со мной было.

– Но чего же хотел этот Гедеон? Зачем ему понадобился ты, десятилетний ботаник?

– Хотел он невозможного. Просто к моменту нашего с ним знакомства старик уже сильно поехал умом, вот и решил, что мы с Женей поможем ему в эксперименте. Который ему, к счастью, не дали провести.

Я одновременно и утвердился в мысли, что под именем Томаса скрывается тот самый Гедеон, и разочаровался в этом предположении. К мужчине вполне подходит выражение «поехал умом», он же и правда чокнутый. Однако стариком я бы его не назвал. Хотя папа был ребенком, может,

ему он и казался старым.

– А ты не боишься, что он снова захочет провести этот свой эксперимент? – задал я самый волнующий меня сейчас вопрос.

– Нет, милый. Гедеон уже не сможет провести никакие эксперименты. Да, его научные труды на протяжении тысячелетий приносили горе всей Вселенной. Но он уже давно мирно упокоился. А с того света еще никто не возвращался.

Вот так и лопнула моя очередная версия, настолько правдоподобная, что аж жалко! Злодей Гедеон почил, злодей Томас жив-здоров и это два разных злодея. А вопрос, зачем мужчина убеждает меня не спасать маму, по-прежнему не освещен. Чувствую, даже сам Том мне на него ответ не даст – снова начнет вешать лапшу на выступы рельефа, что это приведет к концу Вселенной и так далее.

Допив молоко, я вдруг мысленно хлопнул себя по лбу. Мы же на Нибиру! Это наиболее развитая планета, в том числе и в области медицины, а также минералогии. Не зря я связал оба эти понятия. Завтра надо постараться уговорить маму зайти в больницу и обследоваться. Если есть опасность для ее жизни, да тем более обнаруженная на ранней стадии, тут ее вылечат.

Причем тут минералогия? А при том, что я намеревался хорошенько изучить возможности камней – могут ли они манипулировать человеком, на что вообще способны. Том рассказал мне вкратце о них, но хотелось бы получить более

подробную информацию. Наверняка в местной библиотеке я смогу это сделать.

Да, я помню, мужчина говорил, что обширными знаниями о камнях обладают лишь жители его планеты, с которыми этой информацией в свое время поделились властяне. Но, во-первых, я Томасу уже не верю. Или верю, но не во всем. Конечно, какой ему смысл лгать о способностях камней и о том, что это редкие знания? Хотя нет, смысл есть. Ведь мне и раньше могла прийти в голову мысль, что можно проверить сей рассказ и поискать научные труды по минералогии. А так мужчина сказал мне, что этих трудов нет нигде, кроме его родины, я и поверил. Вообще рядом с ним я вдруг стал удивительно доверчив. Обычно я не воспринимаю за истину все то, что говорят мне малознакомые мужики! Хорошо, что эта пелена спала с глаз, как только я потерял контакт с Томасом. Интересно, а он подозревает о таком эффекте?

Ну и к тому же Том может просто не знать, что информация о камнях есть и на Нибиру. После того как Власту уничтожили мацтиконы, Даниил и Дания помогли этой планете стать наиболее развитой, передали все, что было у властян. Думаю, если они и правда знали что-то о камнях – все это знают и на Нибиру. Жаль, что сия мысль не пришла в голову раньше. Я бы тогда днем заглянул в библиотеку и взял пару книг.

Но ладно, сделаю это завтра. Приняв такое решение, я понес на кухню пустую кружку. Занятый размышлениями, я

даже не заметил, как осушил ее! Поставив посуду в раковину, я уже собрался покинуть помещение, как краем уха услышал, что Александра просит нашего дружелюбного хозяина дать ей что-нибудь почитать перед сном.

– Пойдемте в библиотеку, и вы сами выберете то, что вам нравится. – предложил он.

– А можно мне тоже? – кто знает, может, мне улыбнется удача и я найду что-то в домашнем собрании профессора.

– Конечно! – улыбнулся он.

Когда мы оказались в большой комнате, доверху забитой книгами, сестра конечно же осведомилась, есть ли здесь что-то про животных и проследовала к указанному стеллажу. Я задумчиво глянул на профессора.

– Я бы хотел почитать что-то про камни. Скажите пожалуйста, не увлекаетесь ли вы случайно трудами по минералогии?

– Я – нет. – ответил он, и я разочарованно вздохнул. – Но мой дядя – гений минералогии и, конечно же, у меня есть полное собрание его трудов. Вы найдете его здесь.

Не веря своим ушам, я проследовал в указанном направлении. Удача мне не просто улыбнулась – она заливисто смеется и подмигивает всеми своими глазами! Я быстро выбрал толстую книгу, которая, вроде бы, была написана понятным для меня языком, но в то же время содержала много интересной информации. Александра тоже определилась с чтением на вечер.

– Даже удивительно, что у столь юного человека такие интересы. – улыбнулся профессор. – Давно вы увлекаетесь камнями?

– Совсем нет. Можно сказать, я только с ними знакомлюсь.

– Тогда вы выбрали правильную книгу.

Воодушевленный такой рекомендацией, я поспешил в спальню, и принялся за чтение. Обрадовало то, что я действительно понимал, о чем рассказывал дядя нашего профессора. Здесь не было каких-то заумных терминов, да и вообще написано интересно и живо настолько, что я даже увлекся. Никогда бы не подумал, что текст о камнях буду читать с таким любопытством!

Однако вскоре я поймал себя на мысли, что изучаю совершенно не то. Происхождение камней, этапы их жизни и развития, естественный конец – это все, конечно, интересно. Но в данный момент меня больше волнует, могут ли камни общаться с человеком, и есть ли у них собственный разум. Да и информацию о том, что они якобы усиливают наши способности проверить не мешает.

Я нашел по содержанию главу про энергию в минералогии и углубился в чтение. Оказывается, камни действительно способны впитывать импульсы, полученные от человека! Поэтому дядя профессора советовал быть с ними поосторожнее. Минералы, которые находятся рядом с позитивными людьми, впитывают этот позитив и потом его же и отда-

ют. Такой непрерывный обмен ведет к улучшению характеристик самого камня, а также к тому, что человек, у которого он находится, хорошо себя чувствует.

Но нет тут никакого волшебства – утверждает автор. Отчасти дело в психологии: обладатель камня вспоминает, что тот был с ним в счастливые моменты, поэтому и настроение его улучшается. А человек в хорошем настроении может горы свернуть. Отчасти и сам минерал подпитывает его хорошей энергией. Но это вовсе не амулет, как у какой-нибудь бабки-колдуньи. Даже самый позитивно заряженный камень не предскажет судьбу, не вылечит болезнь, и не убережет от ошибок, которые совершают люди, не прислушиваясь к себе. Однако улучшая наше настроение, такой минерал действительно может усилить наши способности – тоже благодаря психологии. Ведь у счастливого человека все получается гораздо лучше.

Я остановился. Получается, камни и правда не посылают нам видений. Тут Томас не солгал. Однако вот дядя профессора считает, что минералы с положительной энергией в принципе мало на что способны. И ему я доверяю больше, чем моему знакомому.

А вот тут интересно! Камни, которые постоянно впитывают плохую энергию, могут и навредить. Вот они-то как раз становятся амулетами – темными, и способны принести немало горя своему обладателю. Камни негативно влияют на его настроение, и это самое малое, что они способны сотво-

ритель. Если хранить отрицательно заряженный минерал, это может и вовсе до беды довести.

Все потому, что камни, как и все живое на нашей планете, проходят цикл саморазрушения. Как и человек, они рождаются, живут, постепенно хирея, и умирают, рассыпаясь на песчинки. Однако у них, в отличие от людей, животных и растений, этот процесс растягивается на тысячелетия и потому менее заметен. Однако он есть, и потому старые камни, которые находятся в состоянии разрушения, охотнее притягивают к себе все темное. А потом щедро делятся им с самым восприимчивым существом поблизости. Таким обычно оказывается человек.

Глава тридцать четвертая. Пожар

Я все читал и читал. На верхнем ярусе кровати уже давно сопела Александра, а я никак не мог оторваться от книги. Меня очень напугала информация, которую я узнал: оказывается, негативно заряженные камни способны даже самовозгораться или взрываться. Автор даже привел несколько примеров катастроф, которые случились по вине заряженных негативом камней.

Я твердо решил, что когда вернусь домой, тут же избавлюсь от агата. Точнее, расскажу папе о том, что со мной происходит, когда я нахожусь рядом с камнем, о том, что узнал из этой книги. А потом попрошу, чтобы он позвал Даниила и тот проверил – не стал ли наш камень темным амулетом? Мало ли что он там в себя впитал. А нам, для полного счастья, конечно же пожара не хватало.

Едва я об этом подумал, как ноздри уловили запах дыма. Сначала я решил, что мне показалось, но потом отчетливо услышал характерное потрескивание, будто где-то что-то горит. И запах дыма усилился. Неужели у профессора тоже есть какие-то плохие камни и из-за них пожар начался здесь?!

Испуганный, я выскочил в коридор и прислушался. Звук доносились со второго этажа. Там же спит профессор! Я закричал, надеясь, что разбужу этим своих, потарабанил в

двери родителей и крикнул Александре, чтобы она просыпалась. А потом с воплями понесся на второй этаж, в хозяйскую спальню.

В обычной ситуации я бы, конечно, постучался и дождался ответа, но сейчас было не до церемоний. Поэтому я ворвался в комнату профессора, едва не снеся дверь. Он, несмотря на крики и грохот, которые я производил, изволил мирно поживать в постельке! Вот это нервы у человека.

– Профессор! Пожар! – громко заорал я и схватил его за руку.

И тут же ее выронил. Несмотря на то, что на втором этаже становилось жарко, профессорская длань была абсолютно холодной и неприятно липкой. Что с ним такое? Я стал тормошить мужчину, попытался даже стащить его с кровати – но тщетно. Поднять его корпулентное тело мне не под силу, да и каким-то шестым чувством я понял, что профессору уже не помочь.

Я выскочил обратно в холл и понесся вниз. Что же получается? Кто-то убил профессора и решил поджечь дом, чтобы скрыть следы преступления. Но как такое может произойти на Нибиру, где уже тысячи лет отсутствует преступность?! Однако сейчас главное не это. Надо вывести своих из этого дома.

Огонь, начавший бушевать где-то на втором этаже, сейчас уже прямо дышал мне в спину. И нет – это не художественное преувеличение. С каждой минутой я ощущал, как повы-

шается температура воздуха. Становилось нестерпимо жарко. Но пока огонь не добрался до первого этажа, у нас есть время. Главное, чтобы пол не провалился, тогда пламя пойдет вверх, а не вниз.

Я бросился в комнату родителей, стал кричать, будить их, тормошить. Но тут коснулся холодной и липкой руки мамы, замер. Неужели она тоже? И папа?! Да нет, этого быть не может! Я кричал и тряс их, но родители не реагировали. Схватил малыша, однако он тоже был холодным, маленькая ручка безжизненно повисла в воздухе. Побежал в комнату, где осталась сестра – и ее не смог разбудить.

Точно так же, как и у малыша, рука ее свесилась с кровати. Я тупо смотрел на то, как она покачнулась, как мелькнула перед глазами оправа арновуда. Арновуд! Я же могу вызвать пожарных и медицинскую помощь! Однако всего лишь взгляда на экран хватило, чтобы понять – никому и никуда я не позволю. Экранчик сиял разноцветными полосами – как у Евгения, когда я отключил ему прием сети на устройстве.

Внезапно треск, который до этого момента был приглушенным, усилился. Стало невыносимо жарко. Я поднял голову вверх и увидел, что по потолку пошла трещина. Кажется, сейчас случится самое страшное, и пол второго этажа провалится на первый. Надо было бежать, но ноги отказывались повиноваться. Да и куда я побегу, зачем, если все мои родные и любимые люди уже не со мной?

Вдруг я ощутил какое-то странное спокойствие. Навер-

ное, родных и любимых людей не стало потому, что они задохнулись, надышавшись дымом. Я читал, что человек в таком случае почти ничего не чувствует, просто не просыпается. Это была спокойная смерть, они не мучились. Почему я не последовал их примеру? Не знаю. Отчего-то мироздание всегда любит оставлять кого-то одного, кому приходится жить и мучиться. Но сейчас у него ничего не получится. Я не уйду из объятого пламенем дома, и все решится само собой. Да, вполне вероятно, мне будет больно. Но это всего секунда, а потом мы все снова окажемся вместе. И не придется жить без моей семьи. Мы теперь всегда будем вместе.

– Оксидент! – вдруг услышал я голос мамы и обернулся.

Как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как падает большая потолочная балка рядом со мной. И как летит следующая прямо на меня.

– Оксидент! – удара почему-то не последовало.

Вместо этого меня встряхнуло. Еще и землетрясение началось? Тут же мне в лицо плеснуло водой и я зажмурился. Пожарные подоспели?

Однако когда я открыл глаза, то увидел встревоженную маму. Комната не горела, потолок и балки были на месте. Рядом с мамой стояла удивленная Александра и держала в руках кружку. Так это она меня водой окатила! Они живы! Я крепко обнял маму, потом сестру.

– Мне приснилось, что тут начался пожар, я не мог вас разбудить!

– С твоими кошмарами определенно надо что-то делать. – покачал головой папа, показавшийся в дверях. – Как считаете, профессор?

– Сны отражают наши страхи. – ответил хозяин дома, тоже проходя в комнату. Как же я рад видеть его живым! – Я бы сказал, что это кризис смерти, если мотив повторяется не единожды. И провел бы мальчику терапию, чтобы не было таких пугающих сновидений.

– Так и сделаем. Спасибо, Зигмунд. – ответил ему папа.

– Пожар. – произнесла Александра. – Он был, но не тут. Дома случился пожар, Оксинт.

При таком известии меня тут же смело с постели. Пожар дома! Неужели камень, как я и предположил, проявил себя с худшей стороны? Или это дело рук Томаса?

– Как Женя? А животные? – спросил я.

– Все живы, да и пожар быстро погасила противопожарная система. – ответила мама. – Но я жажду узнать, почему он случился. Ох, и не поздоровится парню, когда мы вернемся.

– Елена, не надо. – возразил отец. – Не думаю, что Евгений к этому причастен. Он такой же пострадавший.

Я слушал их и отчаянно желал сказать, что папа прав, и виноват не Евгеша, а камень. Но что-то меня останавливало. Параллельно я заметил, что мама очень зла на дядюшку и по привычке обрадовался. Теперь-то она точно в него не влюбится. Но тут же себя одернул. Может, этого и вовсе не случится. Ведь я уже не так безоговорочно верю в то, что

напророчил Томас, когда его нет рядом.

Поскольку дома все уже было в порядке, родители решили, что мы отправимся на Эдем сразу после того, как папа прочитает лекцию – она у него с самого утра. Отец – ответственный человек и не может подводить людей даже в форс-мажорной ситуации. Он позвонил на станцию, и для нас нашлось окошко через час после окончания его лекции

Нам же предстояло пока собрать вещи и быть наготове. Этим мы и занялись. Я взял с тумбочки книгу о камнях, и отнес ее профессору.

– Знаете, молодой человек, я тут взял на себя смелость... – начал хозяин дома. – В общем, я решил, что небольшой подарок не будет лишним.

С этими словами он протянул мне точно такую же книгу – но с автографом автора. Я обрадованно поблагодарил мужчину и поинтересовался, когда же он успел.

– У нас с дядей есть традиция – мы вместе бегаем по утрам. Вчера я ему позвонил и рассказал, что вы проявили интерес к его трудам. А сегодня дядя принес книгу.

Я еще раз горячо поблагодарил мужчину и вернулся к себе, прижимая томик к груди. Не знаю, скоро ли я начну снова спокойно смотреть на камни. Однако их изучение теперь обязательно продолжу. Врага надо знать в лицо.

Но пока что я решил еще немного поспать. Из-за кошмарного сна я чувствовал себя совершенно разбитым и невыспавшимся. Глаза закрывались сами по себе. Конечно, я бо-

ялся, что мне снова приснится что-то страшное. С другой стороны, упасть с одау, если случайно засну в полете, я боюсь еще больше. Да и телепортироваться лучше более-менее выспавшимся. Поэтому я попросил Александру снова окатить меня водой, если я начну вести себя неадекватно. Сестра с удовольствием согласилась.

Я же закрыл глаза. И увидел прямо перед собой лицо Томаса. Открыл – рядом была только Александра, которая копалась в своем арновуде и не обращала на меня внимание. Снова закрыл – и опять увидел Тома.

– Что это? – мысленно спросил я.

Думаю, если сейчас я начну говорить вслух, сестра точно на меня ведро воды выплеснет.

– Здравствуй, Оксинт. Как твои дела? – как ни в чем ни бывало поинтересовался мерзавец.

– Как ты оказался у меня в голове? Я же забыл камень дома. Или ты врал мне? Ты телепат?

– Мой милый мальчик, когда же ты поймешь: наша связь с тобой гораздо глубже и крепче, чем ты можешь себе представить. Ни телепатия, ни камни не могут усилить или ослабить ее. Она просто есть.

Не могу сказать, что это известие меня обрадовало. Меньше всего я бы хотел, чтобы он имел возможность прокрасться в мои мысли без моего же ведома. Мужчина и раньше так поступал, но я считал, что пока рядом со мной нет камня – я от него защищен. Теперь же, получается, что это не так. И

мне все время придется быть настороже. А это выматывает.

– Почему у нас связь? Как ее прервать? Говори мне правду!

– Я твой энергетический двойник. Наша связь никак не прервется, не надейся.

Это стало для меня настоящим ударом. Я быстро вспомнил то, что знаю об энергетических двойниках. Благо, в свое время Даниил не пожалел сил и времени, чтобы втолковать мне некоторые основные принципы наследования силы. Один из них – энергия передается в пределах рода минимум через триста лет.

– Ты мой потомок? Это отвратительно! Но как тебе досталась моя энергия, если она передается через три столетия? Ты соврал мне по поводу временного промежутка, который нас разделяет? Или врешь сейчас?

– Из всех правил случаются исключения. Вспомни: объем твоей энергии не слишком большой. Вот и для очищения и нового воплощения ей нужно меньше времени. Я никогда тебе не врал, Оксинт.

– Почему же не сказал, что мы двойники, состоим в родстве?

– Потому что это не имеет отношения к делу. И тебя это не обрадовало бы. Однако я решил обнаружить нашу глубинную связь не по этой причине. Ты уже знаешь, что случилось у вас дома?

Я кивнул.

– Я сделал с Евгением все, что мог. Попытался отогнать его от твоего дома, от твоей мамы. Но не получилось, малыш. Если сейчас ты мне не поможешь, твою семью ждет то ужасное будущее, которое ты видел.

Я молчал. Какое-то странное ощущение охватило меня, словно я раздвоился. Одна часть, та, которая вчера слушала папину лекцию и здраво рассуждала о сложившейся ситуации, не верила Томасу. Вторая, которая сейчас внимает ему, безоговорочно доверяла и была готова сделать все, что скажет мужчина. А самое страшное, что эта доверчивая часть взяла верх над другой, рассудительной.

Глава тридцать пятая. Правда ли наступит конец света?

– Что ты имел в виду, говоря, что сделал все что мог с Женей? Ты что, пытался его поджечь?!

– Нет, мой милый мальчик. Пожар был затеян, чтобы поспорить его с твоей мамой. Потому что правда о будущем на него повлияла не так, как я ожидал. Парень решил геройствовать.

– Объясни.

Если бы Томас был сейчас рядом, я бы с удовольствием дал ему по шее. Ведь получается, он едва не спалил мой дом! Никакая цель не оправдывает некоторые средства. Я давно уже заметил, что мужчина по головам готов идти, чтобы добиться того, что ему нужно. Но не думал, что он настолько сошел с ума. Ведь из-за него могли пострадать наши звери и дядюшка! Неужели он этого не понимает? Но сначала я хочу узнать, что там у него случилось с Евгением. А потом я на него поорю.

– Не надо на меня орать. – вдруг сказал мужчина, снова прочитавший мои мысли. – Между прочим, к идее о пожаре меня подтолкнул твой камень, и без моего маленького поджога случилось бы страшное. Но я начну по порядку.

Том стал рассказывать, а внутри меня снова активизиро-

вался тот радар, который сообщает, что мужчина не договаривает или привирает. Итак, по его словам, через пару часов после нашего отбытия Том попытался честно и спокойно поговорить с Женей. Тот, как мы и ожидали, с недоверием отнесся к его словам. Однако мужчина заставил парня взять мой камень, чтобы дядюшка увидел, что произойдет в будущем. А потом рассказал, что мама обречена в любом случае. Но если Евгеша не будет мешаться под ногами, на этом все и закончится. Останутся живы отец и Александра, будет жить он сам.

– Любой нормальный человек в этом случае ушел бы по-английски, чтобы не навредить друзьям. – продолжил Томас. – Но твой дурной дядюшка решил иначе. В нем воспылало геройское начало и он стремится во что бы то ни стало спасти твою маму.

На мой взгляд, как раз это стремление отличает любого нормального человека от эгоистичной трусливой задницы. Я и сам хочу спасти маму. Мне кажется, если человек знает, что кто-то погибнет и спокойно проходит мимо – это уже и не человек вовсе, а жалкое его подобие. Так что реакция Жени меня несколько не удивила.

– Я предупредил его, что это приведет к концу Вселенной, но Евгеша не поверил мне. Более того: он швырнул в меня твой камень. Я его поймал и увидел недалекое будущее.

– Что ты увидел? – выражение лица мужчины не сулило ничего хорошего, и я испугался.

Дальнейшие его слова напугали меня еще больше. В видении было два пожара: один на Эдеме, другой на Нибиру. И в них, если верить Томасу, не выжил бы никто.

– Но почему? – удивился я. – То есть, я понимаю, дома бы пожар устроил камень. За последнее время он получил слишком много моей негативной энергии. А почему должен был случиться этот страшный пожар на Нибиру, который я видел во сне?

– Из-за тебя, мой мальчик. Ты в последнее время стал с камнем единым целым. Когда он загорелся бы там, тут ты бы стал причиной пожара. Не веришь мне – посмотри в книге, которую тебе подарили. Там об этом сказано.

Теперь испуг перерос уже в панику. Неужели я мог стать причиной гибели моей семьи, да еще и профессора? Уверенность, с которой об этом говорил мужчина, не позволила мне сомневаться в правдивости его слов. Как же быть?

– Что теперь делать? Я же могу возгореться в любой момент!

– Нет. Теперь нет. После того как я устроил у вас дома небольшой пожарчик, камень сбросил свою негативную энергию. В ближайшие пять веков он не опасен.

Я облегченно выдохнул. Пятьсот лет – срок большой, я столько при всем желании не проживу. Я же не Архимед. Но тут же снова обеспокоился.

– А если бы не удалось потушить пожар? А если бы Евгений и животные пострадали? А если бы...

– Оксинт, не тараторь. Всех живых я вынес из дома еще до того, как полыхнуло пламя. А пожар потушила ваша противопожарная система.

Показалось мне или в последних словах Томаса просквозила досада?

– Как же ты справился с собаками? Они чужих не подпускают, если хозяева их не представили. Да и кошки тоже к кому попало не идут.

– Я умею ладить с животными. – мужчина позволил себе странную полуулыбку.

– Хм. Ладно. Но что же ты хочешь от меня теперь? Что я могу сделать, чтобы помешать Евгению? И надо ли? Вряд ли мама ему поверит.

– Мама не поверит, но может поверить папа. Твоя задача – настроить против Евгеши их обоих. И Александру заодно. Только так вы сможете его выгнать, а иначе – конец. Вселенная может сама исправить эту ошибку, как я тебе уже говорил. Или начнется заново, но уже безо всех нас.

– Я... – начал я и запнулся.

Мой радар по-прежнему свидетельствовал о том, что в чем-то Том мне врет. И потому я несколько сомневался в правдивости всего им сказанного. Правда ли камень показал ему то, что он сказал? Правда ли агат теперь не опасен? И правда ли наступит конец света, если мы попытаемся маму спасти? Это самый главный вопрос, ответ на который волнует меня больше всего. Я смирился с тем, что придется пой-

ти на такую страшную для меня жертву, чтобы сберечь весь мир. Но, как оказалось, не до конца.

А еще меня не отпускало ощущение из моего сна. Когда мне вдруг стало спокойно и все равно. Может, так и надо? Наша жизнь без мамы будет тусклой и печальной. Так может быть, пусть и случится конец света, чтобы мы могли навсегда воссоединиться там, где в конечном итоге все оказываются.

Да, можно обвинить меня в эгоизме, в том, что я не думаю обо всех остальных существах во Вселенной. Кто-то из них хочет жить, многие счастливы и довольны. Но это пока. Им тоже не избежать утрат, разочарования, горя. Если так посмотреть, я напротив делаю всем одолжение. Когда мы все окажемся в мире, где нет смерти – кто же будет там несчастлив?

– Не слышу уверенности в твоём голосе, Оксинт. – вырвал меня из размышлений Томас.

Вздвогнув, я глянул на него. После того как мужчина в очередной раз прочитал мои мысли, я их заблокировал, как учил меня Даниил. Есть такой вариант блокировки, очень хитрый и мой любимый. Если обычная защита от телепатов и прочих любителей читать мысли просто не допускает их в чужой мозг и те понимают, что столкнулись с блокировкой, то здесь все несколько сложнее.

Защита, которой я сейчас пользуюсь, ничем себя не выдаёт. Тот, кто попытается сейчас прочитать мои мысли, услышит лишь фоновый шум, каскад обрывков высказываний,

междометий. Как будто человек пребывает в растерянности и потому торопливо перескакивает с одного на другое. А вот его настоящие мысли в этот момент будут недоступны.

Помню, когда Даниил учил нас с сестрой защищаться, он очень настаивал именно на освоении такого варианта блокировки.

– Понимаете, милые, обнаружив вашу блокировку, опытный телепат поймет, что вы что-то от него скрываете и удвоит усилия. – объяснял он. – А защиту с подменной распознать очень сложно. Человек подумает, что вам нечего скрывать, он услышит ваши беспорядочные мысли, и отстанет.

– Ой, Дань, будто опытный телепат не сможет понять, что мы защищаемся. – фыркнула тогда Александра. – Да и что стоит наша блокировка против его умений? Мы же антителипаты.

– Уж поверь, детка, если вы освоите защиту под моим руководством, она обманет многих, даже очень опытных, телепатов. Кроме меня, разве что. – улыбался наш скромный гений, после чего мы продолжили занятия.

Так что теперь я не боялся, что Томас прочтет мои мысли. И мог разработать свой собственный план действий. Во-первых, я избавлюсь от камня сразу же, как доберусь до дома. Хотя кто сказал, что агат и правда показал Тому то, что показал? Впрочем, мне же пожар приснился и это что-то да значит.

– Я постараюсь, Том. – ответил я ему тем временем.

– Не так. Не постарайся, а сделай, как я сказал. Иначе мне придется самому решить эту проблему.

Глаза мужчины стали такими же безумными, как и тогда, когда он намекал, что может применить силу, если я его не послушаюсь. И это меня снова напугало. Я вовсе не хочу, чтобы от его руки по моей вине пострадали те, кого я люблю. Значит, надо его перехитрить. Сделать вид, что я согласен. А самому быстро избавиться от камня и придумать, как быть дальше.

– Я все сделаю.

Томас кивнул, и исчез. Я же распахнул глаза и увидел маму.

– Пора, милый. – сказала она. – Ты выспался?

– Угу. – соврал я.

Выспишься тут, если прилипчивые чокнутые не дают! Но когда я поднялся с кровати, то почувствовал, что и правда успел немного отдохнуть. Хорошо, что Том, получается, снова погрузил меня в сон. Так я хотя бы слегка выспался, и теперь сил хватит на полеты и телепортацию.

Профессор вызвался проводить нас до платформы. Мы его отговаривали, поскольку и так уже доставили ему массу неудобств. Но он считал, что это вовсе не неудобства. Святой человек!

– Я люблю гостей. – разглагольствовал мужчина уже когда мы прибыли на станцию. – И всегда им рад. Думаю, вскоре тебя, Иксион, снова пригласят читать цикл лекций, и при-

глашаю всех вас снова остановиться у меня. Опять же, милые дети, когда будете выбирать институт – помните, что на Нибиру у вас есть место, где вы сможете пожить или просто прийти в гости за советом. Я всем вам всегда рад.

Мы все растрогались и горячо поблагодарили профессора. Потом встали на платформу и переместились. Уже дома я вспомнил, что хотел попросить маму пройти обследование. Но так этого и не сделал! Впрочем, ночь была страшной, а утро суматошным. Так что сейчас я разберусь с камнем, а потом попрошу маму все-таки отправиться в больницу и узнать, все ли с ней в порядке.

Еще с телепортационной станции я выходил в полной уверенности, что так и надо поступить. Однако по мере приближения к дому уверенность эта таяла, словно мороженое на солнце. Вспомнив о камне, я испытал вдруг не только привычную тоску, но и чувство паники. Оно усиливалось по мере приближения к дому.

А вдруг Томас не прав, и едва я войду в дом, как агат вспыхнет? А вдруг Том его и запрограммировал на то, чтобы так он и действовал? В самом деле, может, он решил, что не к чему рисковать, и надо покончить с нами со всеми поскорее. Да, наверное, так оно и есть. Ведь если не будет меня и Жени, то никто не скажет маме о ее болезни. Да и если ее не будет – Вселенная продолжит свое существование, как ни в чем ни бывало.

Внезапно меня качнуло и я понял, что соскальзываю с

одау. Попытался ухватиться за диск, однако руки мои обожгло пламенем, и я разжал пальцы. Летели мы быстро и очень высоко, так что шансов выжить и не разбиться нет никаких. Я зажмурился от страха: как глупо все получилось!

Глава тридцать шестая.

Кошмар сбывается наяву

Но вопреки ожиданиям я плюхнулся во что-то мягкое, открыл глаза, увидел какую-то серую дымку и немедленно зажмурился. Носом и ртом я втянул воздух, но вместе с ним и какой-то порошок, от которого закашлялся. Порошок словно осел на легких и на слизистой, я никак не мог от него избавиться и уже стал выплевывать непонятно откуда взявшуюся слизь. Попробовал сделать еще один вдох, и снова тот же порошок!

Кашляя и отплевываясь, я встал на четвереньки и пополз вперед, по-прежнему не открывая глаз. Вдобавок еще стало очень жарко, по лбу потек пот, и каждая струйка словно разъедала кожу. Объем воздуха катастрофически уменьшался, я инстинктивно опять вдохнул, ожидая снова ощутить в носу этот порошок. Но вдруг понял, что дышу пусть и очень горячим, но чистым воздухом, безо всяких посторонних примесей.

Распахнув глаза, практически прямо перед собой я увидел Евгения. Место, где мы оказались, мне было незнакомо, но напоминало Садроди – везде серая земля и какие-то непонятные кучи пепла. Оглянулся – так и есть, я упал в одну из них. И это пепел продолжал сейчас раздирать мне легкие. А

все красное небо заняло огромное пылающее солнце – прямо как в моем кошмаре.

– Помоги мне! – крикнул я парню.

Но Женя и ухом не повел. Только сейчас я увидел, какой он бледный, как тупо смотрит перед собой, словно ничего не видит, как до крови кусает сухие губы, но наверняка не ощущает этого. Я подполз ближе, стал трясти его, даже залепил пощечину – но никакого эффекта мое поведение не возымело.

– Оставь его. – раздался голос Томаса. – Его разум уже не в этом мире. Только телесная оболочка. Недолговечная и такая ненадежная.

Я оглянулся и увидел ненавистного потомка. Во всем черном и на фоне огненно-красного неба он напомнил мне зловещего ворона, предвестника несчастья.

– Что ты с ним сделал?!

– Я? Нет, это сделали вы оба. Ты и он.

В ответ я только поморгал, но уже начал понимать, в чем дело. Евгений сказал маме, что ее ждет. И это обернулось концом света. Томас был прав.

– Елена. – вдруг прохрипел Евгеша.

– Вот она, Елена. – к моему ужасу, Том показал на кучу пепла, из которой я выпал. – А там, чуть подальше – твой отец, Оксинт. Вон те две небольшие кучки...

– Заткнись! – заорал я, надеясь, что тоже сейчас лишусь ума. Насколько легче мне тогда будет!

– Не надейся, мальчик. Один из вас должен понести наказание за все, что вы сделали. Твое упрямство, твой эгоизм – все это привело к тому, что ты сейчас видишь.

– Но я не... Как все исправить? Том, это же очередное видение! – вдруг осенило меня. – Тебя не было бы тут, если бы конец света и правда случился!

– Забери камень. Он покажет ей, что случится, при помощи камня. Забери агат, чтобы он не показал ей будущее.

Тут же картинка сменилась, и я снова летел на одау рядом с мамой. Но что-то подсказало мне: до конца света, который я только что видел, остались считанные часы. Значит, мне надо забрать у Евгеши мой камень, иначе он покажет маме, что она и правда заболела. А как? Ведь она не может видеть будущее, это наша способность.

Но тут я отвлекся, потому что перед глазами показался наш дом и стал стремительно увеличиваться в размерах. А на крыльце уже поджидал дядюшка. Наверное, хочет с порога все рассказать. Ну уж нет! Я прислушался к себе и не ощутил присутствия агата у парня. Наверное, он лежит в моей комнате. Надо поскорее его забрать и убежать, спрятать этот страшный камень подальше, чтобы даже я найти не мог.

Я спрыгнул с одау, не дожидаясь, пока он опустится на землю, и понесся в дом. В комнате я кинулся к столу, но агата на нем не было. Не оказалось его и в ящиках, на кровати, на книжной полке...

– Где мой камень?! – закричал я, когда на пороге появился

дядюшка.

– Где твой друг? – ответил он вопросом на вопрос.

Я накинулся на него с кулаками – а что еще я мог сделать? Но треклятый Евгеша перехватил мои руки. Ненадолго, к счастью: на пороге нарисовалась мама и потребовала меня отпустить. Не знаю, что на меня нашло, но когда парень это сделал, я снова стал его лупить. Тут подоспел отец, и прижал меня к себе. Я затих.

Взрослые, точнее мама и Женя стали орать друг на друга, а я пытался почувствовать, где мой камень. Дома его не было – это я уже понял. Неужели негодяй его унес? Да какое он имел право!

Тут Евгений прикрикнул на мою маму и я снова захотел ему врезать. Кем он себя возомнил, почему решил, что ему дозволено поднимать голос на нее?! Но тут он поступил еще хуже и сказал, что мама больна и может умереть.

– Не слушайте его! – закричал я. – Он все врет!

– Тебе это мужик в черном сказал? – спросил подлец. – Или камень показал?

Я испуганно глянул на него. Женя и правда решил всем рассказать про агат! Я не успел, не смог предотвратить тот кошмар, который начнется прямо сейчас. Еще и Александра влезла с воспоминаниями о том, что мне снилась мамина смерть.

– Да замолчи ты! Вы ничего не понимаете! – закричал я и забился в руках отца, как в силках.

Неожиданно он меня выпустил и я рванул к окну. Сейчас случится самое страшное, то, чему я не сумел помешать. Я не могу это видеть, не могу слышать их крики... Да, я трус, но это выше моих сил!

Я бежал, не разбирая дороги, и уже кожей ощущал, как становится жарче. Все началось, и сейчас солнце будет сжигать нашу планету, нас. Наступил конец света. Да, недавно я сам желал этого, но тогда не знал, что конец света – это настолько страшно.

Вдруг кто-то схватил меня. Вскинув голову, я обнаружил взбешенного Томаса. Ноги сами привели меня к озеру и шалашу – наверное, он понял, что я прибегу именно сюда и подстерег в камышах.

– Отпусти!

– Что я тебе приказал сделать?! – глаза Тома не сушили мне ничего хорошего, и отпускать он меня явно не собирался.

– Отпусти меня! Сам бы попробовал им помешать!

Но мужчина, кажется, меня и не слышал. Его руки, крепко державшие меня, стали сжиматься вокруг груди, и тело пронзила боль. Да он же меня сейчас просто раздавит – силы у него на это точно хватит! Подумав об этом, я настолько испугался за свою жизнь, что на время, кажется, тоже потерял остатки всякого разума.

Иначе как объяснить, что я одновременно ударил мужчину головой в подбородок и ногой в пах? От неожиданности

он пошатнулся, выпустил меня и упал на колени. Я на автомате врезал ему еще и по кадыку, отбежал подальше. Да, моя сестра лучше усвоила уроки деда, но оказывается, в стрессовых ситуациях мое тело тоже может вспомнить, чему научил нас Антей.

Но это открытие радости не принесло. Напротив, меня билa крупная дрожь, ведь я сделал то, чему противится вся моя природа! Одно дело – колотить Евгешу, которой особо и не ощутил моих потуг, а совсем другое – причинить настоящую боль человеку! Впрочем, тут я вспомнил, кто этот человек и постарался собраться. Если буду сейчас сокрушаться, он меня убьет. Придется оставить жалость в стороне, ведь мне теперь предстоит сражаться за собственную жизнь!

Томас и правда уже вполне оклемался от моего внезапного нападения. Возможно, это было не столько больно, сколько неожиданно. И сейчас он готовился к новой атаке, а я спешно соображал, как мне ее отразить. Поблизости, как назло, ни камня, ни палки. Что же делать? Впрочем, мужчина кинулся на меня, и вопрос остался без ответа.

Я вскрикнул и инстинктивно выставил руки вперед. К моему удивлению, атака не состоялась – вместо этого Тома сильно откинуло от меня прямо в озеро. Телекинез! После того как я несколько дней назад впервые отбросил от себя негодяя, мне больше не довелось пользоваться этой силой, хотя поначалу я пытался. Но, вероятно, активный дар, в отличие от пассивного, проявляется лишь при сильнейшем

эмоциональном напряжении. Что-то такое я читал в книгах Даниила.

Но не время сейчас вспоминать прочитанное. От души пожелав Томасу захлебнуться и тут же устыдившись такого желания, я не стал проверять, сбылось ли оно, а просто дал делу. Одновременно с этим я заблокировал мысли, чтобы он, если всплывет, меня не нашел, и понесся прочь от своего тайного места.

Но куда же я бегу? Одно понятно – подальше от Тома, который точно отправит меня на тот свет раньше, чем закончится этот. Хотя, судя по всему, конец света в ближайшие минуты нам не грозил. Небо было таким же чистым, ясным и голубым, а солнце стояло на своем привычном месте и не торопилось увеличиваться в размерах. Жарко же мне стало от того, что я слишком быстро бежал. Наверное, Женя еще не показал маме будущее. Почему он медлит? Ведь ждать – хуже всего!

Я едва было не повернул домой, чтобы узнать, в чем заминка, но тут же передумал. Во-первых, мне стыдно и страшно там появляться. Во-вторых, попросту опасно. Ведь Томас может рвануть туда следом за мной, и причинить боль кому-то из членов моей семьи. Да, там двое взрослых мужчин, и мама тоже вполне может огреть его чем-нибудь тяжелым. Но все-таки лучше не рисковать и не подставлять своих. Я их и так уже подставил.

Я снова позволил ногам идти куда угодно, и они в итоге

привели меня на конюшню. Там я прошел в последнее стойло, опустился на сено, закрыл глаза и вдохнул такой родной и любимый запах. Здесь раньше работала мама, а я всегда был рядом с ней. С той поры аромат сена и запах конюшни ассоциируется со счастьем.

Кажется, что сейчас я открою глаза – и мне снова пять, а рядом мама. Она осматривает лошадей или расчесывает их. А иногда и мне доверяет это делать. Никогда не забуду, какво это – поить из бутылочки маленького жеребенка. Он уже выше меня, но младше, о нем надо заботиться. А взрослая лошадь, его мама, следит за нами. И поняв, что я не причиню ему вреда, улыбается глазами. Потом берет бархатными губами угощение с моей ладони, немного щекоча ее.

Я же, задыхаясь от восторга, утыкаюсь носом в мамину юбку. В конюшне приятно пахнет горячим деревом, а на досках, нагретых солнцем, выступила смола. От мамы пахнет так знакомо и любимо. Я, маленький, не знаю еще этого мира. Но одно я знаю точно: мама будет всегда. И я буду любить ее всегда. Потому что иначе не бывает. Потому что без этого и мира не будет! Ведь что такое этот самый мир? Это счастье ребенка, которого любят родители. У которого есть родители. Который любит их.

Я смахнул слезы, свернулся клубочком на сене. Теперь оно не такое мягкое, каким казалось мне в детстве. Колкое, жесткое, не такое. Впрочем, мир тоже теперь не такой. Все не то и все чужое для меня, как чужда и мысль, что мамы не

станет. Мысль, которую пришлось принять.

Глава тридцать седьмая. Мама?

Через некоторое время я глянул на арновуд и глазам своим не поверил. Мы прилетели домой в два, а сейчас было уже четыре. Что же случилось, почему мир продолжает существовать? Я, конечно же не хочу, чтобы он вдруг передумал, но по всем подсчетам самое страшное уже должно было случиться. Может, мама с папой не поверили Евгению и выгнали его? Но тогда они наверняка должны попытаться меня найти. Проще всего это было сделать, позвонив мне, но вызовов не поступало. Что же произошло?

Тут я похолодел. Может, Томас привел угрозу в исполнение и сам устранил все возможные причины конца света в виде моей семьи? Надо было идти домой, однако я словно окаменел и не мог даже с места сдвинуться. Хотя нет, ну конечно же нет. Если бы он это сделал, вряд ли бы жаждал еще и моей крови. Тем более папа и Женя уж точно скрутили бы негодя в два счета.

Да, он бы к ним не сунулся. А может, мне попробовать увидеть ближайшее будущее? Вдруг оно, это самое будущее, еще есть? Я глубоко вдохнул, закрыл глаза, крепко зажмурился даже. И попытался заставить явиться видение грядущего. Однако у меня ничего не вышло. Не страшно, я попробую еще.

Но чем больше я предпринимал попыток, тем меньше у

меня оставалось энтузиазма. С чего я вообще взял, что смогу увидеть будущее без камня? Да, раньше у меня это несколько раз получалось, но спонтанно, а по заказу видения вызывать я так и не научился. Только с камнем это получалось, и то не каждый раз. Так что вряд ли я сейчас что-то увижу.

Может, вообще Томас меня обманул и нет у меня дара предвидения! Или же он сам верит в то, что он есть у меня и у него, а на самом деле это чья-то злая шутка. Кто-то свел с ума его, а он пытался сделать сумасшедшим меня. И только случайно ничего не получилось. Ведь я и правда не мог управиться со своим даром, а если бы он был – я бы им уже хоть как-то управлял. Наверное и телекинез – это тожеделки камня, будь он неладен.

Вдруг меня бросило в жар. Мысли о том, что все сказанное Томом неправда, и мама не больна, уже не раз приходили мне в голову. Как и о том, что ее жизнь не будет расплатой за жизни всех, кто существует, а потому ее можно вылечить, она может жить дальше. И если это и правда так – получается, я совершил самое страшное, что только может совершить человек. Я предал маму. Я от нее отказался.

Уши горели от стыда и боли, глаза наполнились слезами. Какой же я малодушный и трусливый! Я должен был до последнего верить, я должен был за нее бороться, чем бы мне это ни грозило. А я потрепыхался немного, испугался и сдался. Как теперь мне смотреть маме в глаза, как мне вообще жить дальше с пониманием того, что я не стал сражаться за

ту, кто мне дороже всех на свете?

Сердце сжалось от боли, я разревелся, как маленький ребенок, и вдруг почувствовал руку на щеке. Мамину руку – ее я узнаю из тысячи. Поднял взгляд и увидел ее глаза, светившиеся такой любовью и добротой, что мне тут же стало в миллиард раз хуже, чем было только что.

– Мама...

Я тут же рассказал ей все-все-все. Про Томаса, про мои видения, про то, что я отказался от нее. Пусть она знает, а ее укоряющий взгляд и разочарование во мне с последующим отдалением и презрением станут для меня наказанием. Я ведь еще не то заслужил.

Мама выслушала меня не перебивая, от начала и до конца. Но удивительно – никак не переменилась по отношению ко мне. Я закончил и глянул на нее.

– Знаю, что я худший из сыновей. Я пойму, если ты не захочешь больше знать меня, и...

– Бедный мой маленький. Сколько же ужаса пришлось пережить тебе. А я ничего не замечала. Прости меня, малыш.

С этими словами мама обняла меня, а я удивленно на нее посмотрел. Она без слов поняла мое изумление.

– Я ни в коем случае не сержусь на тебя, Оксинт. Удивительно: ты такой маленький у меня, но твое сердечко вмещает столько любви! Ты не сделал ничего плохого, милый, ты на такое просто не способен.

– Я отказался от тебя, я предал.

– Нет. Ты всем сердцем желаешь, чтобы я жила. Но ты не хочешь зла и всем остальным. Ты любишь папу и сестру с братом, ты хочешь, чтобы и они были живы. Знаешь, мой хороший, когда ты родился, я испугалась. Испугалась, что не смогу сделать тебя счастливым. И того, что сделаю что-то не так, и тебе будет трудно в этом мире. Но теперь понимаю, что твое большое, одновременно ранимое и такое сильное сердце, станет тебе настоящей защитой. Что рядом с тобой всегда будут те, кто любит тебя. И кого любишь ты.

– Но я не хочу, чтобы рядом со мной не было тебя.

– Это, увы, естественный ход вещей, мой дорогой. Но я еще долго буду рядом. И самое главное, чего я боялась, когда видела тебя, Александру и Антея впервые – что мне придется уйти рано, что я не побуду с вами подольше. Ведь вы мои самые любимые, с вами мне было бы тяжелее всего расставаться. И знать, что вы остаетесь одни. Наверное, поэтому так устроено, что у ребенка два родителя – чтобы оставшийся поддерживал дитя и сам жил ради него после того, как не стало его половинки. Наверное, поэтому и природа дала нам возможность дарить жизнь не одному, а нескольким детям. Чтобы не так одиноко вам было в этом мире, когда мы уйдем. Но не бойся этого. Теперь мы будем вместе еще очень долго.

– Правда?

– Да, мой хороший.

Я улыбнулся и прижался к маме. Но тут же снова встревожился.

– Надо остерегаться Томаса. Он может...

– С ним теперь тоже все в порядке. – улыbnулась мама. – Ему тоже было страшно, он, как и ты, запутался. Но теперь у него все будет хорошо. Он и сам очень хороший человек, просто ему не повезло наткнуться на этот камень.

Не знаю, то ли все-таки дар предвидения у меня есть, то ли мой радар сработал, но я понял: мама права. С Томасом теперь тоже все в порядке, и он больше нас не потревожит. Вдруг я почувствовал, в каком страхе мужчина был все это время и даже пожалел его. А потом ощутил нечто удивительное: я его прощаю. За все те месяцы мучений, за его ложь. Впрочем, он-то думал, что это правда. Я понял, что не держу на Тома зла. Пусть у него все будет хорошо.

Едва последняя мысль пришла мне в голову, как я тут же вдруг зевнул.

– Ты сильно устал за эти месяцы. – покачала головой мама. – Поспи, пока мы ждем остальных.

Мама запела песню, которую в детстве всегда пела мне в качестве колыбельной. Это очень старая и красивая песня, про мать – Луну и ее детей – звезд, которые всегда находят дорогу домой, ведь путь им освещает материнское сердце. Я улыbnулся, закрыл глаза и правда задремал. Даже кошмары не снились.

Проснулся я от того, что рядом присел папа. Я обнял его, а мои плечи обвили руки Александры. Так мы и сидели все вчетвером, а я прислушивался к стуку таких любимых сер-

дец и радовался тому, что буду слышать, как они бьются, еще очень долго.

Наконец, я осмотрел бесконечно любимые и родные лица.
– Пойдемте?

Родители и сестра кивнули. Я взял за руки маму и папу, Александра обняла меня, так мы и вышли на улицу. Я pokrутил головой по сторонам, увидел Евгения, и мы подошли к нему. Я не выдержал, бросился к парню и обнял его так крепко, как только могу. Потом несмело поднял голову – вдруг он сердится? Однако дядюшка тепло улыбнулся мне и я понял, что все и правда теперь будет хорошо.

Мы отправились домой, но я и папа по пути еще заглянули в больницу. Там меня проверили и оказалось, что у меня в будущем тоже могла развиться болезнь мамы. Но врач сообщил, что нам нечего бояться. Уже завтра придет вакцина, и всего один укол избавит меня даже от намека на это заболевание. Услышав про укол я приуныл, потому что боюсь иголок... Теперь надо будет набраться мужества на эту процедуру. А где его искать?

В остальном остаток дня и вечер прошли тихо и очень хорошо, как раньше всегда было в нашей семье. Перед сном, когда мама уже пришла ко мне, я попросил ее немножко подождать – пока что я набрался мужества для того, чтобы сходить к дядюшке. Она поняла, улыбнулась и сказала, что я все делаю правильно. Воодушевленный таким напутствием, я отправился в комнату к парню.

Честно говоря, этого разговора я боялся едва ли не больше, чем грядущей прививки. Хотя я уже и понял, что Евгеша на меня не сердится, было банально стыдно за то, что я поверил Томасу, а не ему. Да, я ребенок, легковнушаемый и доверчивый, но все же должна быть голова на плечах! Тем более парень столько раз предлагал мне свою помощь... Хорошо, что в итоге он решил не ждать, пока я ее приму, а начал действовать. В некоторых ситуациях дожидаться согласия нельзя, а промедление смерти подобно. Спасибо ему за то, что он поступил против моей воли... Хотя вообще-то Женя сделал то, чего я желал больше всего. Он спас мою маму.

Дядюшка, оказывается, меня уже ждал. Мы с ним очень хорошо поговорили и я с облегчением узнал, что он действительно не держит на меня зла. Золотой человек! Потом Евгеша напомнил про завтрашнюю прививку, и я тут же погрузился. Понимаю, что глупо бояться таких мелочей, особенно после того, как я пережил эти кошмарные месяцы. Но я ничего не могу с собой поделать!

Моя перемена в настроении не ускользнула от парня.

– Что такое, Оксинт?

– Я... Я боюсь уколов. – признавшись в этом, я понял, что покраснел до ушей.

– В этом нет ничего постыдного. Все мы чего-то боимся. Я, например, долго боялся темноты. А был в это время уже старше тебя! Но прививка нужна. Ты попроси того, в присутствии кого тебе не так страшно, быть с тобой.

Я радостно посмотрел на него. А ведь это действительно очень хороший совет! И правда, рядом со взрослым, который не спасовал перед лицом опасности и продрался через все трудности, даже не ради себя, а ради, по сути, посторонних людей, мне будет гораздо легче. Я верю, что часть его храбрости наверняка передастся и мне тоже.

– А ты со мной сходишь на прививку? – спросил я Женю.

Парень удивился, и я его вполне понимаю. Совсем недавно я пытался от него избавиться, и отношения между нами были натянутые, мягко говоря. Однако сейчас Евгеша – мой герой. Я восхищаюсь его смелостью и тем, что парень не испугался Томаса, который даже поджечь его пытался. А еще я восхищен добротой и отзывчивостью парня, ведь именно эти качества он проявил, когда спас мою маму.

– Милый, я не знаю, пробуду ли тут до утра... – я расстроено вздохнул, но тут услышал внезапное продолжение. – Я буду с тобой. Не волнуйся. Сделаю для этого все возможное.

Я радостно обнял Евгения и убежал к себе. Несмотря на то, что он перемещается не по своей воле, что-то мне подсказало: дядюшка никуда не улетит, пока мне не сделают прививку. Он такой, он свое слово сдержит.

Глава тридцать восьмая. Тайна агата

Так и случилось: утром Евгеша вышел к столу, и я облегченно выдохнул. Он все-таки остался! А после завтрака мы все вместе отправились в больницу. В первую очередь прививку поставили маме, и когда это произошло, мы все разулыбались: опасность отступила, теперь мы и правда будем вместе долго-предолго! Разумеется, в случае мамы одним уколом не обойтись. Ей предстоит вводить вакцину раз в месяц в течение целого года. Но главное – то, что болезнь вовремя обнаружена и врачи занялись ее лечением. Значит, все будет хорошо.

После мамы врач приблизился со шприцем к Антею. Однако его в этот момент очень удачно отвлекла Александра. Она корчила малышу рожи, он смеялся и кажется, даже не заметил укола. Впрочем, как и сама Александра – она даже не моргнула, когда игла коснулась кожи! Какая же она у меня смелая!

Теперь наступил мой черед. Я почувствовал, как волнение усиливается, но тут дядюшка дал мне пакетик. Конечно же, я тут же засунул в него нос и вытащил мягкую игрушку – зайчика. Он был такой приятный наощупь, что я тут же забыл про свое волнение. И где Евгеша его достал?

– Это игрушка-антистресс. Видения не вызывает, я проверял!

Я засмеялся, и сел на стул, продолжая разглядывать игрушку. Потом глянул на парня.

– Спасибо, дядя Женя.

– Слушай... – удивленно протянул он. – Кажется, это и было мое главное дело – помочь тебе с прививкой.

Я поднял брови, а Евгений вдруг посмотрел на окошко в двери процедурной. Я тоже глянул туда и увидел Томаса. Вопреки обыкновению, сейчас он был не в черном. И улыбался – мягко и по-доброму, я его таким никогда и не видел. Они с Женей посмотрели друг на друга, и Том вдруг растворился в пространстве. После этого исчез и парень.

Кажется, у Томаса тоже многое изменилось, как и сказала мама. Я рад этому, ведь теперь он явно больше не будет являться ко мне со странными идеями, как спасти мир. К тому же, если мужчина и правда тоже был жертвой в этой ситуации, я могу ему только посочувствовать. И порадоваться тому, что все закончилось хорошо. Или нет? Ведь мы еще не разобрались с камнем...

– Что будет дальше? – спросил я у отца, который как раз заглянул в процедурную.

– Сначала мы сходим к Даниилу. – ответил он и дал мне кольцо.

Я надел аксессуар, который защищает нас всех от влияния вневременности. Мы с папой отошли к маме и Александре,

которые с Антеем поджидали нас в укромном уголке. Бдительно оглядев их руки, я увидел, что все уже надели кольца, а у малыша на запястье болтается браслетик с теми же свойствами.

Тут картинка сменилась, и мы оказались в гостиной Хроносов. Антея и женщин тут же поручили заботам Дании, а мы последовали в лабораторию, где нас уже ждал Даниил. Когда я переступил порог, всемогущий крепко обнял меня.

– Прости, малыш, я должен был за тобой присматривать и не допустить всего того, что ты пережил.

– Вообще это моя работа. – перебил его папа. – И моя вина – ведь я притащил этот камень домой, эту бомбу замедленного действия.

– Хватит устраивать перетягивание каната вины. – посмотрел я на них обоих. – И ты, папа, не воображал даже, что собой представляет камень. Я надеюсь, мы это сейчас узнаем?

– Ну конечно же. – улыбнулся Дан и подвел нас к столу, где лежал злополучный агат.

Я посмотрел на минерал и вдруг понял, что у меня больше нет никакого желания брать его в руки. Напротив: после всего пережитого хотелось оказаться как можно подальше от него. Всемогущий тем временем прочитал нам лекцию о камнях. Почти все я уже знал благодаря Томасу и книге, которую собираюсь полностью прочитать в ближайшее время. Но появилась кое-какая новая для меня информация.

– Вообще агат – это прекрасный камень, поэтому нет ничего удивительного в том, что твой отец, Оксинт, когда-то решил назвать своего друга в его честь.

– Ага. – кивнул папа. – Я так и сказал: в переводе с греческого он означает «хороший», несмотря на его черный цвет. Как и мой друг – вроде бы он и делал темные дела, но оказался хорошим человеком. Много позднее я узнал, что агат также означает «счастливый». Увы, таковым мой друг не стал. А теперь еще выяснилось, что и камень не такой хороший, как я думал.

– Пап, ты наконец-то расскажешь нам эту историю?

Отец кивнул. Даниил ободряюще похлопал его по плечу.

– Ты не мог знать о некоторых свойствах камней – накапливать энергию. Да и откуда бы? Ты ботаник, а не геммолог. Тобой двигало искреннее желание сохранить память о друге. Да и камень, повторюсь, изначально хороший. Ему предписывают и защитные свойства, и возможность отличать зло от добра, и способность усиливать дары, а также исцелять людей... Но конкретно этот камень слишком долго находился в обители Гедеона, куда попал с нашей родной планеты.

Дан поведал, что камни Власты, как и говорил ранее Томас, действительно сильнее всех остальных. А еще, поскольку они дольше всего находятся рядом с человеком, стали наиболее восприимчивы к мыслям людей, их энергии. И как губка впитывают в себя все без разбора – и плохое, и хорошее.

Даже агат, который различает добро и зло, защищает от последнего – тоже не может бороться с темной энергией бесконечно. А такой в месте, где обосновался Гедеон, было очень много. Старик варился в густом чувстве обиды, и эта негативная эмоция заполняла все пространство, в котором он обосновался. Камень впитывал обиду, злость старика, его разочарование, и за многие тысячелетия переродился в темный амулет, который способен принести очень много горя его обладателю.

– Финальным, так сказать, аккордом для его изменения стало убийство. – рассказывал Даниил. – Что может быть страшнее, чем даже мысль о том, что кто-то может насильно лишить другое живое существо жизни? А тут не мысль, поступок. Камень впитал энергию убийства и это завершило его перерождение. Пусть Агат не был человеком в биологическом смысле – но душа у него имелась! А убийство этой души так повлияло на минерал, что он стал опаснейшим амулетом. Повезло, что он так долго находился во вневременности. Поэтому и проснулся не сразу, а через четверть века. Впрочем, если бы не твои способности, Оксинт, может, он и дальше бы спал. А может, устроил бы вам Армагеддон локального масштаба.

– Мне будет любопытно услышать о моих способностях. – взволнованно ответил я. – Но сначала скажи, можно ли уничтожить камень, раз он так опасен? То есть... Папа, решение принимать тебе, но мне кажется...

– Ты прав, сынок. Этот камень причинил тебе столько несчастий, что стал мне отвратителен. А память о друге я храню в сердце.

– С другой стороны, именно он показал мне, что мама больна. Может, он спас ее.

– Спас ее все же Евгений. А ты из-за агата столько перенес. Я теперь и видеть его не могу!

– Собственно, за этим я вас и позвал. – вмешался Даниил. – И раз никто не против, сейчас мы им и займемся.

После этого он натянул перчатки и приблизился к агату. Мы же с папой предпочли остаться на более-менее безопасном расстоянии.

– Дан, а ты уверен, что камень сейчас безвреден? – решил я проявить разумную осторожность. – Вдруг из него что-нибудь как выскочит!

– Обязательно бы выскочило, мой друг. Но я его обезвредил. Ту негативную энергию, которую этот аккумулятор успел накопить, я выпустил и рассеял, она больше не опасна. Но агат остается бомбой замедленного действия, охотно копит отрицательные эмоции и даже мне неизвестно, каким образом он рванет в следующий раз. Тебя, мой малыш, он едва до сумасшествия не довел.

Это заявление меня слегка удивило. За прошедшие месяцы я чувствовал себя растерянным, напуганным, опустошенным, разочарованным, ощущал даже, что не хочу жить. Мне было больно, грустно и плохо. Однако до сумасшествия ме-

ня скорее Томас доводил, а не агат. Тогда как его наверняка и свел с ума камень. Может быть, Даниил намекает, что если я с агатом подольше побуду, то тоже поеду кукушкой?

– А кстати, почему я некоторое время не мог без него обходиться, Дан? Это тоже часть его природы?

– Да, милый мой. Амулеты должны быть такими – притягивающими и привлекающими, чтобы хотелось всегда носить их с собой. Но в нашем случае такое тесное соседство не на пользу. А теперь приступим, собственно, к работе с камнем...

– Что именно ты сделаешь? – поинтересовался папа.

– Разобью агат на мелкие кусочки, потом истолку в крошку в специальном приборе, а затем сожгу в плавильной печи. После этого можно его не опасаться.

Я покосился на печку, которая стояла тут же в лаборатории. Небольшая, с виду совершенно игрушечная... Но тетя Саша называет ее усовершенствованной моделью адского пламени.

– Неужели нужно так много действий, чтобы с ним справиться? – удивился отец.

– Да. Хоть это, по сути, сосуд – но с принимающе-захватывающей способностью, я бы сказал. Поэтому надо постараться, чтобы от него следа не осталось. Приступаем.

Дан взял щипцы, а мы отошли еще подальше – на всякий случай. Хронос хмыкнул, и закрепил агат в тисках. Потом взял молоток и какой-то инструмент, напоминающий доло-

то. Сделал сильный удар и удивленно присвистнул.

– Вот такого я не ожидал!

Вопреки осторожности и здравому смыслу мы с отцом подались вперед. Удар не полностью расколол агат, только маленький кусочек лежал рядом на столе. Сам камень утратил свой глянцевый блеск, стал матовым и от того еще более темным. А на том месте, где был раньше осколок, что-то блеснуло. Мы подошли поближе и увидели внутри агата какой-то другой камень, светлый, прозрачный, напоминающий застывший лед или слезы.

– Это что еще за матрешка? – удивился папа. – Бриллиант в агате?

– Нет. – ответил я раньше, чем Даниил. – Бриллиант играет в электрическом свете.

– Совершенно верно. – согласился со мной хозяин времени. – Это не бриллиант. Я изучу внезапный сюрприз и смогу сказать более определенно, с чем мы имеем дело. А теперь извиняюсь, пока что вам пора.

С этими словами мужчина крепкой рукой выдворил нас из лаборатории и закрыл дверь. Папа покачал головой и понесся в гостиную, а я поскакал за ним.

– Дания! – выпалил отец, врываясь в комнату. – Даниил, кажется, начал очередной эксперимент.

– Это должно меня взволновать, потому что... – откликнулась женщина.

Я ее понимаю: наш всемогущий постоянно что-то дела-

ет в лаборатории и за тысячелетия его супруга успела привыкнуть к тому, что в их доме происходит все что угодно. А потому не слишком об этом беспокоилась. Иначе бы она себя уже до неврастения довела, переживая каждый раз, когда Хронос направляется на свое рабочее место.

– Потому что эксперимент он проводит с агатом. – привел папа очень весомый аргумент.

Вот тут Дания переменялась в лице, и побежала туда, откуда только что пригалопировали мы. Эксперименты экспериментами, но камень по-прежнему опасен и неизвестно, чего от него ждать. Однако эти ученые, тем более гениальные, ничего не соображают, когда их понесет. Для этого у них есть твердо стоящие на земле супруги. Остается только надеяться, что Дания его вразумит и отговорит делать с камнем то, что гипотетически может навредить кому-то из нас.

Глава тридцать девятая.

Торжественный обед

Хроноса мы в тот день так и не дождались. Через некоторое время вернулась Дания, заявив, что ее драгоценнейший торжественно обещал не предпринимать ничего такого, чего не сделала бы она. На мой взгляд, обещание это вовсе не являлось гарантом безопасности. Однако всемогущая и себя, и мужа знала не первое тысячелетие – ей виднее.

Поэтому мы просто попили чаю с вкуснейшими пирогами от Дании и вернулись домой. Жизнь потекла своим чередом: мы с сестрой ходили в школу, отец на работу, а мама сидела дома с Антеем. Иногда в течение дня я останавливаюсь, вспоминаю все те месяцы, полные кошмара и страха, радуясь, что они уже позади. А потом подбегаю к маме, утыкаюсь носом в ее плечо и жмурюсь от счастья. Ведь так будет еще очень долго!

Как ни странно, больше всего эта история изменила не меня, а Александру. Она сейчас как раз переживала «славный» подростковый период, и иногда была, как папа по секрету говорил дяде Алексу, настоящей занозой в заднице. Нет, она у меня очень хорошая. Но темпераментная. Поэтому периодически я наблюдал ее мелкие стычки с родителями, а порой она просто их дразнила в силу неизвестно откуда взяв-

шейся вредности. Теперь же сестра об этих своих «милых» привычках словно разом забыла.

Поняв, что мама и папа не вечны, и мы можем потерять их в любой момент, она стала более нежно к ним относиться. Как и я, в течение дня подбегала их обнять, полюбила снова проводить время с семьей. Кажется, она теперь больше ценила общество родителей и хотела сполна им насладиться – пока есть время. Какое же счастье, что этого самого времени у нас много!

Ко мне Александра тоже переменялась. Мы всегда были дружны, но все равно она могла поддеть и меня, либо повоспитывать на правах старшей. Или просто повредничать. Но кажется, такое поведение тоже осталось в прошлом. Сестренка постоянно ужасалась тому, что я пережил, сокрушалась по поводу того, что не замечала этого. Я стараюсь внушить сестре мысль о том, что в этом нет ее вины. Надеюсь, со временем у меня получится. Александра же относится ко мне очень бережно, осторожно. Иногда меня это даже возмущает: я все-таки будущий мужчина! Но сестра напоминает, что старшая у нас она, а забота о младших – это не только ее долг, но и привилегия.

Я не спорю. В конце концов, у нас принято заботиться обо всех, вне зависимости от старшинства. Просто потому, что нам этого хочется, потому что мы любим друг друга. Наверное, поэтому мы очень счастливая семья, так как умеем ценить дорогих нам людей и не стесняемся высказывать свои

чувства. А история, которая произошла со мной, нас многому научила. В том числе и не прятать друг от друга любовь.

– А еще – не стесняться обращаться за помощью, что бы тебе ни говорили всякие непонятные дядьки. – добавила тетя Саша, которая обожает рыться в чужих мыслях.

Она приехала к нам сегодня утром вместе с дядей Алексом и Майклом. И в самую первую очередь попросила у меня прощения за то, что так и не смогла помочь.

– Не прощу себе того, что могла бы тебе помочь, и не сделала этого!

– Но ведь не по своей вине ты так поступила. Когда с Майклом случилась беда, естественно, что все твои мысли были о нем. – возразил я. – Потом еще сама заболела.

– Да, но я могла бы сказать твоим родителям. А в итоге получается, ты остался наедине с таким огромным кошмаром. Так не должно быть.

– Я бы перестал тебе доверять, если бы ты рассказала родителям о том, о чем обещала молчать. Да и тебе самой пришлось бы через себя переступить, через свои принципы. Нельзя предавать то, во что ты веришь.

– Возможно, ты прав. Но как хорошо, что рядом оказался мой братец и помог тебе. Пусть ты его и не просил.

С этим я был полностью согласен. Евгений появился в нашей жизни очень вовремя и по сути, спас не только маму, но и всех нас. Мы с нетерпением ждали, когда же закончатся его путешествия, и он снова сможет нас навестить. Даже

Даниила спрашивали, как он там, скоро ли освободится от выполнения поручений своего таинственного шефа. Однако всемогущий сказал, что не может даже толком за ним проследить, потому что Женя часто путешествует под присмотром уже других, новых Хроносов.

Это заявление меня, если честно, удивило. Не верится, что когда-то будут новые Хроносы – ведь были и есть Даниил с Данией. Но наверное смена повелителей времени – такой же естественный процесс, как сама жизнь. Одна только надежда на то, что это случится еще очень нескоро.

А вот совсем скоро случится торжественный обед у всемогущих. Кажется, Дан окончательно разобрался с камнем и с тем сюрпризом, который он скрывал. Дания, в свою очередь, захотела отпраздновать день благодарения – есть такой праздник на Земле, и по случаю раздобыла меню традиционных блюд на это торжество, которые и решила воплотить на своей кухне. Наша богиня просто обожает готовить по поводу и без. А разгадка тайны агата – это прекрасный повод, и Хроносы решили совместить его с торжественным обедом.

Поэтому после полудня все мы надели кольца – после того, как тетя Саша ворвалась однажды в жизнь Хроносов, они заготовили побольше аксессуаров, дабы во вневременности могло находиться как можно больше их потомков. И вскоре уже стояли в гостиной и обнимались с бабушкой Эригоной и дедом Антеем. Оказывается, их Хроносы тоже пригласили.

Наконец, все расселись за столом. Даниил занял свое при-

вычное место во главе, а с противоположной стороны Дания велела сесть мне. Я удивился – обычно это место тети Саши. Однако она уже сидела по правую руку от всемогущего, а его жена по левую. Решив поинтересоваться такой рассадкой, я занял предложенное место и воззрился на Хроноса.

– Не удивляйся, милый. – улыбнулся мне мужчина. – Но ты в этой истории главный герой, а потому беседа будет вестись, в основном, с тобой. И вопросов, предполагаю, больше всего я получу от тебя. Сейчас мы к этому всему приступим, как только очередной гость займет свое место возле Архимеда.

– Хорошо бы он поторопился. – пробурчал себе под нос Майкл. – А то нас тринадцать, как-то жутковато.

Даниил хмыкнул и повернулся к двери. В этот же момент в комнату заглянул... Евгений! Мама, папа, Александра и я дружно повскакивали со своих мест. Даже тетя Саша, удивившись, приподнялась со стула. Парень улыбнулся нам, а я подлетел и обнял его. Взрослые последовали моему примеру и громко стали удивляться тому, как он тут оказался.

– Небольшие проделки повелителей времени. – Женя подмигнул Дану, и он ответил ему тем же. – Будущие и прежние Хроносы договорились, и нам удалось попасть сюда, в эпоху правления Старковых.

Тут я обратил внимание на то, что дядюшка прибыл на торжественный обед не один. Рядом с ним стояла симпатичная девушка, которая с любопытством оглядывала наше со-

брание. Та самая, из лже-видения, в котором мама ушла от папы.

– Здравствуй, Виктория. – улыбнулся я ей. – Страшно рад тебя видеть.

Супруга Евгения, а также мои родители и прочие родственники удивленно на меня посмотрели. Один лишь Даниил не выказал изумления. Остальным я пояснил, что девушку мне в свое время показал камень.

– Значит, отчасти его показания были основаны на реальных событиях или людях. – кивнула тетя Саша. – Дан, ну теперь-то ты все нам расскажешь?

– Обязательно. Как только вы наконец-то снова усядетесь, и мы разрежем эту симпатичную индейку. – напомнил нам всемогущий о вкусном обеде.

Разумеется, игнорировать щедро накрытый стол мы не стали. И для этого у нас было сразу две причины. Первая – это то, что все и правда выглядит очень вкусно и таковым, думаю, и является. Вторая же заключалась в Дании. Вряд ли бы кто-то ушел живым, отказавшись от ее великолепной стряпни. Впрочем, благодаря первой причине этого бы не произошло. Так что на некоторое время мы погрузились в поглощение пищи.

– Теперь, думаю, можно перейти к делу. Если вы не против, я начну с самого начала. – сказал Даниил, когда мы удовлетворили первый голод.

И он действительно начал с самого начала – с Большого

взрыва. Вкратце мужчина объяснил, что камни его родной планеты впитали больше всего энергии, как и все живое на ней, а после стали максимально восприимчивы к людям, так как провели рядом с ними много времени. Вскользь он коснулся и свойств агата, о которых уже рассказывал мне и отцу.

Затем он перешел непосредственно к преобразованию нашего злосчастного камня. Доподлинно неизвестно, зачем он нужен был Гедону, но за сотни тысячелетий, которые минерал провел в его обители, он сполна напился негативом. Если бы все эти годы камень провел в месте, где идет время, он бы периодически становился источником самых разнообразных неприятностей, таким образом сбрасывая негативную энергию, чтобы не саморазрушиться.

Но был он там, где стрелки часов стоят на месте – в одном из вневременных карманов, поэтому никаких саморазрядов не происходило. Постепенно агат переродился, утратив почти все свои положительные качества, кроме привлекательности для тех, кто к нему чувствителен, а также возможности предупреждать о грядущем. Говорят, что агат – камень прорицателей, он помогает открыть в себе дар ясновидения.

Финальным событием, из-за которого минерал переродился окончательно, стало убийство. До этого еще имелся крошечный шанс вернуть его первоначальные положительные свойства, очищая камень в течение долгих-долгих лет. Однако после того, как Гедон нажал на курок, обратного пути у агата уже не было.

– Импульс выстрела соединился со злым желанием старика лишить человека жизни. – объяснял Дан. – Не забудем и то, что мой тесть, увы, отравлен собственной энергией и о трезвом уме в его случае можно только мечтать. Сумасшествие передалось и камню. Да, минералы действительно живые и тоже могут сойти с ума. А также свести с ума и тех, кто находится с ними в плотном контакте.

Взгляды всех присутствующих устремились ко мне, а я поежился. Так себе перспективка, в самом деле! Вот Томас – наглядный пример того, как действует камень. Он же и правда сошел с ума. Хотя подождите, а откуда у него мой агат? Впрочем, если он мой потомок, то наверняка камень достался ему по наследству, а он уже сделал из него несколько бусинок. Но как те, кто были до него, не сошли с ума и наш род не прервался? Наверное они просто не интересовались агатом так, как я и Том.

– Значит, убийство камень окончательно переродило. – уточнил папа.

– Да. На него повлияло сразу несколько факторов. – откликнулся Хронос. – Во-первых, убийство. Во-вторых, злой умысел старика. В-третьих, оружие – оно, скажем так, тоже не самое обычное. Да и любое оружие несет на себе отпечаток негатива. Это не тот случай, когда инструмент нейтрален и все зависит лишь от того, как его будут использовать. Оружие – не лопата, его создают, только чтобы лишать жизни живое существо. Поэтому оно само по себе является скоп-

лением негатива.

– Удивительно, как я не попал под воздействие камня. –
поежился отец. – Я же даже спал с ним первое время!

– Я тоже. – вспомнил я. – И видел кошмары.

– Ты, Иксион, счастливчик. Камень в то время еще не пробудился. Ведь он столько тысячелетий пребывал во вневременности, что впал в анабиоз. – уточнил всемогущий. – А вот нашему бедняге Оксину досталось по полной. Много совпало. Но прежде всего, камню понравились твои способности, мой мальчик.

– Расскажи о них. – попросил я.

Глава сороковая. Как все было

Даниил не отказался. Однако я мимоходом прислушался к себе и удивился. Если раньше, до всей этой истории моим самым заветным желанием было иметь хоть какие-то способности и ничем не выделяться среди представителей нашего уникального рода, то теперь мне было просто любопытно, не более. Я бы не огорчился, если бы узнал вдруг, что и вовсе ничем особым не обладаю. Весь этот кошмар научил меня правильно расставлять приоритеты. Таланты и способности – это не главное. Главное, чтобы были живы и здоровы те, кого ты любишь. А любовь и есть самый главный талант и способность.

Дан посмотрел на меня и улыбнулся, а потом кивнул. Вне всякого сомнения, он был согласен с тем, что я только что подумал. А потом перешел к другим моим способностям. Но тут он ничего нового не сказал, а лишь подтвердил слова Томаса о том, что я могу предсказывать будущее и владею телекинезом.

– Поздравляю тебя, мой мальчик. Ты сочетаешь активный и пассивный дары, а это редкость. Можно больше не расстраиваться по поводу того, что у тебя нет особых способностей.

– Это давно меня не волнует, а даром ясновидения я бы предпочел не обладать, если ничего не могу изменить.

– Но ведь ты можешь! Можешь менять будущее. Уж по-

верь старику, если ты его видишь – это значит, что ты в силах сделать его таковым или кардинально изменить. Но более плотно твоими дарами мы займемся позднее. Если ты не против.

Я кивнул, а Дан продолжил. Итак, во-первых, камень среагировал на мой дар ясновидения. Он и правда по-прежнему мог усиливать способности людей, которые им обладают и проводят с агатом много времени. Но при этом агат отравлял их рассудок сумасшествием. Я же минералу понравился особо.

Совпало и правда многое. Я нахожусь в том же возрасте, что и мой отец. А папа был первым за многие годы, кто взял камень в руки – Гедеону он был не нужен, старик его и не замечал даже. Телесный контакт, как и психологический, пробудил агат. Но пока он просыпался, один мальчик уже вырос. Однако появился другой, того же возраста, с похожими, так сказать, характеристиками – все же во мне много от папы. Камень меня «узнал».

Еще отец часто горевал, когда проводил время в компании минерала, так как вспоминал погибшего друга. Агат привык к этой эмоции и потом ему ее не хватало. Но уловив знакомые оттенки настроения у меня, когда я увидел возможное будущее и мамину болезнь, минерал стал показывать мне то, что вызывало нужные ему эмоции.

– Он питался твоим негативом. – вздохнул мужчина.

Все в этот момент смотрели на меня с сочувствием, а Вик-

тория даже погладила по голове. Я улыбнулся, показывая, что все в прошлом. Мне было страшно в моменте, но теперь я понимаю, что эта история действительно многому научила нас всех. А самое главное: не пришлось платить за нее слишком дорогую цену. Что значат мои нервы в сравнении с тем, что мама осталась жива? Да, говорят, что нервные клетки не восстанавливаются. Но у дроди другая нервная система, так что восстановятся – никуда не денутся.

– Еще и твой склад характера повлиял. – продолжил Даниил. – Иксион с детства был открытым мальчишкой, таким солнышком, которое освещало все вокруг.

Папа смущенно улыбнулся, а я подумал, что с возрастом это его замечательное качество никуда не делось. Едва он появляется дома и улыбается такой открытой своей улыбкой, все еще мальчишеской, озорной и доброй – как кажется даже, что становится светлее вокруг.

– Ты другой, малыш. Настоящий сундук с загадками.

– Есть в кого. – хмыкнула тетя Саша, явно намекая на Хроноса.

Тот шутливо погрозил ей пальцем, и вернулся к повествованию. Да, я в некоторой степени унаследовал закрытость Даниила, а также дяди Алекса. Минералу, который проводил время в компании такого же закрытого Гедеона, это мое качество понравилось. А мне понравился он. Поэтому меня тянуло к агату, его тянуло ко мне... Но в этой паре я был жертвой, а переродившийся камень – паразитом, который питал-

ся моими эмоциями и сводил меня с ума.

– Однако теперь ты можешь выдохнуть, парень. Все позади. Минерал обезврежен, а ты провел с ним так мало времени, что ментальных расстройств можно не опасаться.

– Тогда перейдем к вопросам. – я достал из кармана блокнот, где накануне записал все, что пришло мне в голову.

Родители удивились, а Евгеша одобрительно покачал головой. Эту привычку я у него перенял. Заметил, что парень все время ходит с блокнотом и записывает то, что ему важно или непонятно. Мне он объяснил, что даже самый плохой карандаш лучше самой хорошей памяти. Записки помогают ему зафиксировать нужные мысли и потом поразмышлять над ними в тишине и спокойствии.

Мне же блокнот поможет сейчас не растеряться и ничего не забыть. С учетом того, что вопросов у меня немало, он действительно пригодится.

– Итак, поехали. Ты сказал, что я могу не бояться того, что спячу. Но как быть с Томасом? Он-то уже явно сошел с ума. Надо ли нам его опасаться? Вопрос не праздный: в нашу последнюю встречу он мне едва не сломал грудную клетку.

– Как мне это кое-кого напоминает. – пробурчала тетя Саша и покосилась на вдруг залившегося краской дедушку.

Теперь уже бабушка с улыбкой погрозила ей кулаком. А я записал себе в блокнотик, что мне обязательно нужно будет узнать эту историю.

– Нет, отныне он полностью безопасен. – улыбнулся Дани-

ил. – Поскольку парень действительно прибыл к тебе из будущего, твое настоящее повлияло и на него. Теперь это прекрасный человек без единого повода для визита к психиатру.

– Замечательно. Хотя встречаться я бы с ним не хотел все равно. Радует, что общих дел у нас не осталось. – тут я заметил, как Хронос явственно хмыкнул, и встревожился. – Или я ошибаюсь?

– Милый, на это я отвечу в последнюю очередь. Но тебе нечего бояться.

– Хочется верить! И следующий вопрос: почему провалился под лед Майкл? Почему заболела тетя Саша? Наконец, почему у мамы случился обморок? Это все Томас?

– Нет, он тебе не врал. Это не Томас, но это и не мироздание, как он думал, а роковая цепь случайностей, которая заставила тебя поверить в бредни несчастного сумасшедшего.

– Майкл, детка, поведай своему кузену, почему ты провалился под лед. – обратилась к сыну тетя Саша.

– Ой, как вы надоели. – поморщился почтительный отпрыск. Наверное, ему уже досталось от родителей за этот поступок.

– Просто твой двоюродный брат считает тебя здравомыслящим мальчиком, который ни за что не будет бегать и топтать по льду, зная о его ненадежности.

– Спасибо, конечно. – хмыкнул парнишка. – Но именно это я и делал. Поиграли с пацанами в хоккей после школы.

Я в ответ только головой покачал. Вот кто бы мог поду-

мать?

– Саша действительно заболела от переживаний за своего оболтуса. – продолжил Дан, а оболтус насупился. – Спокойно, Майкл, я же любя. Ну а обморок Елены – один из звоночков надвигающейся болезни.

– Если бы такое повторилось, когда мы путешествовали на Нибиру и обратно, я бы точно пошла к врачу. – посмотрела на меня мама.

– Все в нашем организме тесно связано с настроением, в котором мы пребываем. – ответила ей Дания. – Когда ты отправлялась к Сашам, была взволнована и напугана. А вот на Нибиру улетала в благостном расположении духа. Обратно же возвращалась в состоянии гнева.

– Неужели гнев может быть во благо? – удивилась Виктория.

– Да, тетка. В узком смысле. Он мобилизует, делает тебя максимально цельной личностью без примесей всяких там ненужных эмоций. Гнев – это та же сосредоточенность, но злая. В моменте он может помочь. В глобальном смысле – разрушает. Но в рассматриваемый нами момент он помог Елене мобилизоваться, заглушил сигналы организма. Поэтому путешествие обошлось без приключений.

Я поехал, представив, что было бы, если бы и эти телепортации закончились обмороками. А ведь в одном из видений все было еще хуже – телепортационная платформа убила маму. Однако я оказался настолько шокирован всем уви-

денным, что эту деталь упустил из виду. Непозволительный проступок!

– Не грызи себя, малыш. – мягко сказал Даниил. – Ты человек, а люди, увы, не всемогущи. И вполне естественно в твоём состоянии не помнить всего кошмара. Наша психика нас так защищает.

– Не знаю, возможно. А скажи, видения мне все-таки показывал камень? Томас тут ни при чем?

– Не все. Это Томас действительно показывал тебе определенные события, которые никогда бы не произошли. Например, в отношении твоей мамы и Евгения...

– Он что, больной?!

– Психически, но сдаётся мне, ты не про это. Он показывал тебе то, что показывал ему камень. Не вини парня слишком сильно, он действительно не виноват.

– Я его простил, но мне сложно будет поверить, что он тут не при чем. Ну и последний вопрос, Дан... Что за камень ты обнаружил в агате, и как он там оказался?

– О! – улыбнулся Хронос. – Это самое загадочное, самое удивительное и самое чудесное во всей этой истории. Разобравшись в природе происхождения этого камня, я в очередной раз восхитился нашим миром и тем, что самое чистое и светлое в нем никогда не пропадает бесследно.

Это вступление заинтриговало всех нас, и мы наострили уши. Оказывается, помимо зла было в камне и добро.

– И это в очередной раз доказывает двойственность всего

сущего. – заливался соловьем Даниил. – Не бывает зла без добра, тьмы без света, плохого без хорошего... Если бы существовало что-то одно, мы бы не знали, что это – не с чем сравнить было бы.

Итак, внутри агата оказался горный хрусталь. Когда Гедеон выстрелил и пуля прошла сквозь камень, она нарушила его целостность, и внутри стал образовываться новый элемент. Но то, какова оказалась его природа, было более чем удивительно.

– То есть, если бы там вдруг выросла плесень или еще какая-нибудь гадость, я бы не был так изумлен. – улыбнулся Хронос. – Но это кварц, прозрачный, как слеза, чистый, как помыслы тех, кто его создал.

– Агат? – папа впился в мужчину глазами. – Мой несчастный друг?

– Он. – согласился наш рассказчик. – И ты. Я, увы, не имел чести быть с ним знакомым, но понимаю, что этот парень действительно абсолютно чист, без греха, как говорится. Уже одно его желание спасти совершенно чужого и незнакомого человека, жертвуя собственной жизнью, о многом говорит. И этот импульс, а еще отпечаток его души, в сочетании с твоей любовью и грустью по погибшему другу, совершили чудо и родили новый камень. Выражаясь более высокопарно, даже на черной почве зла может расцвести белый цветок добра.

Я записал последнее выражение в блокнот, потому что

сейчас не слишком его понял. Дан, тем временем, подошел к комоду и достал оттуда коробочку.

– Я взял на себя смелость и решил немного поработать с камнем. Пусть у каждого из участников этой истории останется добрая о ней память. Никаких негативных видений и последствий, просто чистый камень, который будет приносить вам только радость – я проверял!

С этими словами он раздал отцу, маме, сестре, мне и Антею, а также Евгению по небольшой прозрачной бусине на шнурке. Я зажал ее в руке и улыбнулся. Действительно, от хрусталя не исходило того тягостного ощущения, которое бывало у меня от агата. Наоборот, стало легко и свободно. Отец, который уже завязывал шнурок, явно ощутил то же самое.

– Вот и память о друге сохранена. – погладил он бусину. – Но постой, Даниил! Как же Агат смог так запечататься душой в камне?

– А откуда у искусственно созданного человека вообще взялась душа? Откуда она берется у каждого из нас? Мне кажется, это загадка того же, самого высокого уровня. И, честно говоря, я даже не хочу ее разгадывать. В жизни должно оставаться место для светлой тайны.

Присутствующие разулыбались и согласились с нашим всем.

Эпилог

Когда еды на столе практически не осталось, а мы вели ленивые разговоры уже на отвлеченные темы, Даниил вдруг подмигнул мне и вышел в коридор. Я последовал за ним.

– Мой милый, я помню, что ты не хочешь иметь более дел с Томасом... – начал он. – Но есть один момент, в котором нужно поставить точку.

– О чем ты?

– Вам надо поговорить. Ты, конечно, можешь отказаться и я не буду тебя заставлять. Но он очень просил. И я надеюсь, ты поймешь, зачем это тебе надо.

– А точно надо? – тоскливо протянул я.

– Да. Но не бойся – я буду рядом. И я знаю, что тебя никто не обидит.

Его уверенность передалась и мне, так что я кивнул. Хотя в упор не представлял, что еще нужно от меня Тому. Может, он хочет лично попросить прощения? Ну ладно – несколько минут в его обществе я выдержу.

– Но после этого мы с ним больше не увидимся? – на всякий случай уточнил я.

– Больше никогда. Уж я прослежу.

– Хорошо.

– Тогда пойдем.

Мы пришли на балкон, где у всемогущих находится обо-

зреватель галактик. Дан написал на черной грифельной доске мелом какую-то дату. Я глянул на нее – тридцать лет вперед после моего нынешнего времени. Так Томас меня обманул и живет гораздо ближе, чем я думал? Или он опять путешествует по времени? Или...

Даниил развернул в обозревателе Эдем, стал приближать наш город. А я почувствовал, как сердце вдруг забилось часто-часто.

– Теперь я вас оставляю. Но буду за стенкой. – улыбнувшись, мужчина вышел.

Я же устался на гостиную, которая находилась – и я знал это точно, в нашем доме. Прошло много лет, но интерьер изменился несильно. А вот и я сам – такой же, как сейчас. Хотя что это? Почему у меня зеленые глаза?! Еще сегодня утром они были темными! Двойник с любопытством уставился на меня и разулыбался.

– Какой ты смешной, когда ребенок! – воскликнул он.

– На себя посмотри. – буркнул я в ответ своей зеленоглазой копии.

Сбоку, за пределами зоны видимости, раздался грохот, а потом знакомый голос Томаса.

– Он уже тут?

– Да, пап. – ответил паренек, а я ухватился за перила балкона.

Очень мне это знакомо: спешить куда-то со всех ног, не видя, собственно, что под этими самыми ногами находится.

Сам такой же. Но не это, конечно, заставило меня сжать до побелевших пальцев фигурные перила. Мальчик, который так удивительно похож на меня, назвал Томаса папой! А вот и сам мужчина.

Выглядел мой недавний сообщник и одновременно враг, очень хорошо. Даже лучше, чем тогда в больнице. По его виду сразу стало понятно, что никаких крупных потрясений в жизни мужчина не переживал – исчезли морщинки, настроженность во взгляде, седые волоски в аккуратной прическе. Не было и той привычной черной одежды – сейчас он облачился в светлые футболку и шорты. Немыслимое дело! Томас, которого я знаю, всегда элегантен и застегнут на все пуговицы – я сейчас даже не про одежду.

Но самые главные изменения, конечно, на лице. И это не только уже упомянутое отсутствие морщинок. Лицо делают отражающиеся на нем эмоции, улыбка. Наконец-то Том расслабился, ушло напряженное и загнанное выражение, глаза улыбаются и губы тоже. Теперь он смотрит не колючим взглядом, а по-доброму, мягко. И сразу видно, что это очень хороший человек. Хотя, может, я просто польстил ему из-за того, что сейчас мужчина вдруг стал очень похож на папу и на меня? Но почему, почему обнаружилось вдруг такое потрясающее сходство?

– Томас? – посмотрел я на него.

– Не, это я Томас. – сказал зеленоглазый я.

– Мой сын. – улыбнулся «Томас». – А я...

– Это я. – закончил я за него.

До сего момента мне и в голову не приходило, что на самом деле я общаюсь с самим собой, только на тридцать лет старше. А теперь я наконец-то все понял. В том числе, и некоторые вещи, что до этого казались мне странными. Например, почему мой новый знакомый утверждал, что я все переживу. Потому что он сам это пережил, жил дальше и даже вот сыном обзавелся.

Я понял, как он справился со здоровенными собаками, когда устраивал пожар. Наши псы не позволили бы чужому войти в дом, но меня они встретили с радостью. Наверное, даже когда мы вырастем, животные не перестают нас узнавать, а меня они очень любят.

До меня наконец-то дошло, как не будучи телепатом, «Томас» читал мои мысли. Он просто их помнил. Какая у него, то есть, у меня, прекрасная память. И вдруг наконец дошло и то, что весь тот кошмар, который я пережил за эти месяцы, взрослый я тоже прожил. Но ему пришлось столкнуться с самым страшным, с тем, чего я избежал. Да еще и он находился под воздействием камня, который постепенно сводил меня с ума, но как-то находил в себе силы, старался не погрузиться в безумие полностью, жил изо всех сил!

Вся та злость и обида на него, которые все-таки еще где-то жили во мне, мгновенно испарилась. Мне стало так жалко мужчину! Я посмотрел на него уже другими глазами, увидел самого близкого мне человека – меня самого. И вылез с бал-

кона, обнял его крепко-крепко. Взрослый я ответил мне тем же, а я посмотрел ему в глаза, которые, и я знал это заранее, сейчас были на мокром месте.

– У детей есть один уникальный, удивительный дар. – сказал взрослый я. – Прощать, несмотря ни на что. Безусловный рефлекс прощения, исходящий из безусловной любви. Прощу тебя, сохрани это качество в нас как можно дольше.

– Я постараюсь. – улыбнулся я. – Значит, мне пришлось в голову назваться в честь своего сына?

– Скажи спасибо, что в честь меня. – вмешался юный Томас. – Если бы папа выбрал для псевдонима имя моего брата, зуб даю, ты бы очень удивился.

– У меня два сына? Несколько детей? – во мне внезапно пробудилось любопытство, и я захотел узнать о своем будущем как можно больше.

– Фильтруем базар! – тут же прорезался с балкона Даниил. Я скорчил ему жалобную моську, но всемогущий остался непреклонным. Ну да, я понимаю, о будущем нельзя много знать, нужно самому пройти эту дорогу, узнавая все в моменте, а не наперед. Но мне же любопытно, как сложится моя жизнь. Впрочем, мой дар предвидения может помочь это увидеть, хотя бы в отдельных моментах.

– Но самое важное он, то есть я, может узнать теперь. – сказал взрослый я.

– Да. Мы же договаривались. – согласился с ним Хронос.
– Про что вы? – переводил я взгляд с одного на другого.

Но моя взрослая версия вместо этого повернулась к двери спальни, которую в моем времени занимают родители. Сердце забилось еще чаще.

– Мама. – не обманул мои надежды взрослый Оксинт.

Дверь распахнулась и в гостиную вышла мама. За тридцать лет она почти не изменилась! Только волосы стали серебристыми, а лицо украсили морщинки. Именно украсили – мамочка стала еще красивее, оставаясь по-прежнему такой знакомой, близкой и родной.

– Здравствуй, мой малыш. – улыбнулась она.

Я, не в силах найти слов, просто обнял ее. Мама погладила меня по голове.

– Мой маленький взрослый мальчик, хотя Дан и запрещает, но я хочу тебе сказать: твоя жизнь сложилась очень счастливо.

– Потому что ты осталась со мной.

– Я всегда остаюсь с тобой, Оксинт. В те дни, которые тебе пришлось пережить много лет назад, ты спрашивал меня, как же дети отделяются от родителей. Я тогда неправильно ответила тебе. Но сейчас знаю точно: на самом деле этого не происходит. Та связь, которая появляется между родителями и детьми в первые секунды – она навсегда. Эта нить невидимая, но вечная. Она крепче не то, что какой-то там пуповины, она крепче самого прочного стального прута. Мы, родители, всегда остаемся рядом с вами. Даже когда мы с тобой ссоримся – мы вместе. Даже когда мы находимся на

разных планетах или в разных временах – мы не расстаемся. Даже когда я уйду, ведь когда-то это случится, я буду рядом с тобой. Как ты будешь рядом со своими детьми. Потому что мы, на самом деле, не умираем. Мы просто становимся такими же невидимками, как наша связь. Но мы есть и мы остаемся рядом с вами. Благодаря любви, той самой нерушимой и безусловной, которая есть только между родителями и детьми. Поэтому мы всегда вместе. Запомни это, мой маленький. И запомни то, что не изменится никогда, даже если мир и правда закончится и начнется заново. Запомни: я люблю тебя. Всегда.

– Я люблю тебя, мама. Всегда.

От автора

Дорогой читатель, спасибо тебе за то, что ты прочитал эту историю из моей вселенной «Качели времени». Горько от того, что она сильно отличается от моей истории, которая увы произошла в жизни. Этой части не должно было быть, а история Елены закончилась бы еще в шестом томе романа. Я начала эту книгу через два дня после того, как не стало моей мамы. И решила – пусть хотя бы здесь все закончится хорошо. Пусть хотя бы в книгах жизнь и любовь побеждают болезнь и смерть – и в жизни пусть почаще случаются такие победы. И пусть как можно больше детей и родителей как можно дольше будут вместе. Если я могу сделать что-то доброе, хоть и на листе – пускай так и будет.

И я от всей души желаю тебе, читатель, чтобы твои

близкие люди, неважно, по крови или нет, как можно дольше были рядом с тобой. Чтобы вы успели сказать друг другу о том, как дороги друг другу. Чтобы не пришлось жалеть об упущенном времени. И чтобы радости было больше, чем печали.